

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК

Отделение историко-филологических наук

ВОПРОСЫ ЯЗЫКОЗНАНИЯ

Журнал основан в январе 1952 года

Выходит 6 раз в год

3

МАЙ — ИЮНЬ

«Наука»

Москва

2016

Главный редактор:

В. А. Плунгян

д. ф. н., проф., чл.-корр. РАН, Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН; Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова

Зам. главного редактора:

Н. Б. Вахтин

д. ф. н., проф., Европейский университет в Санкт-Петербурге

В. И. Подлесская

д. ф. н., проф., Российский государственный гуманитарный университет

Редколлегия:

В. М. Алпатов

д. ф. н., проф., чл.-корр. РАН, Институт языкознания РАН

Ю. Д. Апресян

д. ф. н., проф., академик РАН, Институт проблем передачи информации им. А. А. Харкевича РАН; Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН

И. М. Богуславский

д. ф. н., проф., Институт проблем передачи информации им. А. А. Харкевича РАН; Мадридский политехнический университет, Испания

А. В. Бондарко

д. ф. н., чл.-корр. РАН, Институт лингвистических исследований РАН

В. А. Виноградов

д. ф. н., проф., чл.-корр. РАН, Институт языкознания РАН

М. Д. Воейкова

д. ф. н., Институт лингвистических исследований РАН

Т. В. Гамкрелидзе

д. ф. н., академик РАН; Тбилисский университет

В. З. Демьянков

д. ф. н., проф., Институт языкознания РАН

Д. О. Добровольский

д. ф. н., проф., Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН

В. А. Дыбо

д. ф. н., академик РАН, Институт славяноведения РАН

А. Ф. Журавлёв

д. ф. н., Институт славяноведения РАН; Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова

Вяч. Вс. Иванов

д. ф. н., проф., академик РАН, Институт славяноведения РАН; Калифорнийский университет, США

Н. Н. Казанский

д. ф. н., проф., академик РАН, Институт лингвистических исследований РАН

А. М. Молдован

д. ф. н., академик РАН, Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН

Е. В. Рахилина

д. ф. н., проф., Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»; Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН

Зав. отделами:

А. С. Кулева, А. В. Кухто, З. Ю. Петрова

Зав. редакцией:

Н. В. Ганнус

Индексируется в: Российский индекс научного цитирования (РИНЦ); Brill Linguistic Bibliography (Online); Cambridge University Press Language Teaching (Online); De Gruyter Saur Dietrich's Index Philosophicus; De Gruyter Saur IBZ — Internationale Bibliographie der Geistes- und Sozialwissenschaftlichen Zeitschriftenliteratur; De Gruyter Saur Internationale Bibliographie der Rezensionen Geistes- und Sozialwissenschaftlicher Literatur; EBSCOhost Modern Language Association (MLA) International Bibliography; Elsevier BV Scopus; Gale MLA International Bibliography Modern Language Association; ProQuest CSA Linguistics and Language Behavior Abstracts Cambridge Scientific Abstracts; ProQuest MLA International Bibliography Modern Language Association; Russian Science Citation Index (RSCI); Wiley-Blackwell Publishing Ltd. Linguistics Abstracts (Online).

Адрес редакции: 119019, Москва, ул. Волхонка, 18/2, Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН, редакция журнала «Вопросы языкознания»

Телефон: (495) 637-25-16

E-mail: voprosy@mail.ru

Сайт: <http://vja.ruslang.ru>

<http://issuesinlinguistics.ru>

© Российская академия наук, 2016

© Редколлегия журнала «Вопросы языкознания» (составитель), 2016

© ФГУП «Академиздатцентр «Наука», 2016

RUSSIAN ACADEMY OF SCIENCES

Department of History and Philology

VOPROSY JAZYKOZNANIJA

(TOPICS IN THE STUDY OF LANGUAGE)

Founded in January 1952

6 issues per year

3
MAY — JUNE

«Nauka»

Moscow

2016

Editor-in-chief:

Vladimir A. Plungian Vinogradov Institute of the Russian Language (RAS); Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia

Assistant editors:

Vera I. Podlesskaya Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia
 Nikolai B. Vakhutin European University at St. Petersburg, Russia

Editorial board:

Vladimir M. Alpatov Institute of Linguistics (RAS), Moscow, Russia
 Yury D. Apresjan Kharkevich Institute for Information Transmission Problems (RAS); Vinogradov Institute of the Russian Language (RAS), Moscow, Russia
 Igor M. Boguslavsky Kharkevich Institute for Information Transmission Problems (RAS), Moscow, Russia; Universidad Politécnica de Madrid, Spain
 Aleksandr V. Bondarko Institute for Linguistic Studies (RAS), St. Petersburg, Russia
 Valery Z. Demyankov Institute of Linguistics (RAS), Moscow, Russia
 Dmitriy O. Dobrovol'skij Vinogradov Institute of the Russian Language (RAS), Moscow, Russia
 Vladimir A. Dybo Institute of Slavic Studies (RAS), Moscow, Russia
 Tamaz V. Gamkrelidze University of Tbilisi, Georgia
 Vyacheslav Vs. Ivanov Institute of Slavic Studies (RAS), Moscow, Russia; University of California (Los-Angeles), USA
 Nikolai N. Kazansky Institute for Linguistic Studies (RAS), St. Petersburg, Russia
 Aleksandr M. Moldovan Vinogradov Institute of the Russian Language (RAS), Moscow, Russia
 Ekaterina V. Rakhilina National Research University «Higher School of Economics»; Vinogradov Institute of the Russian Language (RAS), Moscow, Russia
 Viktor A. Vinogradov Institute of Linguistics (RAS), Moscow, Russia
 Mariia D. Voeikova Institute for Linguistic Studies (RAS), St. Petersburg, Russia
 Anatoly F. Zhuravlev Institute of Slavic Studies (RAS); Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia

Editorial staff:

Anna S. Kuleva, Anton V. Kukhto, Zoya Yu. Petrova

Managing editor:

Nataliia V. Gannus

Abstracting/Indexing: Brill Linguistic Bibliography (Online); Cambridge University Press Language Teaching (Online); De Gruyter Saur Dietrich's Index Philosophicus; De Gruyter Saur IBZ — Internationale Bibliographie der Geistes- und Sozialwissenschaftlichen Zeitschriftenliteratur; De Gruyter Saur Internationale Bibliographie der Rezensionen Geistes- und Sozialwissenschaftlicher Literatur; EBSCOhost Modern Language Association (MLA) International Bibliography; Elsevier BV Scopus; Gale MLA International Bibliography Modern Language Association; ProQuest CSA Linguistics and Language Behavior Abstracts Cambridge Scientific Abstracts; ProQuest MLA International Bibliography Modern Language Association; Rossiiskii indeks nauchnogo tsitirovaniya (RINTs); Russian Science Citation Index (RSCI); Wiley-Blackwell Publishing Ltd. Linguistics Abstracts (Online).

Address: «Voprosy Jazykoznanija», editorial office, Vinogradov Institute of the Russian Language, Volkhonka street, 18/2, Moscow, 119019, Russia

Telephone: +7 (495) 637-25-16

E-mail: voprosy@mail.ru

Website: <http://vja.ruslang.ru>

<http://issuesinlinguistics.ru>

СОДЕРЖАНИЕ

Д. О. Добровольский (Москва). Грамматика конструкций и фразеология	7
Е. В. Падучева (Москва). Местоимения типа <i>что-нибудь</i> в отрицательном предложении	22
Н. М. Стойнова (Москва). «Перепишите заново»: к типологии двойных деривационных показателей	37
О. Ф. Жолобов (Казань). От праславянского языка к старославянскому: о перфективном имперфекте	64
С. Г. Татевосов (Москва). Структура и интерпретация ненецкого глагола: актантно-акциональные классы и типы спряжения	81
Г. И. Романий (Тель-Авив), М. А. Ключева (Йошкар-Ола). К этимологии зачинов <i>кингера, тилирам, киргиз-татарин</i> и др. в детской подвижной игре типа «цепи (кованные)»	115

Критика и библиография

Рецензии

И. Г. Овчинникова (Хайфа/Пермь), Т. В. Ахутина (Москва). <i>А. А. Кибрик, А. Д. Кошелев</i> (сост. и ред.), <i>А. В. Кравченко, Ю. В. Мазурова, О. В. Федорова</i> (ред.). Язык и мысль: Современная когнитивная лингвистика. М.: Языки славянской культуры, 2015	131
Т. А. Майсак (Москва). <i>П. М. Аркадьев</i> . Ареальная типология префиксального перфектива (на материале языков Европы и Кавказа). М.: Языки славянской культуры, 2015	140

Научная жизнь

А. Б. Летучий (Москва). 48-я Ежегодная конференция Европейского лингвистического общества	148
Р. К. Потапова, В. В. Потапов (Москва). XVII Международная конференция SPESOM'2015 «Речь и компьютер»	151
Ю. С. Капитанова (Москва). Виноградовские чтения 2016 г.	159

CONTENTS

Dmitrij O. DOBROVOL'SKIJ (Moscow). Construction Grammar and phraseology	7
Elena V. PADUCHEVA (Moscow). Pronouns of the type <i>chto-nibud'</i> 'something' in negative sentences	22
Natal'ya M. STOYNOVA (Moscow). "Rewrite it again": Towards the typology of double derivational markers.....	37
Oleg F. ZHOLOBOV (Kazan). From Proto-Slavic to Old Church Slavonic: On Perfective Imperfect	64
Sergei TATEVOSOV (Moscow). Structure and interpretation of Tundra Nenets verbs: Eventuality types and conjugation classes	81
Gleb I. ROMANIY (Tel-Aviv), Maria A. KLYUCHEVA (Yoshkar-Ola). Towards the etymology of the opening words <i>kingera</i> , <i>tiliram</i> , <i>kirgiz-tatarin</i> , etc. in active children's games of the "red rover" type.....	115

Bibliography. Reviews

Reviews

Irina G. OVCHINNIKOVA (Haifa/Perm), Tatyana V. AKHUTINA (Moscow). <i>A. A. Kibrik, A. D. Koshelev</i> (comps. and eds.). <i>A. V. Kravchenko, Yu. V. Mazurova, O. V. Fedorova</i> (eds). <i>Yazyk i mysl': Sovremennaya kognitivnaya lingvistika</i> [Language and thought: Contemporary cognitive linguistics]. Moscow: Yazyki slavyanskoi kul'tury, 2015.....	131
Timur A. MAISAK (Moscow). <i>P. M. Arkadiev. Areal'naya tipologiya prefiksals'nogo perfekti-va (na materiale yazykov Evropy i Kavkaza)</i> [Areal typology of the prefixal perfective aspect (a case study in European and Caucasian languages)]. Moscow: Yazyki slavyanskoi kul'tury, 2015	140

Academic life

Alexander B. LETUCHIY (Moscow). 48 th Annual meeting of the Societas Linguistica Europaea	148
Rodmonga K. POTAPOVA, Vsevolod V. POTAPOV (Moscow). XVII International conference SPECOM'2015 "Speech and computer"	151
Yulia S. KAPITANOVA (Moscow). XLVII Vinogradov readings, 2016	159

ГРАММАТИКА КОНСТРУКЦИЙ И ФРАЗЕОЛОГИЯ*

© 2016 г. Дмитрий Олегович Добровольский

Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН, Москва, 119019, Российская Федерация
dobrovolskij@gmail.com

В статье обсуждается соотношение грамматики конструкций и теории фразеологии. Грамматика конструкций (СхГ) представляет собой сегодня конгломерат различных подходов и концепций, а не единую теорию. В качестве базовых принципов, разделяемых всеми направлениями СхГ, можно назвать отрицание четкой границы между грамматикой и словарем и отказ от статичного взгляда на язык, согласно которому высказывания строятся из лексических единиц с фиксированными значениями, соединяемых по независимым от этих значений регулярным грамматическим правилам. В центре внимания СхГ оказываются динамические аспекты порождения высказывания. Элементы, из которых строится высказывание, чувствительны к своему окружению и при этом влияют на сам способ построения синтаксических групп. Иными словами, план содержания единиц лексикона зависит от синтаксиса, а синтаксис зависит от выбора лексических единиц. Поскольку фразеология по определению находится в промежуточной зоне между лексиком и грамматикой, вполне естественно, что интересы грамматики конструкций и теории фразеологии пересекаются. Для исследования особенностей фразеологической системы важно выявить эти точки пересечения, то есть установить, в каких случаях использование идей и метаязыковых инструментов СхГ может оказаться полезным для развития теории фразеологии и для решения конкретных задач. В статье обсуждаются некоторые из таких случаев.

Ключевые слова: грамматика конструкций, идиомы, класс фразеологизмов-конструкций, конверсные преобразования, семантико-прагматические следствия, семантические сдвиги, фразеология

CONSTRUCTION GRAMMAR AND PHRASEOLOGY

Dmitrij O. Dobrovol'skij

Vinogradov Institute of the Russian Language, Russian Academy of Sciences, Moscow, 119019,
Russian Federation
dobrovolskij@gmail.com

The article discusses the relationship between Construction Grammar and phraseology. At present, Construction Grammar (CxG) is a conglomerate of different approaches and concepts rather than a unified theory. Basic principles shared by all CxG approaches include the rejection of a clear boundary between grammar and lexicon and the repudiation of the static view of language, according to which utterances are constructed from lexical units with fixed meanings joined together by regular grammatical rules independent of these meanings. CxG focuses on the dynamic aspects of utterance generation. The elements from which the utterance is constructed are sensitive to their environment and influence the very means by which syntactic phrases are formed. In other words, the meaning of the units of the lexicon depends on syntax, and syntax depends on the selection of lexical units. Since phraseology is by definition located in the intermediate zone between lexicon and grammar, the interests of Construction Grammar and the theory of phraseology quite naturally intersect. In order to research the specific features of the phraseological system it is important to identify these points of intersection — that is, to determine in which cases the use of the ideas and metalinguistic

* Работа выполнена при поддержке РГНФ (грант № 15-04-00507а). Я благодарю Е. В. Рахилину и моих анонимных рецензентов за замечания, которые, как кажется, удалось учесть в окончательном варианте статьи.

instruments of CxG can be useful for developing the theory of phraseology. A number of such instances are discussed in the article.

Keywords: class of constructional phrasemes, Construction Grammar, converse transformations, idioms, phraseology, semantic and pragmatic consequences, semantic shifts

Довольно часто приходится слышать мнение, что грамматика конструкций (Construction Grammar, сокращенно CxG) и теория фразеологии — это, по сути, одно и то же¹. Это не так, хотя между этими двумя областями лингвистики существует немало точек пересечения. Именно об этих точках пересечения, а также о принципиальных различиях между CxG и фразеологией пойдет речь в данной статье. Главное отличие грамматики конструкций от фразеологии состоит в том, что CxG — это, прежде всего, синтаксическая теория (хотя и с претензией на охват всех уровней языковой структуры), а теория фразеологии — это часть лексикологии, то есть теория, ориентированная на лексикон и в первую очередь на лексическую семантику. Отправной точкой развития CxG явилось осознание того факта, что синтаксические схемы часто небезразличны к своему лексическому наполнению и что для полного описания синтаксиса нужно учитывать и нерегулярные феномены, которые в одних случаях напоминают устойчивые сочетания слов, традиционно изучаемые в рамках фразеологии, а в других — требуют обращения к правилам взаимодействия синтаксических структур. Объектом описания теории фразеологии являются устойчивые словосочетания как единицы лексикона, их семантические, прагматические и сочетаемостные особенности, а также параметры их системной организации, источники возникновения и аспекты исторического развития.

1. Грамматика конструкций: идеи и методы

Грамматика конструкций представляет собой не столько некую единую теорию, сколько множество различных подходов и концепций, объединяемых набором базовых принципов, важнейший из которых — отрицание четкой границы между грамматикой и словарем. Еще одна базовая черта CxG — перенесение центра внимания на подвижность, изменчивость лексического значения отдельных единиц словаря под воздействием их непосредственного окружения.

Таким образом, грамматика конструкций отказывается от статичного взгляда на язык, согласно которому высказывания строятся из лексических единиц с фиксированными значениями, соединяемых по независимым от этих значений и регулярным грамматическим правилам. Вместо этого подчеркиваются динамические аспекты порождения высказывания: неэлементарные составляющие строятся из элементов, с одной стороны, чувствительных к своему окружению, а с другой — влияющих на сам способ построения синтаксических групп. При таком взгляде на вещи основными единицами языка оказываются не лексемы и не правила, а конструкции разной величины, степени сложности и уровня абстракции. Для грамматики конструкций характерна также ориентация на идеи фамильного сходства: исходя из примата конкретного эмпирического материала перед абстрактными схемами, CxG «работает» не с жесткими правилами, а с прототипами.

На ранних этапах развития грамматики конструкций основное внимание уделялось описанию пограничных — и поэтому не вполне регулярных, композиционных — областей синтаксиса и лексикона (именно в этом направлении CxG достигла наиболее значительных успехов). Ср. известное определение понятия конструкции А. Голдберг, согласно которому

¹ По крайней мере, в ранних версиях грамматики конструкций ее область описания практически совпадает с предметом фразеологии. О связи CxG с фразеологией см. также [Croft, Cruse 2004: 225; Gries 2008: 14—15; Wulff 2013].

конструкция обязательно предполагает наличие определенной непредсказуемости взаимодействия формы и значения². Сходные идеи высказывались уже и в [Fillmore et al. 1988]³.

В последнее время понятие конструкции все более и более расширяется. Это аргументируется, в частности, тем, что многие абсолютно регулярно образованные словосочетания и модели, по которым они созданы, оказываются настолько частотными, что есть основания полагать, что они хранятся в памяти носителя языка как единые блоки, а не порождаются по правилам синтаксиса и соположения смыслов⁴. Эта точка зрения становится все более распространенной, что и понятно, поскольку анализ частоты встречаемости языковых выражений с использованием статистических методов (см. в первую очередь работы Дж. Байби, в частности [Bybee 2010]) — важная составляющая большинства направлений CxG⁵.

Более того, несмотря на отсутствие единого для отдельных подходов теоретического аппарата, грамматика конструкций претендует сегодня на охват всех языковых явлений. Даже столь базовая структура, как «субъект-предикат-объект» объявляется (пусть и регулярной, но) конструкцией. Логика, лежащая в основе этой экспансии, проста: описательное устройство, которое может справиться с нерегулярными — близкими к фразеологии или синтаксически непрозрачными — конструкциями, справится и с регулярными, образованными по продуктивным правилам сочетаниями. Ср., в частности [Hoffmann, Trousdale 2013]. Эти идеи содержатся уже и в пионерских работах Ч. Филлмора и его коллег⁶. Насколько оправдано такое расширение объяснительного потенциала CxG — отдельный, причем достаточно спорный, вопрос.

Здесь мы не предлагаем анализа различных направлений и положений грамматики конструкций. Достаточно полный обзор основных направлений CxG и близких идей, высказываемых в иных теоретических контекстах, содержится в работе [Рахилина, Кузнецова 2010], а также в [Ziem, Lasch 2013]. Важно подчеркнуть, что некоторые идеи, связанные

² «C is a construction iff_{def} C is a form-meaning pair <Fi, Si> such that some aspect of Fi or some aspect of Si is not strictly predictable from C's component parts or from other previously established constructions» [Goldberg 1995: 4] («С является конструкцией, если и только если С образует такую пару форма-значение <Fi, Si>, что некоторый аспект Fi или некоторый аспект Si не может быть строго предсказан на основе компонентов С или других ранее установленных конструкций»; здесь и далее перевод наш. — Д. Д.).

³ Ср. указание на то, что конструкциям свойственна некоторая идиоматичность: «constructions may be idiomatic in the sense that a large construction may specify a semantics (and/or pragmatics) that is distinct from what might be calculated from the associated semantics of the set of smaller constructions that could be used to build the same morphosyntactic object» [Fillmore et al. 1988: 501] («конструкции могут быть идиоматичны, в том смысле, что большая конструкция задает семантику (и/или прагматику), отличную от того, что могло бы быть вычислено из семантики набора меньших конструкций, потенциально образующих тот же морфосинтаксический объект»).

⁴ «In addition, patterns are stored as constructions even if they are fully predictable as long as they occur with sufficient frequency» [Goldberg 2006: 5] («Кроме того, если паттерны встречаются с достаточной частотой, они хранятся как конструкции, даже если они полностью предсказуемы»). См. также [Bybee, Norp91 2001; Croft, Cruse 2004: 308—318; Bybee 2013]. В категорию конструкций в некоторых версиях теории включаются даже морфемы, на том основании, что их значение не выводимо из более элементарных единиц, а следовательно, непредсказуемо. Впрочем, у этой точки зрения находится достаточно много противников. Ср., например, [Booij 2010: 15].

⁵ Ср. также [Stefanowitsch, Gries 2003; Stefanowitsch 2007].

⁶ «It appears to us that the machinery needed for describing the so-called minor or peripheral constructions (...) will have to be powerful enough to be generalized to more familiar structures. (...) It can be hoped that the structure-building principles of the so-called core and the machinery for building the phraseological units (...) may be of a uniform type, the former being a generate instance of the latter» [Fillmore et al. 1988: 534] («Нам кажется, что аппарат, необходимый для описания так называемых малых или периферических конструкций, должен быть достаточно мощным, чтобы его можно было применить к более привычным структурам. (...) Можно надеяться, что структурообразующие принципы так называемого ядра и механизмы построения фразеологических единиц могут относиться к одному типу, при этом первый является более общим по отношению к последнему»).

с изучением природы неаддитивных словосочетаний, были предвосхищены в традиционной русистике, в первую очередь в известной работе Н. Ю. Шведовой [1960]⁷.

С грамматикой конструкций соотносится также одно из направлений Московской семантической школы — изучение феноменов «малого синтаксиса»; см. прежде всего работы Л. Л. Иомдина [2006; 2008; 2013]. В область «малого синтаксиса» включаются как «синтаксические фраземы» типа *все равно*, так и «нестандартные синтаксические конструкции» различной природы, например, конструкции с тождественными словоформами (такие как *он рос и рос, я верил и не верил*). К «синтаксическим фраземам» относятся также и составные предлоги (например, *в силу*), наречия степени типа *от силы* и др. См. подробнее [Апресян 2010: 59—280].

В качестве критерия противопоставления «синтаксических фразем» и «нестандартных синтаксических конструкций» служит наличие в соответствующей структуре четких лексических «якорей». Например, конструкция *Z-у не до X-а* является фраземой, так как содержит константные лексические элементы *до* и *не*. Таким образом, фразеологизмы-конструкции, о которых подробнее речь пойдет ниже, в разделе 2, также включаются в класс синтаксических фразем. Подчеркнем еще раз, что подобные формы представляют с точки зрения грамматики конструкций наибольший интерес, поскольку их синтаксическая структура (вместе с фиксированными элементами конструкции) характеризуется единым значением, приближающимся к лексическому. Например, фразеологизм-конструкция *X как X* (*обед как обед, статья как статья*) выражает идею обычного: *обед как обед* значит, что этот обед соответствует представлениям об обычном, нормальном обеде. Такое высказывание уместно, например, как реакция на критическое замечание собеседника, ср.: — *Ну и обед! Накормили называется!* — *Да ты что?! Обед как обед*.

К «нестандартным синтаксическим конструкциям» относятся синтаксические схемы, в которых нет лексических ограничений на заполнение элементов конструкции. Ср., например, инфинитивно-модальную безличную конструкцию с дательным падежом субъекта *Z-у X-овать* ‘*Z-у предстоит X-овать*’ (*Тебе выходить на следующей*) [Иомдин 2013: 300]. В качестве примеров нестандартных синтаксических конструкций приводятся также форма *X-овать (не) X-овал...* (ср.: *читать не читал, но... или спать-то я спал, но не выспался...*) и омонимичная конструкция топикализации типа *есть не ест, пить не пьет; курить он не курит*. Важно, что на основе той же синтаксической схемы могут образовываться фразеологизмы (например, *знать не знаю, ведаю не ведаю*). На сходные явления обратил внимание в свое время Д. Н. Шмелев [1977: 327—330] в связи с обсуждением понятия «фразеосхемы».

Возвращаясь к идеям грамматики конструкций, напомним, что наиболее убедительные результаты применения ее методов связаны с описанием не вполне регулярных явлений языка. Эта область оказывается столь обширной и разнородной, что СхG может считаться весьма значимым компонентом современной лингвистики и без претензий на глобальный охват всех мыслимых языковых структур. Помимо феноменов «малого синтаксиса» и нерегулярных лексикализованных словосочетаний, близких к фразеологии, в сферу законных интересов грамматики конструкций попадают, например, случаи, в которых глаголы определенного класса приобретают несвойственную им модель управления, что часто связано с семантическими сдвигами. На материале английского языка подобные случаи подробно описаны в известной работе [Goldberg 1995]. Ср. также многочисленные работы, посвященные изучению дитранзитивных английских конструкций и соответствующих лексических ограничений, не всегда объяснимых в терминах семантических классов, или результативных конструкций, крайне продуктивных в германских языках.

Среди явлений такого рода, изучаемых на материале немецкого языка, можно назвать функционирование глаголов звука с моделью управления, свойственной глаголам движения; ср. раздел «*Geräusch-als-Bewegung-Verb rumpeln*» в [Ziem, Lasch 2013: 173—185]. Это явление хорошо описано на материале русского языка в терминах регулярной многозначности,

⁷ Из последних работ, развивающих эту традицию, см. [Баранов, Добровольский (в печати)].

см. [Падучева 1998]. Так, в предложении *Грузовик тарыхтел по пыльной дороге* глагол звука *тарыхтел* ведет себя как глагол движения, сопоставимый по значению с глаголами типа *ехать*. С точки зрения грамматики конструкций такие случаи описываются не столько как приобретение словом нового значения, что, в свою очередь, приводит к изменениям в структуре высказывания, сколько как результат «давления» смысла конструкции на семантические и синтаксические свойства данного слова. Иными словами, предлагается объяснение, исходящее не из примата семантики, а из идеи «принуждения» (coercion) или «интеграции» (integration), когда участие слова в другом — изначально несвойственном ему — классе конструкций заставляет его изменить свое значение⁸. Важно, что и значение данного слова должно содержать элементы, которые допускают включение слова в нестандартный контекст⁹, и, следовательно, в подобных случаях точнее говорить об интеграции. Так, в семантике глаголов звука потенциально заложена идея движения, поскольку звук — часто результат воздействия движущегося объекта, движения воздуха, трения и др.

Существенный интерес для СxG представляют также классы глаголов со специфической моделью управления, особенно если их конструктивные свойства не вполне предсказуемы. Примером могут служить русские путативные глаголы, то есть глаголы со смыслом ‘считать’ в качестве вершинного компонента толкования, анализируемые в [Апресян 2010: 342—343]. Эти глаголы управляют конструкцией определенного вида: *считать кого-л. / что-л. каким-л.* (например, *считать условия плохими, находить ее исключительно красивой*). Интересно, что близкий по значению глагол *думать* — в отличие от английского *think* — такой конструкцией не управляет.

Что касается исследования результативных конструкций, в том числе и на материале английского и немецкого языков, литература в этой области практически необозрима. Из крупных публикаций назовем лишь [Boas 2003; Goldberg, Jackendoff 2004; Müller 2002; 2006]. С точки зрения семантики особенность конструкций этого рода заключается в том, что они фокусируют результат действия, обозначаемого глаголом, а с синтаксической точки зрения — в том, что изначально непереходный глагол присоединяет предикативное прилагательное, образуя сложный предикат, управляющий в рамках конструкции прямым дополнением (семантически это пациенс или тема, то есть эффицированный объект).

Использование метаязыковых инструментов СxG сталкивается, по крайней мере, с двумя проблемами. Во-первых, этот инструментарий не всегда оказывается в равной степени приспособленным для описания конструкций разных языков¹⁰ и, во-вторых, чем регулярнее и продуктивнее модель, по которой создаются конструкции определенного типа, тем более громоздким оказывается аппарат описания СxG. Эти наблюдения согласуются с общими критическими замечаниями, часто высказываемыми в адрес грамматики конструкций ее оппонентами. Главная претензия в том, что «эта теория удобна для анализа узко-лексикализованных конструкций, как *let alone* и ей подобные, — попытки же описать в рамках СxG более абстрактные синтаксические единицы, такие как пассив, слишком немногочисленны и малоубедительны» [Рахилина, Кузнецова 2010: 67]¹¹.

В целом, грамматика конструкций оказывается весьма полезным направлением, когда перед исследователем стоит задача включить в круг рассмотрения нерегулярные или не вполне регулярные явления языка, которые плохо поддаются анализу в рамках традиционных подходов. Основные плюсы этого направления мы видим в привлечении внимания

⁸ О понятии coercion см. [Pustejovsky 1993; 1996]. Идея интеграции для объяснения семантико-синтаксической вариативности глаголов последовательно проводится А. Голдберг в [Goldberg 1995].

⁹ На это обстоятельство мое внимание обратила Т. А. Трипольская.

¹⁰ Чем меньше ограничений язык накладывает на организацию порядка слов в предложении, тем больше разных конструкций приходится постулировать для описания соответствующих вариантов высказывания; см. подробнее, например, [Müller 2006].

¹¹ Серьезная критика в адрес грамматики конструкций высказывается также с точки зрения усвоения языка ребенком. Особенно в этом смысле важна проблема усвоения негативной информации, связанной с конструкциями, см. полемику [Adger 2013] vs. [Goldberg 2013].

теоретической лингвистики к явлениям, обычно характеризваемым как маргинальные. С тех пор как лингвисты стали активно работать с корпусами текстов, оказалось, что многие из так называемых маргинальных явлений языка отличаются крайне высокой употребительностью, и задача их описания из периферийной становится центральной. Это касается всей фразеологии, а также большого количества самых различных нерегулярных или не вполне регулярных языковых выражений.

2. Какие явления фразеологии целесообразно описывать с использованием аппарата грамматики конструкций?

Понятно, что любой фразеологизм является конструкцией. Для теории фразеологии вопрос, однако, заключается не столько в соотношении объемов понятий «конструкция» и «фразема», или «конструкция» и «идиома», сколько в том, какие преимущества дает описание фразеологии в терминах СхG по сравнению с традиционным. Хотя в рамках грамматики конструкций наблюдаются тенденции включать фразеологизмы всех типов в сферу компетенции СхG, это вряд ли разумно. Идиомы, пословицы и прочие фразеологизмы с фиксированным лексическим составом проще и экономнее описывать как единицы лексикона, чем как синтаксические образования нерегулярной природы.

Главный выигрыш для теории фразеологии видится в том, что в качестве одного из наиболее значимых классов фразем в рассмотрение вводится уже упоминавшийся выше класс фразеологизмов-конструкций. Этот класс, для анализа которого, помимо чисто лексических методов, необходим некий синтаксический инструментарий, соотносится с «лексически открытыми фраземами» («lexically open idioms» или «formal idioms»), противопоставленными «лексически заполненным фраземам» («lexically filled idioms» или «substantive idioms») в [Fillmore et al. 1988]. Лексически заполненные фраземы — это «нормальные» фразеологизмы: идиомы, коллокации, пословицы, в то время как лексически открытые фраземы — это синтаксические паттерны с определенной, не вполне предсказуемой семантикой и прагматикой¹². Ср. также класс «схематических фразем» (schematic idioms), выделяемый в [Croft, Cruse 2004: 248]¹³.

Фразеологизмы-конструкции мы определяем как синтаксически автономные выражения устойчивого состава, в которых пропущены некоторые элементы (актанты — обычные (X, Y) или пропозициональные (P, Q)); ср. [Баранов, Добровольский 2013: 86—90]¹⁴. Примерами фразеологизмов-конструкций могут служить такие выражения, как *оx уж мне эти X (ox уж мне эти фокусники)*, *X как X (вечер как вечер)*, *X не в X (праздник не в праздник)*, *не X, а Y (не мужик, а шкаф; не женщина, а гора)*, *не X, а так, Y (не научный доклад, а так, рассказ о впечатлениях)*, *нет чтобы P, Q (нет чтобы помочь, стоит себе руки в боки)*, *мало ли что P (мало ли что ему в голову придет)*. «Фиксированная часть конструкции вместе с ее синтаксисом выражает единое значение, которому присущи свойства лексической семантики. Так, конструкции *не X, а X-ище* и *всем X-ам X* несут значение аугментативности. А конструкция *X — он и в Африке X* выражает идею постоянства характеристик» [Баранов, Добровольский 2013: 88].

Континуум между фразеологизмами-конструкциями и свободными сочетаниями с трудом поддается классификации. Так, некоторые из клефтообразных структур русского языка интуитивно хочется включить в класс фразеологизмов-конструкций, а другие — нет. Ср.: *только и X, что Y (только и говорят, что об этом происшествии)* — фразеологизм-конструкция,

¹² В [Fillmore et al. 1988: 505] они определяются как «syntactic patterns dedicated to semantic and pragmatic purposes not knowable from their form alone».

¹³ Поскольку термин «idiom» используется в англосаксонской традиции значительно шире, чем в русской, мы переводим его в этих случаях как «фразема», а не как «идиома».

¹⁴ Ср. также немецкий термин «Phrasem-Konstruktion», введенный в [Dobrovol'skij 2011], и его английский аналог «constructional phraseme» в [Dobrovol'skij 2015].

а *X* что, *Y*? (*Он что, вернулся?*) — нет. Одна из причин заключается, видимо, в том, что одного лишь служебного слова *что*, хотя и употребленного здесь в особом значении, в качестве лексического «якоря» недостаточно для отнесения всей структуры к сфере фразеологии. Другая причина видится в том, что на заполнение «пустых мест» во фразеологизмах-конструкциях обычно существуют семантические ограничения.

В некоторых случаях, помимо чисто семантических ограничений, обнаруживаются и явно выраженные селективные предпочтения. Так, конструкция *в том-то весь и X*, подробно рассматриваемая в [Dobrovolskij, Röppel 2015], чаще всего реализуется в форме *в том-то все и дело*. В корпусе *ruTenTen* (подкорпусе системы *Sketch Engine*), включающем более 18 млрд словоупотреблений, на 1850 употреблений конструкции *в том-то весь и X*¹⁵ приходится 1450 реализаций формы *в том-то все и дело*; см. таблицу 1, содержащую первую десятку фаворитов заполнения слота *X*. Сходным образом *дело* оказалось самым частотным существительным и в родственной конструкции *в том-то и весь X*, встретившейся в *ruTenTen* 438 раз, см. таблицу 2.

Таблица 1

В том-то весь и X	
Слово	Частота
дело	1450
штука	77
беда	56
проблема	46
фокус	26
прелесть	24
фишка	22
соль	20
загвоздка	17
суть	16

Таблица 2

В том-то и весь X	
Слово	Частота
дело	90
фокус	34
беда	30
прелесть	24
вопрос	21
проблема	21
ужас	19
суть	18
штука	18
соль	16

Поиск в основном корпусе Национального корпуса русского языка [НКРЯ] дал принципиально схожие результаты. Из 66 реализаций фразеологизма-конструкции *в том-то весь и X* 52 приходится на форму *в том-то все и дело*. Конструкция *в том-то и весь X* встретилась в НКРЯ всего 29 раз, не обнаружив явных фаворитов: *ужас* — 5, *дело*, *фокус* — по 4, *штука* — 3, *суть*, (*моя*) *беда*, *вопрос* — по 2, *несчастье*, *парадокс*, *соль*, *хитрость*, *разница*, *его трагедия*, *ваша просьба* — по 1. Также и в конструкции *в том-то и X* на 21203 употребления в *ruTenTen* приходится 17843 употребления формы *в том-то и дело*. Далее следуют *беда* (1163), *проблема* (758), *суть* (353), *штука* (255), *прелесть* (216), *фокус* (200), *вопрос* (155), *смысл* (132), *фишка* (128), что позволяет говорить об устойчивом характере предпочтений в способе заполнения слота *X* в этой группе конструкций и об особом статусе выражения *в том-то и дело* с вариантами *в том-то и все дело* и *в том-то все и дело*.

Сходные по сути явления обсуждаются в [Апресян В. 2015]. Так, анализ заполнения слота *X* в конструкции *как ни X* (где *X* может быть прилагательным или наречием) показал, что примерно половину всех реализаций в основном корпусе НКРЯ составляет прилагательное *странный*: *как ни странно* — 2227 контекстов. Далее следуют *как ни удивительно*, *как ни парадоксально* — по 314, *как ни тяжело* — 113, *как ни мал* — 110, *как ни велик* — 84, *как ни трудно* — 57, *как ни хорошо* — 55, *как ни плохо* — 47, *как ни прискорбно* — 45, *как ни грустно* — 43, *как ни горько* — 42, прочее — 2116 [Там же: 141]. Столь явные предпочтения в способе заполнения слотов конструкции — случай достаточно типичный. Ср. обсуждаемую в этой же работе конструкцию *откуда ни X*, *Р*. Основная ее реализация — это

¹⁵ Поиск осуществлялся по всем трем формам грамматического рода.

фразема *откуда ни возьмись* (380 контекстов из проанализированных 442). На прочие способы заполнения слота *X* (*откуда ни зайти*, *откуда ни посмотреть*, *откуда ни идти*, *откуда ни глянь* и др.) приходится единичные контексты [Там же: 164].

Однако было бы неверно думать, что все фразеологизмы-конструкции обнаруживают столь явные предпочтения в способе заполнения «пустых мест» и что (если воспользоваться терминами Ч. Филлмора и его коллег) внутри любой «лексически открытой фраземы» сидит некая «лексически заполненная фразема». Так, конструкции *как никак Р* (ср. примеры (1)), *будто уж и Р* (2), *чего доброго Р* (3), *того и гляди Р* (4)¹⁶ не демонстрируют явных предпочтений в способе заполнения слота *Р*. Соответствующие ограничения диктуются исключительно семантикой конструкции.

- (1) а. И вообще таких людей «друзьями» сложно назвать. Друзья должны поддерживать *как никак* [коллективный (2011)];
б. Давай, познакомимся, покурим, побазарим. Соседи, *как никак* [Николай Коляда. Мурлин Мурло (1989)];
в. *Как никак*, а после конца занавес давали четырнадцать раз! [А. Н. Арбузов. Годы странствий (1954)].
- (2) а. — А вы *будто уж и* не замечали ничего? [Д. Н. Мамин-Сибиряк. Хлеб (1895)];
б. — Что-то, Федор Васильич, овса-то *будто уж и* многонько [М. Е. Салтыков-Щедрин. Пошехонская старина (1887—1889)];
в. — И как больно, как знакомо все это, *будто уж и* знала она всю-то свою жизнь заранее, *будто уж и* жила когда-то, давным-давно, и пела вот так же и дивный голос Егора слушала! [Юрий Казаков. Трали-вали (1959)].
- (3) а. — Расскажу потом, в другой раз, сейчас не могу, а то, *чего доброго*, опять приснится. [Ю. О. Домбровский. Факультет ненужных вещей (1978)];
б. Если бы не клочок ваты, смоченный нашатырным спиртом, поднесенный к моим ноздрям чьей-то милосердной рукой, то я бы, *чего доброго*, хлопнулся в обморок [В. П. Катаев. Алмазный мой венец (1975—1977)];
в. Еще, *чего доброго*, от своего нахальства потребую, чтобы мне дали медаль за участие в обороне [Василий Гроссман. Жизнь и судьба (1960)];
г. Но сегодняшний Иван уже значительно отличался от Ивана вчерашнего, и первый путь показало ему сомнительным: *чего доброго*, они укоренятся в мысли, что он буйный сумасшедший [М. А. Булгаков. Мастер и Маргарита (1929—1940)].
- (4) а. Стоят и, видно, ссорятся: то один пнет другого, то другой — его. *Того и гляди* скатятся в воду [И. Грекова. Перелом (1987)];
б. На порог-то пускает не каждого. *Того и гляди*, ухватом сработает [Булат Окуджава. Новенький как с иголки (1962)];
в. Покойникам не до вечного сна, *того и гляди* кто-нибудь припрется на твою территорию да обгадит [Анатолий Приставкин. Вагончик мой дальний (2005)];
г. Чуть дождит — и сколько, будто по мылу идешь! *Того и гляди* ногу сломаешь [Михаил Шишкин. Венерин волос (2004)].

¹⁶ Последние две конструкции подробно описаны в [Аркадьев 2007]. Одно из базовых различий в семантике этих конструкций усматривается в том, что в *чего доброго Р* наступление *Р* нежелательно для говорящего, в то время как *того и гляди Р* не содержит идеи нежелательности. Ср., однако, [Шведова 1960: 108], где выражение *того и гляди Р* характеризуется как имеющее «значение непосредственной и близкой возможности осуществления нежелательного», а также типичные примеры (4). Представляется, что контексты, в которых эта конструкция не связана с идеей нежелательности, скорее, редки. Интересна история развития фразеологизма-конструкции *того и гляди Р* из свободного словосочетания: *Ибо как государь, около сего времени, со всем своим двором отбыл из Петербурга на летнее жилище в любезный свой Ораниенбаум, то, по отъезде его, народный ропот и неудовольствие так увеличились, что мы всякий день того и смотрели, что произойдет что-нибудь важное* [А. Т. Болотов. Жизнь и приключения Андрея Болотова, описанные самим им для своих потомков (1800)]. На этот пример употребления мое внимание обратила Е. В. Падучева.

Встречаются и переходные случаи. Например, фразеологизм-конструкция *да что там X/P, Q* характеризуется большим разнообразием в заполнении «пустых мест» (ср. контексты (5)), однако довольно часто встречается реализация *да что там говорить*.

- (5) а. Много путей было предотвратить арест Фомы, *да что там* арест, теперь речь шла о его жизни [Даниил Гранин. Зубр (1987)];
- б. *Да что там* чиновники — к коллеге-журналисту порой не дозовонишься [К начальству не допускать! (2002)];
- в. *Да что там* заставка, это тянет на логотип всей войны — черный осьминожка и зеленый круг с... Уж не знаю, кого в него впишут [Виктор Пелевин. S.N.U.F.F (2011)];
- г. *Да что там* город — пол-Грузии у него побывало [Михаил Гиголашвили. Чертовое колесо (2007)].

Закljučая этот раздел, отметим, что подобные единицы до сих пор изучены хуже, чем «классические» фразеологизмы типа *сыграть в ящик* или *на воре шапка горит*, при том что они довольно многочисленны, встречаются в самых разных языках и отличаются достаточно высокой употребительностью.

3. Идеи грамматики конструкций в анализе идиом

Открытым остается вопрос, насколько идеи СхG могут оказаться полезными для описания «нормальных» идиом, то есть фразем типа *заговаривать зубы*, *чесать репу*, *рыльце в пушку*. На первый взгляд такие выражения с точки зрения СхG неинтересны. Можно, конечно, сказать, что это — как и любые устойчивые языковые выражения — тоже конструкции, но за этим терминологическим решением не стоит никакого содержательного выигрыша для фразеологии. Ведь такие идиомы все равно остаются лексическими единицами, и любое продвижение на пути изучения явлений на границе между грамматикой и лексиконом их, казалось бы, не затрагивает.

Есть, однако, некоторая группа идиом, план содержания которых чувствителен к конструктивному «принуждению» (соегсiон). Явление конструктивного «принуждения» наблюдается в разных классах фразеологизмов, и в том числе в рамках класса идиом. Нередко включение идиомы в тот или иной контекст влияет на ее значение. Иными словами, семантика идиомы оказывается зависимой от ее непосредственного окружения. Подобные случаи — в несколько ином теоретическом контексте — обсуждаются в [Добровольский, Падучева 2010].

Так, например, выражения со значением ‘что-л. кого-л. не касается’ при употреблении в различных лицах регулярно обнаруживают явные семантико-прагматические различия. Ср., например, русские идиомы (*чье-л.*) *дело десятое* и (*чье-л.*) *дело маленькое*.

Идиома (*чье-л.*) *дело десятое* может быть истолкована следующим образом: ‘кто-л. не является значимым участником ситуации и не имеет к ней непосредственного отношения, как бы находясь далеко от начала упорядоченного списка значимых участников’ [АСРФ]. При употреблении идиомы в 1 лице (*мое / наше... дело десятое*) возникает нетривиальное семантико-прагматическое следствие: говорящий не хочет вникать в обстоятельства данной ситуации и нести ответственность; ср. (6)¹⁷.

- (6) — Между прочим, сокрытие от следствия фактов, касающихся преступления, является уголовно наказуемым деянием, — напомнил Крячко. — А мне скрывать нечего, — отрезал Семин. — *Мое дело десятое* [Н. Леонов, А. Макеев. Гроссмейстер сыска].

В формах 2 и 3 лица значение может (но не должно!) модифицироваться: вместо идеи нежелания иметь отношение к ситуации профилируется указание говорящего на незначимость адресата и на его более низкий статус, то есть появляется другое семантико-прагматическое следствие; ср. (7).

¹⁷ Этот и другие примеры употребления обсуждаемых в этом разделе идиом взяты из [АСРФ].

- (7) Проводник заметил: — Прямая дорога ему до лагпункта Россия-шесть... — *Твое*, положим, *дело десятое*, — оборвал его человек в очках. — Значит так: проводишь клиента до лагпункта Россия-шесть и сдашь с рук на руки Мартынову, — пускай он его разместит [В. Пьецух. Кончина и комментарий].

Сходным образом употребляется и синонимичная идиома (*чье-л.*) *дело маленькое*. Ср. контекст от 1 лица (8) и от 2-го (9).

- (8) — Кто вас послал? — Хозяин мой, Влад Гагачи. *Мое дело маленькое* [В. Аксенов. Негатив положительного героя].
- (9) Зачем голосовать? — развел руками Котляр. — Вы хотите комиссию — делайте комиссию. — Тебя никто не спрашивает, — мотнула головой Клава Ивановна. — Мы сами знаем, что нам делать, а хочешь ты или не хочешь, *твое дело маленькое* [А. Львов. Двор].

Этот семантический сдвиг регулярен (отмечен во всех известных нам выражениях с таким значением), но его обязательность варьирует от выражения к выражению. Ср. контекст (10), где сохраняется характерное для 1 лица семантико-прагматическое следствие 'устранения от ответственности'.

- (10) Ездишь себе в разные места, книжицу почитываешь по дороге, посвистываешь, мечтаешь, ни за что не отвечаешь, не думаешь ни о чем, не страшишься никаких взбучек, не отлавливаешь на лице у шефа признака недовольства или раздражения — *твое дело маленькое*, ты бумаги привез, закорючку получил и дальше поехал [Т. Устинова. Подруга особого назначения].

Выражения данного семантического класса варьируют относительно степени приемлемости тех или иных дополнительных интерпретаций. Так, идиома (*чье-л.*) *дело маленькое*, судя по всему, употребляется во 2 лице с имплицатурой 'устранения от ответственности' чаще, чем идиома (*чье-л.*) *дело десятое*. Видимо, выражение *дело десятое* обладает большим агрессивным семантическим потенциалом, чем *дело маленькое*. А для идиомы (*чье-л.*) *дело сторона* «агрессивные» контексты 2 лица вообще нетипичны: *'не суйся, твое дело сторона'*, при вполне узуальном *не суйся, твое дело десятое*.

Итак, для выражений со значением 'что-л. кого-л. не касается' нельзя предложить общего правила интерпретации. С одной стороны, такие выражения обнаруживают при употреблении в различных лицах регулярные различия в характере иллюкутивной составляющей, так что формы 1 лица оказываются противопоставленными другим формам. С другой — эта особенность присуща отдельным выражениям — членам данного синонимического ряда — в разной степени.

Материал показывает, что свойства форм 1 лица, будучи семантическими по природе, во многом объясняются универсальными прагматическими параметрами — закономерностями организации коммуникативной ситуации. Однако при реализации данного принципиально универсального потенциала каждая конкретная лексическая единица может проявлять какие-то индивидуальные черты. Подобные семантические сдвиги носят довольно систематический характер, являясь типичным случаем реализации соерсiон-принципа, и, тем самым, входят в компетенцию грамматики конструкций.

Другой случай, в котором идеи грамматики конструкций могут оказаться полезными при изучении идиоматики, — это реализация принципа «штамповки», описанного Ч. Филлмором в [Fillmore 2006]. Филлмор противопоставляет «штамповку» (coining) «порождению» (generating). В то время как под понятием «порождения» объединяются продуктивные правила, использование которых позволяет говорящему порождать и понимать новые высказывания, под «штамповкой» понимается создание тех или иных конструкций по определенному образцу, не обладающему предсказательной силой¹⁸. Принцип «штамповки»

¹⁸ «We can distinguish two kinds of “creativity” in language. In one case there is the ability of speakers, using existing resources in the language, to produce and understand novel expressions. In the other case,

оказывается центральным для СхG. Именно способность носителей языка создавать новые выражения не по продуктивным правилам, а по аналогии с существующими языковыми формами, которые, в свою очередь, могут оказаться и не вполне «правильными», то есть не следующими регулярным моделям, привлекает внимание теоретиков СхG. В сфере идиоматики по принципу «штамповки» создаются, в частности, конверсные формы; ср.: *дать сдачи — получить сдачи, дать по шапке — получить по шапке, влечь девять граммов — получить девять граммов, принести на блюдечке [с голубой каемочкой] — получить на блюдечке [с голубой каемочкой], дать зеленый свет [зеленую улицу] — получить зеленый свет [зеленую улицу]*. В терминах модели «Смысл $\leftrightarrow$ Текст» конверсные преобразования основаны на правиле диатетического сдвига вида $[X \text{ Орег}_{12}(C_0) Y \leftrightarrow Y \text{ Орег}_{21}(C_0) X]$, где C_0 — стабильная часть выражения, мена глагола с семантикой лексической функции Орег отвечает за конверсное преобразование, а X и Y — актанты идиомы, ср.: *За опоздание начальник дал сотрудникам по шапке $\leftrightarrow$ За опоздание сотрудники получили по шапке от начальника*. Таким образом, образование конверсивных пар в идиоматике следует достаточно регулярным принципам и не только диктуется коммуникативными потребностями и семантикой соответствующих выражений, но и поддерживается лежащей в основе схемой.

Одним из решающих факторов, способствующих конверсным преобразованиям, оказывается принадлежность идиомы к определенному семантическому полю. Это в первую очередь поле ФИЗИЧЕСКОЕ ВОЗДЕЙСТВИЕ, ФИЗИЧЕСКОЕ НАСИЛИЕ и группа полей, связанных с ним отношениями семантической деривации. Так, идиомы-конверсивы *дать сдачи — получить сдачи* в своем основном значении осмысливаются как ‘физическое воздействие’, а в производном — как ‘конфликт’ или ‘агрессия’; ср. примеры (11) и (12) из [АСРФ].

- (11) а. Первый удар может быть совсем легким, даже незаметным, но если человек его пропускает и молча отступает, не *давая сдачи*, то обязательно следует еще один удар, потом еще и еще, и в избиение включаются все присутствующие, потому что действует мощный стадный инстинкт «на добивание» [Корпус Русской Прозы];
- б. Вообще с того времени Саша ближе чем на расстояние вытянутой руки ко мне не подходит. Я ведь вместо «здрасьте» всё норовлю найти его «ахиллесову пяту», всё рвусь его неожиданно приложить. У него такая реакция и спокойствие, что удержаться и не ударить невозможно. Особенно если знаешь, что не *получишь сдачи* [А. Сурикова. Любовь со второго взгляда].
- (12) а. Самая тяжелая была двадцать первая минута, когда не удалось реализовать выход один на один, и в следующей же атаке мы пропустили. Я опасался, что этот эпизод может надломить игроков психологически. К счастью, этого не случилось — ребята устояли и даже сумели *дать сдачи* [Известия];
- б. Не будь идеалистом. Во взрослом мире нет снисхождения. Никому никого не жалко. Если у государства появляется шанс пнуть соседа и не *получить сдачи*, оно немедленно это делает [Д. Емец. Таня Гроттер и колодец Посейдона].

Типичными для поля ФИЗИЧЕСКОЕ ВОЗДЕЙСТВИЕ, ФИЗИЧЕСКОЕ НАСИЛИЕ оказываются такие стилистически сниженные и жаргонные идиомы, как *дать в лоб — получить в лоб*,

the one for which we use the term coining, a speaker uses existing patterns in the language for creating new resources. (...) Since the ability to create new words, using non-productive processes, is clearly a linguistic ability, it is my opinion that a grammar of a language needs to identify constructions that exist for ‘coining’ purposes as well» [Fillmore 2006: 4] («Мы различаем два вида “креативности” в языке. Один вид — это способность говорящих порождать и понимать новые выражения, используя существующие ресурсы языка. Другой вид — способность, для которой мы используем термин “штамповка” — состоит в том, что говорящий использует существующие языковые паттерны для порождения новых ресурсов. (...) Поскольку способность создавать новые слова, используя непродуктивные процессы, с очевидностью является языковой способностью, я считаю, что грамматика должна учитывать также и конструкции, существующие для “штамповки”»).

дать по соплям — получить по соплям, дать/наварить в бубен — получить в бубен; дать/врезать по рогам — получить/схлопотать по рогам; дать/оформить/двинуть в табло — получить/схлопотать в табло. Характерно при этом, что агентивная валентность всех *получить*-коррелятов факультативна и в большинстве контекстов оказывается незаполненной. В данном семантическом поле действует некоторая схема-образец, которая в обобщенном виде может быть представлена как [X дал в/по {часть тела} Y-а] в значении 'X ударил <избил> Y-а' — [Y получил в/по {часть тела} Y-а от X-а] в значении 'Y получил удар <был избит> X-ом'¹⁹. Подобные конструктивные паттерны могут быть построены для каждого семантического поля с идиомами-конверсивами.

Образование конверсивов во фразеологии происходит, таким образом, по определенным схемам. Это становится особенно очевидным в случаях, когда один из членов конверсивной пары существенно уступает другому в степени употребительности. Так, форма *получить зеленую улицу* встречается значительно реже, чем форма *дать зеленую улицу*, а форма *получить девять граммов* — конверсив к *влепить девять граммов* — вообще не встретились в НКРЯ ни разу. Тем не менее образование таких форм возможно и не противоречит нормам современного словоупотребления; ср. единичные контексты типа *Третий получил девять граммов в спину, когда пытался забежать за машину* [Дмитрий Грунющкин. За порогом боли (GoogleBooks)].

В случае конверсивных пар мы имеем дело не просто с двумя закрепившимися в узусе идиомами, между которыми устанавливается отношение конверсии, а с реализацией некой системой обусловленной потенции варьирования диатезы. Описание этих потенций и выявление образцов, по которым «штампуются» соответствующие формы, является одной из базовых задач грамматики конструкций, пересекающихся с интересами теории фразеологии.

* * *

Объем статьи не позволяет обсудить подробно прочие случаи, в которых использование инструментария СхG при анализе фразеологического материала осмысленно и может дать нетривиальные результаты. Заметим лишь, что фразеология и СхG (по крайней мере, в той ее части, которая занимается нерегулярными феноменами языка) — это два разных и, видимо, взаимодополняющих подхода к изучению некомпозиционных структур: от лексикона к синтаксису и от синтаксиса к лексикону. Если попытаться обобщить, какие именно фразеологические явления могут быть лучше поняты в рамках грамматики конструкций, следует прежде всего назвать класс фразеологизмов-конструкций. Единицы этого типа до сих пор не привлекали должного внимания фразеологов: семантика таких конструкций описывалась весьма приблизительно, а ограничения на заполнение «пустых мест» и соответствующие селективные предпочтения практически не исследовались.

Влияние идей грамматики конструкций на фразеологию этим не исчерпывается. Так, весьма продуктивным фактором представляется принцип конструктивного «принуждения», который действует в разных классах фразеологизмов, в том числе в идиомах. В соответствии с этим принципом любая фразема (как и лексема) интегрируется в некоторую объемлющую ее конструкцию, влияющую на ее значение. Учет этого фактора позволяет, с одной стороны, описать ограничения на сочетаемость этой единицы, а с другой — выявить семантические противопоставления фразеологизма со своими квазисинонимами и квазиэквивалентами в других языках. Центральное значение для выявления системных свойств фразеологии имеет принцип «штамповки», в соответствии с которым те или иные

¹⁹ В множество «частей тела» здесь включаются и метонимические лексемы, ср.: *дать/получить по соплям*, а глаголы *дать* и *получить* представляют соответствующие семантические классы, т. е. в составе конкретных идиом эти концепты могут реализовываться с помощью разных языковых выражений, например, *врезать, вмазать, наложить, наварить, оформить* или *схлопотать, влепело* и др. См. подробнее [Добровольский 2011].

конструкции создаются по определенному образцу, не обладающему предсказательной силой. На способности носителей языка создавать новые выражения не по продуктивным правилам, а по аналогии с существующими языковыми формами основывается системное — близкое к грамматическому — варьирование идиом. И наконец, то, что фразеология переместилась сегодня с периферийного места, которое она долго занимала, в центр теоретических интересов, — во многом следствие растущего влияния грамматики конструкций в современной лингвистике.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ / REFERENCES

- Апресян В. 2015 — Апресян В. Ю. Уступительность: механизмы образования и взаимодействия сложных значений в языке. М.: Языки славянской культуры, 2015. [Apresjan V. Yu. *Ustupitel'nost': mekhanizmy obrazovaniya i vzaimodeistviya slozhnykh znachenii v yazyke* [Concession: Mechanisms of formation and interaction of complex meanings in language]. Moscow: Yazyki Slavyanskoi Kul'tury, 2015.]
- Апресян 2010 — Апресян Ю. Д. (ред.). Теоретические проблемы русского синтаксиса: взаимодействие грамматики и словаря. М.: Языки славянских культур, 2010. [Apresjan Yu. D. (ed.). *Teoreticheskie problemy russkogo sintaksisa: Vzaimodeistvie grammatiki i slovary* [Theoretical problems of the Russian syntax: Interaction of grammar and lexicon]. Moscow: Yazyki Slavyanskikh Kul'tur, 2010.]
- Аркадьев 2007 — Аркадьев П. М. О семантике русских конструкций *чего доброго* и *того гляди* // *Научно-техническая информация. Сер. 2: Информационные процессы и системы*. 2007. № 4. С. 11—17. [Arkad'ev P. M. On the semantics of the Russian constructions *chego dobrogo* and *togo glyadi*. *Nauchno-tekhnicheskaya informatsiya. Ser. 2: Informatsionnye protsessy i sistemy*. 2007. No. 4. Pp. 11—17.]
- АСРФ — Академический словарь русской фразеологии / Баранов А. Н., Вознесенская М. М., Добровольский Д. О., Киселева К. Л., Козеренко А. Д. / Под ред. А. Н. Баранова и Д. О. Добровольского. 2-е изд., испр. и доп. М.: Лексрус, 2015. [Baranov A. N., Voznesenskaya M. M., Dobrovol'skij D. O., Kiseleva K. L., Kozerenko A. D. *Akademicheskii slovar' russkoi frazeologii* [Russian Academy Phraseological Dictionary of Idioms] Baranov A. N., Dobrovol'skij D. O. (eds.). 2nd ed., revised and enlarged. Moscow: Leksrus, 2015.]
- Баранов, Добровольский 2013 — Баранов А. Н. Добровольский Д. О. Основы фразеологии (краткий курс). М.: Флинта, Наука, 2013. [Baranov A. N. Dobrovol'skij D. O. *Osnovy frazeologii (kratkii kurs)* [Fundamentals of phraseology: A short course]. Moscow: Flinta, Nauka, 2013.]
- Баранов, Добровольский (в печати) — Баранов А. Н., Добровольский Д. О. Фразеологизмы-конструкции в концепции Н. Ю. Шведовой (семантический аспект) // Ляпон М. В. (ред.). Язык: поиски, факты, гипотезы: сборник памяти Н. Ю. Шведовой (в печати). [Baranov A. N., Dobrovol'skij D. O. Constructional phrasemes in N. Yu. Shvedova's theory (semantic aspect). *Yazyk: Poiski, fakty, gipotezy: Sbornik pamyati N. Yu. Shvedovoi*. Lyapon M. V. (ed.) (in print).]
- Добровольский 2011 — Добровольский Д. О. Конверсия и актантная деривация во фразеологии // Богуславский И. М., Иомдин Л. Л., Крысин Л. П. (ред.). Слово и язык. Сб. к 80-летию акад. Ю. Д. Апресяна. М.: Языки славянской культуры, 2011. С. 207—227. [Dobrovol'skij D. O. Conversion and actant derivation in phraseology. *Slovo i yazyk. Sb. k 80-letiyu akad. Yu. D. Apresjana*. Boguslavsky I. M., Iomdin L. L., Krysin L. P. (eds.). Moscow: Yazyki Slavyanskoi Kul'tury, 2011. Pp. 207—227.]
- Добровольский, Падучева 2010 — Добровольский Д. О., Падучева Е. В. Высказывания от 1-го лица: семантика и прагматика // Арутюнова Н. Д. (ред.). Логический анализ языка. Моно-, диа-, полилог в разных языках и культурах. М.: Индрик, 2010. С. 104—121. [Dobrovol'skij D. O., Paducheva E. V. 1st person utterances: Semantics and pragmatics. *Logicheskii analiz yazyka. Mono-, dia-, polilog v raznykh yazykakh i kul'turakh*. Arutyunova N. D. (ed.). Moscow: Indrik, 2010. Pp. 104—121.]
- Иомдин 2006 — Иомдин Л. Л. Многозначные синтаксические фраземы: между лексикой и синтаксисом // Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии. Труды междунар. конференции «Диалог 2006». М.: РГГУ, 2006. С. 202—206. [Iomdin L. L. Polysemous syntactic phrasemes: Between the lexicon and the syntax. *Komp'yuternaya lingvistika i intellektual'nye tekhnologii. Trudy mezhdunarodnoi konferentsii «Dialog 2006»*. Moscow: Russian State Univ. for the Humanities, 2006. Pp. 202—206.]
- Иомдин 2008 — Иомдин Л. Л. В глубинах микросинтаксиса: один лексический класс синтаксических фразем // Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии. Труды междунар.

- конференции «Диалог 2008». Бекасово, 4—8 июня 2008 г. Вып. 7 (14). М.: РГГУ, 2008. С. 178—184. [Iomdin L. L. Deep in the microsyntax: A lexical class of syntactic phrasemes. *Komp'yuternaya lingvistika i intellektual'nye tekhnologii. Trudy mezhdunarodnoi konferentsii «Dialog 2008»*. Bekasovo, June 4—8, 2008. No. 7 (14). Moscow: Russian State Univ. for the Humanities, 2008. Pp. 178—184.]
- Иомдин 2013 — Иомдин Л. Л. *Читать не читал, но...: об одной русской конструкции с повторяющимися словесными элементами* // Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии: По материалам ежегодной Международной конференции «Диалог 2013». Вып. 12 (19): В 2 т. Т. 1. М.: Изд-во РГГУ, 2013. С. 309—322. [Iomdin L. L. Chitat' ne chital, no...: On a Russian construction with repeated lexical elements. *Komp'yuternaya lingvistika i intellektual'nye tekhnologii: Trudy mezhdunarodnoi konferentsii «Dialog 2013»*. No. 12 (19): In 2 vol. Vol. 1. Moscow: Russian State Univ. for the Humanities, 2013. Pp. 309—322.]
- НКРЯ — Национальный корпус русского языка // <http://www.ruscorpora.ru>. [Natsional'nyi korpus russkogo yazyka [Russian National Corpus]. Available at: <http://www.ruscorpora.ru>.]
- Падучева 1998 — Падучева Е. В. Парадигма регулярной многозначности глаголов звука // Вопросы языкознания. 1998. № 5. С. 3—23. [Paducheva E. V. On the paradigm of regular polysemy of verbs expressing sound. *Voprosy jazykoznanija*. 1998. No. 5. Pp. 3—23.]
- Рахилина, Кузнецова 2010 — Рахилина Е. В., Кузнецова Ю. Л. Грамматика конструкций: теория, сторонники, близкие идеи // Рахилина Е. В. (ред.). Лингвистика конструкций. М.: Азбуковник, 2010. С. 18—79. [Rakhilina E. V., Kuznetsova Yu. L. Construction grammar: Theory, followers, similar ideas. *Lingvistika konstruktivov*. Rakhilina E. V. (ed.). Moscow: Azbukovnik, 2010. Pp. 18—79.]
- Шведова 1960 — Шведова Н. Ю. Очерки по синтаксису русской разговорной речи. М.: Изд-во Академии Наук СССР, 1960. [Shvedova N. Yu. *Ocherki po sintaksisu russkoi razgovornoj rechi* [Essays on the syntax of the Russian colloquial language]. Moscow: Academy of Sciences of the USSR, 1960.]
- Шмелев 1977 — Шмелев Д. Н. Современный русский язык. Лексика. М.: Наука, 1977. [Shmelev D. N. *Sovremennyyi russkii yazyk. Leksika* [The modern Russian language. Vocabulary]. Moscow: Nauka, 1977.]
- Adger 2013 — Adger D. Constructions and grammatical explanation: Comments on Goldberg. *Mind and Language*. 2013. Vol. 28. No. 4. Pp. 466—478.
- Boas 2003 — Boas H. C. *A constructional approach to resultatives*. Stanford: Center for the Study of Language and Information, 2003.
- Booij 2010 — Booij G. *Construction morphology*. Oxford: Oxford Univ. Press, 2010.
- Bybee 2010 — Bybee J. L. *Language, usage and cognition*. Cambridge: Cambridge Univ. Press, 2010.
- Bybee 2013 — Bybee J. L. Usage-based theory and exemplar representations of constructions. *The Oxford handbook of construction grammar*. Hoffmann T., Trousdale G. (eds.). Oxford: Oxford Univ. Press, 2013. Pp. 49—69.
- Bybee, Hopper 2001 — Bybee J. L., Hopper P. J. (eds.). *Frequency and the emergence of linguistic structure*. Amsterdam: John Benjamins, 2001.
- Croft, Cruse 2004 — Croft W., Cruse D. A. *Cognitive linguistics*. Cambridge: Cambridge Univ. Press, 2004.
- Dobrovol'skij 2011 — Dobrovol'skij D. Phraseologie und Konstruktionsgrammatik. *Konstruktionsgrammatik III. Aktuelle Fragen und Lösungsansätze*. Lasch A., Ziem A. (Hrsg.) Tübingen: Stauffenburg, 2011. S. 111—130.
- Dobrovol'skij 2015 — Dobrovol'skij D. On the systematic variation of German idioms: Converse pairs as a constructional phenomenon. *Journal of Social Sciences*. 2015. Vol. 11. No. 3. Pp. 248—257.
- Dobrovol'skij, Pöppel 2015 — Dobrovol'skij D., Pöppel L. Entrenched lexical patterns: The Russian construction *в том-то и весь N*. *Procedia — social and behavioral sciences*. Vol. 206 (XVth International conference «Linguistic and cultural studies: Traditions and innovations»). Anderson G. D. S., Erdal M. (eds). Philadelphia: Elsevier, 2015. Pp. 18—23.
- Fillmore 2006 — Fillmore Ch. J. Idiomaticity. *Berkeley construction grammar*. Available at: <http://www.icsi.berkeley.edu>.
- Fillmore et al. 1988 — Fillmore Ch. J., Kay P., O'Connor C. Regularity and idiomaticity in grammatical constructions: The case of 'let alone'. *Language*. 1988. Vol. 64. No. 3. Pp. 501—538.
- Goldberg 1995 — Goldberg A. *Constructions: A construction grammar approach to argument structure*. Chicago: Univ. of Chicago Press, 1995.
- Goldberg 2006 — Goldberg A. E. *Constructions at work: The nature of generalization in language*. Oxford: Oxford Univ. Press, 2006.
- Goldberg 2013 — Goldberg A. E. Explanation and constructions. *Mind and Language*. 2013. Vol. 28. No. 4. Pp. 479—491.

- Goldberg, Jackendoff 2004 — Goldberg A. E., Jackendoff R. The English resultative as a family of constructions. *Language*. 2004. Vol. 80. No. 3. Pp. 532—568.
- Gries 2008 — Gries S. T. Phraseology and linguistic theory: A brief survey. *Phraseology: An interdisciplinary perspective*. Granger S., Meunier F. (eds). Amsterdam: John Benjamins, 2008. Pp. 3—25.
- Hoffmann, Trousdale 2013 — Hoffmann T., Trousdale G. Construction grammar: Introduction. *The Oxford handbook of construction grammar*. Hoffmann T., Trousdale G. (eds). Oxford: Oxford Univ. Press, 2013. Pp. 1—14.
- Müller 2002 — Müller S. *Complex predicates: Verbal complexes, resultative constructions, and particle verbs in German*. Stanford: Center for the Study of Language and Information, 2002.
- Müller 2006 — Müller S. Phrasal or lexical constructions? *Language*. 2006. Vol. 82. No. 4. Pp. 850—883.
- Pustejovsky 1993 — Pustejovsky J. Type coercion and lexical selection. *Semantics and the lexicon*. Pustejovsky J. (ed.). Dordrecht: Kluwer Academic Publ., 1993. Pp. 73—94.
- Pustejovsky 1996 — Pustejovsky J. *The generative lexicon*. Cambridge, MA: MIT Press, 1996.
- Stefanowitsch 2007 — Stefanowitsch A. Linguistics beyond grammaticality. *Corpus Linguistics and Linguistic Theory*. 2007. Vol. 3. No. 1. Pp. 57—71.
- Stefanowitsch, Gries 2003 — Stefanowitsch A., Gries S. T. Collocations: Investigating the interaction between words and constructions. *International Journal of Corpus Linguistics*. 2003. Vol. 8. No. 2. Pp. 209—243.
- Wulff 2013 — Wulff S. Words and idioms. *The Oxford handbook of construction grammar*. Hoffmann T., Trousdale G. (eds). Oxford: Oxford Univ. Press, 2013. Pp. 274—289.
- Ziem, Lasch 2013 — Ziem A., Lasch A. *Konstruktionsgrammatik. Konzepte und Grundlagen gebrauchsbasierter Ansätze*. Berlin: Walter de Gruyter, 2013.

Статья поступила в редакцию 18.10.2015.

МЕСТОИМЕНΙΑ ТИПА *ЧТО-НИБУДЬ* В ОТРИЦАТЕЛЬНОМ ПРЕДЛОЖЕНИИ*

© 2016 г. Елена Викторовна Падучева

ФИЦ ИУ РАН, Москва, 119333, Российская Федерация
elena.paducheva@yandex.ru

Известно, что местоимения на *-нибудь* недопустимы в сфере действия отрицания — попадая под отрицание, они заменяются на соответствующие отрицательные. Так, смысл ‘неверно, что он (хоть) *что-нибудь* изменил в своей статье’ выражается предложением *Он ничего не изменил в своей статье*, а не **Он чего-нибудь не изменил в своей статье*. Было, однако, обнаружено, что это правило может нарушаться. Так, в примере *Откусила, подставив снизу ладошку лодочкой, чтобы чего-нибудь не уронить* (из НКРЯ) местоимение на *-нибудь* входит в сферу действия отрицания. В статье показано, что это явление ограничено контекстами **снятой утвердительности** (т. е. модальными и подобными модальным).

Ключевые слова: неверидиктальность, отрицание, снятая утвердительность, экзистенциальные местоимения

PRONOUNS OF THE TYPE *CHTO-NIBUD'* ‘SOMETHING’ IN NEGATIVE SENTENCES

Elena V. Paducheva

FRC CSC, Russian Academy of Sciences, Moscow, 119333, Russian Federation
elena.paducheva@yandex.ru

It is well-known that *-nibud'* pronouns in Russian are prohibited in the scope of negation: in the context of negation they are replaced by negative pronouns, e.g. IT IS NOT TRUE THAT (*on chto-nibud' izmenil v svoej stat'e*) = *On nichego ne izmenil v svoej stat'e* ‘he changed **nothing** in his paper’. However, it was noticed that this rule is not always applied, cf. such examples as *Otkusila, podstaviv snizu ladoshku lodochkoi, chtoby chego-nibud' ne uronit'* ‘she bit [it] off holding her hand close to her mouth so that she wouldn’t drop anything’, where the *-nibud'* pronoun in the scope of negation is possible. The paper demonstrates that this phenomenon is restricted to contexts of **suspended assertion** (i.e. to modal contexts and their cognates), in other words, to contexts of nonveridicality.

Keywords: existential pronouns, negation, nonveridicality, suspended assertion

1. Экзистенциальная квантификация и контекст снятой утвердительности

Местоимения на *-нибудь* (такие как *кто-нибудь*, *какой-нибудь*, *куда-нибудь*) выражают **экзистенциальную квантификацию**, т. е. позволяют упоминать объект из того или иного класса, не индивидуализируя его. В отличие от других экзистенциальных местоимений (*некоторые*, *один*), местоимения на *-нибудь* употребляются только в контексте **снятой**

* Исследование выполнено в рамках проекта описания русской корпусной грамматики «Русграм» (<http://rusgram.ru>). Автор выражает благодарность поддерживающему его фонду РГНФ, проект №14-04-00264.

утвердительности¹, а именно в контексте и р р е а л ь н о с т и (т. е. модальности, желания, условия, вопроса, императива, будущего времени, сослагательного наклонения, пропозициональных установок, касающихся будущего, таких как надежда или опасение, и т. п.), см. пример (1), или в д и с т р и б у т и в н о м, см. пример (2).

- (1) Джон *хочет (может, надеется)* чем-нибудь помочь.
 (2) ...хорошо, что *каждый что-нибудь* принес [Д. Быков. Орфография (2002)]².

Термин «снятая утвердительность» (suspended assertion) принадлежит У. Вайнрайху [Weinreich 1963; Вайнрайх 1970: 173] и часто понимается в ш и р о к о м смысле — неутвердительной является любая пропозиция, которая **не утверждается** (which is not asserted); при этом понимании контекст презумпции или следствия является неассертивным, т. е. неутвердительным. Но при описании местоимений на *-нибудь* используется понятие снятой утвердительности в у з к о м смысле: эти местоимения недопустимы не только в утвердительном контексте «эпизодического» предиката (например, недопустимо (3)), но и в контексте фактивного или имплицативного подчиняющего предиката, как в (4), когда говорящий хоть и не утверждает подчиненную пропозицию, но несет ответственность за ее истинность.

- (3) *Там *кто-нибудь* стучит в дверь.
 (4) *Хорошо, что он купил *что-нибудь*;
 *Ему удалось купить *что-нибудь*.

Неутвердительное употребление пропозиции понимается далее в узком смысле — как употребление безотносительно к истине, когда говорящий не отвечает за истинность пропозиции.

Примечание. Неутвердительность в узком смысле, можно думать, совпадает с понятием **неверидиктальность** (nonveridicality), которое с конца 1990-х гг. используется в формальной семантике. Согласно [Zwarts 1995] (см. также [Giannakidou 1998]), пропозициональный оператор (или контекст) *F* является для пропозиции *p* **веридиктальным**, если и только если *F* (*p*) имеет следствием или presupпозицией *p*; в противном случае оператор (или контекст) *F* является **неверидиктальным**. Например, контекст *Иван знает, что (Маша вернулась)* будет для пропозиции *‘Маша вернулась’* веридиктальным, а *Иван думает, что (Маша вернулась)* — неверидиктальным.

Если местоимение на *-нибудь* употреблено не в контексте снятой утвердительности, предложение либо неправильное, как (3), (4), либо оператор снятой утвердительности подразумевается, как в (5).

- (5) Ей *кто-нибудь* помог ≈ ‘наверно, ей кто-нибудь помог’.

Следует оговорить, что предложение (3) неправильно в контексте речевого акта утверждения — если высказать его как догадку или предположение, оно может быть принято как уместное.

Согласно [Haspelmath 1997], местоимения на *-нибудь* — это **non-specific indefinite** pronouns, неконкретные неопределенные местоимения. В русскоязычных работах в том же значении чаще используется термин «**нереферентные** местоимения», см. [Падучева 1985: 93].

Нами был составлен перечень контекстов, лицензирующих местоимения на *-нибудь*, см. Приложение (более ранний вариант такого перечня см. в [Падучева 2015]). Этот перечень не может не вызвать удивления: трудно себе представить языковую единицу, у которой контексты употребления составляют такой естественно характеризующий и логически предсказуемый класс! Имеется всего лишь пара-другая контекстов, где по смыслу присутствует

¹ См. об этих контекстах [Weinreich 1963; Вайнрайх 1970; Падучева 2005].

² Примеры, где указание источника заключено в квадратные скобки, взяты из Национального корпуса русского языка [НКРЯ].

снятая утвердительность, но вместо ожидаемого местоимения на *-нибудь* мы имеем местоимение на *-то*, местоимение неизвестности (*Кажется, кто-то стучит; Говорят, он кого-то отравил*). Если эти контексты добавить, мы получим и с черпывающий перечень всех мыслимых контекстов снятой утвердительности.

2. Общее и частное отрицание

Особую проблему для местоимений на *-нибудь* составляет контекст **прямого** отрицания, т. е. отрицания в той же предикации (англ. clausemate negation). Различаются общее и частное прямое отрицание.

1. **Общее отрицание.** Для того, чтобы построить для предложения с местоимением на *-нибудь* общеотрицательное, надо не только поставить отрицание при глаголе, но и местоимение на *-нибудь* заменить **отрицательным местоимением** на *ни-*:

- (6) а. 'НЕВЕРНО, что (он <хоть> *что-нибудь* изменил в своей статье)' =
 б. Он *ничего* не изменил в своей статье (ср.: ?Он *что-нибудь* не изменил в своей статье).

Аномалию в (7), (8) можно устранить, заменив *-нибудь*-местоимение на отрицательное:

- (7) а. *Я не встретил там *кого-нибудь* из знакомых ⇒
 б. Я не встретил там *никого* из знакомых.
 (8) а. *Он не вступал в *какие-нибудь* разговоры ⇒
 б. Он не вступал *ни в какие* разговоры.

Получается, что *-нибудь* недопустимо в контексте предикатного отрицания, в сферу действия которого оно входит [Падучева 1974/2007: 149; Pereltswaig 2000].

Согласно определению неверидиктальности, приведенному выше, отрицание должно порождать неверидиктальный контекст, благоприятный для *-нибудь*, — чего, как мы видим, не наблюдается. Впрочем, отрицание занимает особое место среди неверидиктальных операторов, будучи, согласно [Zwarts 1995], **антиверидиктальным** оператором. (Более уместным был бы термин «**контраверидиктальный**»: оператор F называется контраверидиктальным, если из F(p) следует не-р.)

2. **Частное отрицание.** Если местоимение на *-нибудь* все-таки употреблено в контексте прямого отрицания, оно интерпретируется как **не** входящее в сферу действия этого отрицания — оно лицензируется каким-то другим оператором снятой утвердительности:

- (9) Если *кто-нибудь* **не** являлся на работу, она воспринимала это как личное оскорбление ($\exists > \text{не}$).

Сама невозможность замены *кто-нибудь* на *никто* в (9) показывает, что *кто-нибудь* не входит в (9) в сферу действия отрицания. Так, (9') имеет совсем иной смысл, чем (9):

- (9') Если *никто* **не** являлся на работу, она воспринимала это как личное оскорбление ($\text{не} > \exists$).

Другие примеры частного отрицания, а именно отрицания, входящего в сферу действия *-нибудь* (в примерах (9а—с) оператор, который лицензирует *-нибудь*, выделен полужирным курсивом: в (9а) это *если*, в (9б) — вопрос, в (9с) — будущее время):

- (9) а. Ты будешь рад, **если** у меня *что-нибудь* не получится [Б. Окуджава. Новенький как с иголочки (1962)];
 б. — Тебе *что-нибудь* не нравится? — забеспокоилась жена [И. А. Ильф, Е. П. Петров. Широким размах (1935)];
 с. *Когда-нибудь* ты не **успеешь** сунуть руку в карман [Василий Шукшин. Калина красная (1973)].

В примерах (9—9с) местоимение на *-нибудь* лицензируется не отрицанием, а каким-то иным оператором снятой утвердительности: в (9) и (9а) это условие, в (9б) — вопрос, в (9с) — будущее время. Это контексты, где *-нибудь* **вводит в рассмотрение** объект

(существующий не в реальном, а в альтернативном мире), который наделен каким-то «отрицательным» свойством или участвует в какой-то «отрицательной» ситуации.

В примерах (9d), (9e) локальную индивидуализацию объекта в альтернативном мире подтверждает анафора:

- (9) d. Во время физкультуры, если его *кто-нибудь* не слушался, он мог дать *ему* щелчок-шалабан [Фазиль Искандер. Время счастливых находок (1973)];
 e. ...если *что-нибудь* не охраняется, **оно** может быть разрушено и утрачено [«Неприкосновенный запас», 2003.03.04].

Прямое отрицание противопоставлено **дистантному** отрицанию, т. е. отрицанию в выходящей пропозиции. Дистантное отрицание обычно не затрагивает местоимения на *-нибудь*. Например: *Он не надеялся **чего-нибудь** достичь*. Возможны спорные случаи, которые мы здесь не рассматриваем; см., однако, Приложение.

3. «Puzzle»: нестандартное отрицание

На этом фоне представляют интерес примеры типа (10—13). В них местоимение на *-нибудь* находится в сфере действия отрицания (т. е. отрицание не является частным), но не подвергается обязательной замене на отрицательное (т. е. отрицание не является общим, см. примеры (7), (8) со стандартным общим отрицанием, где замена обязательна):

- (10) Откусила, подставив снизу ладошку лодочкой, чтобы *чего-нибудь* не уронить [Ф. Кнорре. Родная кровь (1962)] (не > *нибудь*).
 (11) Почти не найти семьи, в которой *кто-нибудь* не пострадал бы [Б. Б. Вахтин. Этот спорный русский опыт (1978)].
 (12) Мы спускались осторожно, чтобы *где-нибудь* не сорваться [Фазиль Искандер. Святое озеро (1969)].
 (13) Но по дороге смотрите в оба, чтобы он *куда-нибудь* не свернул! [Н. Леонов, А. Макеев. Ментовская крыша (2004)].

Эти примеры составляют загадку, puzzle, поскольку нарушают рассмотренное выше правило о том, что *-нибудь* в сфере действия прямого предикатного отрицания недопустимо.

В примерах (10—13) замена *-нибудь* на *ни-* в контексте прямого отрицания не обязательна, как в (6), но, в принципе, возможна:

- (10') Откусила, подставив снизу ладошку лодочкой, чтобы *ничего* не уронить.
 (11') Почти не найти семьи, в которой бы *никто* не пострадал.
 (12') Мы спускались осторожно, чтобы *нигде* не сорваться.
 (13') Но по дороге смотрите в оба, чтобы он *никуда* не свернул!

Правда, нельзя сказать, что результат замены связан с исходным предложением отношением синонимии — скорее это логическая эквивалентность. Так, предложение (12), с *-нибудь*, предупреждает об опасности события с *одним* введенным в рассмотрение участником-местом, а (12'), с *ни-*, говорит о *множестве* мест. Ср. пример (14), где различие значений еще более очевидно.

- (14) а. Он взял вину на себя, чтобы *никто* (другой) не пострадал;
 б. Он взял вину на себя, чтобы *кто-нибудь* (другой) не пострадал.

Суровый логик способен признать, что (14a) и (14b) истинны в одних и тех же ситуациях, а значит, эквивалентны. Обычному же человеку ясно, что (14a) имеет в виду всех,

а (14b) — кого-то одного, хотя бы и произвольно взятого. Но на логическую эквивалентность, пожалуй, можно согласиться.

Иное дело пример (15). Здесь *-нибудь*, как и в (10—14), входит в сферу действия прямого отрицания, но замена *-нибудь* на отрицательное местоимение решительно невозможна:

- (15) ...кто даст гарантию, что в шахту **вновь кто-нибудь** не влетит (...)?
[«Встреча» (Дубна), 2003.04.30].

В самом деле,

...кто даст гарантию, что в шахту **вновь кто-нибудь** не влетит $\neq$ кто даст гарантию, что в шахту **вновь никто** не влетит.

Дело в том, что в (15) квантор существования входит в сферу действия отрицания, как и в (10—14), но не непосредственно: между отрицанием и квантором существования стоит модификатор (*вновь*), который отделяет отрицание от квантора. Квантор существования находится в сфере действия этого модификатора и только опосредованно входит в сферу действия отрицания.

Если убрать *вновь*, пример (15) становится аналогичен примеру (14) с такой же эквивалентностью *-нибудь* и *ни-*:

- (15') а. кто даст гарантию, что в шахту *кто-нибудь* не влетит;
б. кто даст гарантию, что в шахту *никто* не влетит.

Аналогично в (16), где между отрицанием и квантором существования вклинивается модификатор места — *на первой же станции*:

- (16) Можешь ты мне с уверенностью сказать, что их **на первой же станции кто-нибудь** не завербует?

В самом деле,

Можешь ты мне с уверенностью сказать, что не наступит ситуация «их на первой же станции **кто-нибудь** завербовал» $\neq$ «их на первой же станции **никто** не завербовал».

Квантор существования, выражаемый местоимением *кто-нибудь*, находится в (16) в сфере действия обстоятельства *на первой же станции*, и лишь опосредованно — в сфере действия отрицания.

В примере (17) тоже невозможна замена местоимения на *-нибудь* на отрицательное — речь идет о введенном в рассмотрение объекте альтернативного мира и о временном интервале до наступления события, в котором этот объект (человек) является участником.

- (17) а. Так и простоят <черепки>, **пока кто-нибудь** не догадается снести их в мусорную яму [Ю.О. Домбровский. Хранитель древностей (1964)] = ‘пока не появится *кто-нибудь*, кто *догадается* [будущее время] снести их в мусорную яму’;
б. *...пока *никто* не догадается.

Отрицательное местоимение в (17) станет возможным, если перевести глагол в придаточном в прошедшее время: ‘так и простоят <черепки>, пока длится ситуация «*никто не догадался* [прош. время] снести их в мусорную яму»’. Дело в том, что глагол СВ в прошедшем времени с отрицанием может обозначать **состояние ненаступления** события, которое длится; а у глагола в будущем времени этого статального значения в контексте отрицания нет, см. [Падучева 2004: 508—510].

В (18) в роли предиката, который вклинивается между оператором снятой утвердительности и отрицанием, выступает вводный оборот:

- (18) В протоколе много пунктов, чтобы, **упаси Бог, кто-нибудь** не ушел от наказания.

Вводный оборот делает невозможной замену *кто-нибудь* на *никто* — ‘чтобы, упаси Бог, *кто-нибудь* не ушел от наказания’ $\neq$ ‘чтобы, упаси Бог, *никто* не ушел от наказания’³. Если убрать вводный оборот, возникает конструкция с *-нибудь* в сфере действия нестандартного отрицания, которая понимается с трудом — лучше употребить общее отрицание с отрицательным местоимением (18’b):

- (18’) а. ?В протоколе много пунктов, чтобы *кто-нибудь* не ушел от наказания $\Rightarrow$
 б. В протоколе много пунктов, чтобы *никто* не ушел от наказания.

Вопрос о логической эквивалентности (18’a) и (18’b) должен быть обращен, скорее, к логикам, чем к лингвистам.

На основании вышеизложенного можно заключить, что предложения (10—18), где отрицание при глаголе совместимо с *-нибудь* в сфере действия этого отрицания и не требует замены местоимения на *-нибудь* отрицательным, демонстрируют специальную конструкцию с **нестандартным** предикатным отрицанием. Задача состоит в том, чтобы охарактеризовать эту конструкцию в положительных терминах.

Сам факт наличия предложений с *-нибудь* в контексте прямого предикатного отрицания заслуживает внимания. Так, в [Pereltswaig 2000] говорится: «*-nibud*’ items are ungrammatical with clausemate sentential negation» («местоимения на *-нибудь* несовместимы с прямым предикатным отрицанием»). Это утверждение опровергается двумя группами примеров:

- а) примерами с частным отрицанием, типа (9—9с), где $\exists > \text{не}$;
 б) примерами с нестандартным общим отрицанием, типа (10—18), где $\text{не} > \exists$, так что *-нибудь* входит в сферу действия отрицания.

Примеры местоимения на *-нибудь*, которое не входит в сферу действия отрицания в той же предикации, были приведены в [Partee, Borschev 2002]. Это предложения с частным отрицанием. Нас будут далее интересовать предложения с общим отрицанием.

4. Отрицание с широкой сферой действия, или глобальное

Семантика предложений (10—18) не представима на языке классической математической логики. Проблема может быть решена в рамках **экспликативной семантики** в духе Ю. Д. Апресяна и Анны Вежицкой.

В [Богуславский 1985] было введено понятие «отрицание с широкой сферой действия» — на примере модификаторов субъектно-предикатного комплекса. Было установлено, что в структуре вида $Q(P(x))$, где $P(x)$ — предикация, которая представляет собой **субъектно-предикатный комплекс**, а Q — его модификатор, предикатное отрицание в составе $P(x)$ может иметь **широкую** (лучше сказать — **расширенную**) **сферу действия** (включающую Q), если выполняется одно из двух условий:

- 1) $P(x)$ без Q коммуникативно не значимо;
- 2) ожидалось, что P произойдет именно в контексте Q .

Так, у предложения (19а), где *Гаврилов прилетит во Львов* — субъектно-предикатный комплекс, а *для участия в конкурсе* — модификатор, есть два разных отрицания, которые оба можно назвать общими: присловное общее отрицание (19b) и предикатное отрицание с расширенной сферой действия, которая включает модификатор, (19с); термины «предикатное» и «присловное отрицание» приблизительно соответствуют англ. *sentential negation* и *constituent negation*, см. [Падучева 2013: 41—45].

³ Ю. К. Бронников (устное сообщение) отметил необъясненную пока зависимость приемлемости отрицательной конструкции от порядка слов — фраза (18а) неприемлема, а (18b) нормальна:

- (18) а. *В протоколе много пунктов, чтобы, упаси Бог, никто не ушел от наказания;
 б. В протоколе много пунктов, чтобы никто, упаси Бог, не ушел от наказания.

- (19) а. Гаврилов прилетит во Львов для участия в конкурсе;
 б. (Гаврилов прилетит во Львов) **не** для участия в конкурсе;
 в. Гаврилов **не** (прилетит во Львов для участия в конкурсе).

В [Падучева 2005] было замечено, что, помимо указанных, благоприятным условием для расширенной (иначе — **глобальной**) интерпретации предикатного отрицания является снятая утвердительность. Так, (20b) не является общим отрицанием (20a) и вообще непонятно, что значит. А в (20c) отрицание находится в контексте снятой утвердительности, где оно без труда получает глобальную интерпретацию.

- (20) а. Он *резко затормозил*;
 б. *Он *резко не затормозил*;
 в. Если бы он *резко не затормозил*, произошла бы авария.

В примерах (21a) и (21b) выделен сентенциальный оператор, который создает для предикации с предикатным отрицанием контекст снятой утвердительности и обеспечивает глобальную интерпретацию этого отрицания. В примере (21b) оператором снятой утвердительности является сослагательное наклонение в определительном предложении, обусловленное несуществованием объекта, обозначенного именной группой.

- (21) а. <...> *пока тщательно* не оденешься, из дому не выйдешь;
 б. <...> не было такого <человека>, **который бы** *вскоре* не сделался негодяем.

Сочетания (21'a) и (21'b), будучи вынуты из контекста снятой утвердительности, без особой просодии бессмысленны:

- (21') а. <он> *тщательно* не оделся;
 б. <он> *вскоре* не сделался негодяем.

Всегда считалось (см. [Пешковский 2001: 388] об общеотрицательном и частноотрицательном предложении), что есть бинарная оппозиция: общее vs. частное отрицание. Между тем на базе предложения с модификатором субъектно-предикатного комплекса Q (P(x)) можно построить три отрицательных.

- А. Семантически общеотрицательное с отрицанием при адвербиале не Q (P(x)).
 В. Семантически частноотрицательное с предикатным отрицанием в сфере действия адвербиала Q (не P(x)).
 С. Семантически общеотрицательное с предикатным отрицанием, имеющим расширенную сферу действия, т. е. глобальную интерпретацию не (Q (P(x))).

Например, три отрицательных предложения для примера (22):

- (22) Ты пришел напрасно:
 А. Ты пришел *не* напрасно (общее отрицание).
 В. Напрасно ты *не* пришел (частное отрицание) 'it's regrettable that you haven't come'.
 С. ...чтобы ты *не* пришел напрасно (глобальное отрицание).

Теперь мы можем подойти к интерпретации примеров (10—18). Дело в том, что контекст снятой утвердительности обеспечивает предикатному отрицанию глобальную интерпретацию не только в контексте модификатора, но и в контексте кванторного слова [Падучева 2005; 2013: 56—60]. Имеется принципиальное сходство между адвербиалом и кванторным словом, состоящее в том, что в обоих случаях оператор, который является семантически главным в предложении, занимает синтаксически подчиненную позицию. Это и создает основу для противопоставления общего и глобального отрицания: общее отрицание — это отрицание при семантически главном слове, глобальное — это отрицание при сказуемом, т. е. предикатное.

Теперь ясно, что нестандартное отрицание, представленное примерами (10—18), есть не что иное, как **отрицание в контексте снятой утвердительности**; оно понимается как глобальное, т. е. включает в свою сферу действия *-нибудь*.

Имеется две отрицательных конструкции, которые выражают общее отрицание предложения с *-нибудь*: **Конструкция А** (стандартное общее отрицание — с отрицательным местоимением) и **Конструкция В** (нестандартное общее отрицание, сохраняющее *-нибудь*).

Конструкция А (стандартное общее отрицание с отрицательным местоимением). В контексте сопредикатного (т. е. непосредственно подчиняющего) отрицания *-нибудь* заменяется на *ни-*. В утвердительном контексте эта замена грамматически обязательна, см. примеры (7), (8), которые показывают, что *-нибудь* в утвердительном контексте несовместимо с сопредикатным отрицанием. В неутвердительном контексте замена факультативна, т. е. возможны оба варианта, с *-нибудь* и с *ни-*, ср. (10) и (10').

(10) Откусила, подставив снизу ладошку лодочкой, чтобы *чего-нибудь* не уронить.

(10') Откусила, подставив снизу ладошку лодочкой, чтобы *ничего* не уронить.

Конструкция В (нестандартное общее отрицание, сохраняющее *-нибудь*). Нестандартность отрицания определяется тем, что оно находится в контексте снятой утвердительности, см. примеры (10—14). В этом контексте отрицание непосредственно подчинено оператору снятой утвердительности — сентенциальному — и функционирует синтаксически как дистантное отрицание, которое формирует отдельную пропозицию и потому допускает *-нибудь* в свою сферу действия, см. пример (6а). При этом *-нибудь* лицензируется не отрицанием, а контекстом снятой утвердительности. Как правило, в этом контексте возможна и конструкция А, квазисинонимичная, см. (10'—14'). Однако может быть так, что местоимение на *-нибудь* входит в сферу действия отрицания не непосредственно: поскольку отрицание дистантное, между отрицанием и *-нибудь* может находиться модификатор, как в (15—18), и тогда замена *-нибудь* на *ни-* невозможна.

Итак, местоимение на *-нибудь* входит в сферу действия отрицания, поскольку отрицание непосредственно подчинено оператору снятой утвердительности. Но лицензируется *-нибудь* не отрицанием, а этим оператором снятой утвердительности. В разделе 1 речь шла о том, что отрицание не лицензирует *-нибудь* в веридиктальном контексте. Примеры (10—14) показывают, что и в неверидиктальном контексте *-нибудь* лицензируется не отрицанием. Можно согласиться с [Pereltswaig 2000], «*nibud*’-items are not licensed by clausemate sentential negation» («местоимения на *-нибудь* не лицензируются прямым предикатным отрицанием»).

5. Уточнение

В разделе 4 отрицание в контексте снятой утвердительности было представлено как частный случай отрицания с расширенной сферой действия, описанного в [Богуславский 1985: 53—61]. Слов нет, отрицание в контексте снятой утвердительности — это отрицание с расширенной сферой действия. Однако механизм этого расширения сферы действия отрицания иной, чем в случае расширенной сферы действия как она описана в указанной работе. Классическая широкая сфера действия возникает за счет того, что меняется коммуникативная структура предложения — снимается граница между субъектно-предикатным комплексом и модификатором, см. пример (19). Между тем отрицание в контексте снятой утвердительности приобретает широкую сферу действия благодаря оператору снятой утвердительности, так что широкая сфера действия никак не связана с коммуникативной структурой предложения.

Чтобы объяснить, что тут происходит, обратимся к статье [Богуславский 2002], где рассматривается отрывок из поэмы Пушкина «Медный всадник» со странным *уже* — взаимодействие отрицания с *уже* прольет свет на взаимодействие отрицания с *-нибудь*:

Еще он думал, что едва ли
С Невы мостов *уже* не сняли

Сначала кажется, что в этом предложении надо *уже* заменить на *еще*: в самом деле, в нем выражается тщетность надежды на то, что мостов *еще* не сняли. Как известно, частица

уже, попадая в сферу действия отрицания, с грамматической обязательностью должна заменяться на *еще* — см. пример из [Падучева 1977: 109]:

- (23) а. *Неверно, что* (ребенок уже уснул) =
б. Ребенок *еще не* уснул.

Однако возможна иная стратегия интерпретации этого фрагмента: *уже не* можно тут понять как *не уже* — точнее, как *неверно, что уже*, как в (23а), где отрицание не частица, а отдельная предикация. Как говорит И. М. Богуславский, при определенном условии предикатное отрицание *не* может включать *уже* в свою сферу действия — а именно, при условии, что это отрицание входит в контекст квантора, показателя неуверенного мнения (*едва ли, вряд ли, разве, трудно поверить (предположить), что; сомнительно*), ирреальности, условия и некоторых других. Например:

- (24) *Трудно себе представить, чтобы* к десяти часам вечера они *уже не* выпили все шампанское = 'трудно себе представить, чтобы было неверно, что к десяти часам вечера они уже выпили все шампанское'.

Круг контекстов, перечисленных Богуславским, допускает естественное обобщение: все это контексты снятой утвердительности. Правда, в случае *уже* набор этих контекстов заметно уже, чем в случае *-нибудь*, но не в этом суть. Суть в том, что отрицание, попадая в контекст снятой утвердительности, превращается из частицы, которая, в принципе, имеет ограниченную сферу действия, в сентенциальный оператор со сферой действия более широкой, чем у частицы *уже* — или чем у местоимения на *-нибудь*. Именно это решение и предлагается в [Богуславский 2002] для *уже* и *не* в контексте снятой утвердительности: частица *не* ведет себя как оборот НЕВЕРНО, ЧТО, который составляет отдельную предикацию и занимает семантико-синтаксическую позицию более высокую, чем *уже*. Богуславский использует удачную метафору: отрицательная частица как бы «приклеивается» к оператору снятой утвердительности, сентенциальному, в результате чего сама становится сентенциальным оператором и включает в свою сферу действия *уже*.

Очевидно, то же решение можно предложить для отрицания в контексте снятой утвердительности и местоимений на *-нибудь*. Расширение сферы действия отрицания в контексте снятой утвердительности происходит не за счет изменения коммуникативной структуры предложения, которое было необходимо в веридиктальном контексте (как в примере (19) из раздела 4 и в примерах (54а—к) из [Богуславский 1985]), а за счет того, что отрицательная частица в контексте показателя снятой утвердительности, который является сентенциальным оператором, сама ведет себя как сентенциальный оператор. Расширение сферы действия отрицания происходит за счет сдвига синтаксического статуса отрицательной частицы в контексте снятой утвердительности⁴.

ПРИЛОЖЕНИЕ

Контексты употребления местоимений на *-нибудь*

1. Отрицание

Отрицание хоть и является неверидиктальным контекстом, но не лицензирует местоимения на *-нибудь*. В веридиктальных контекстах местоимение на *-нибудь* допустимо в одной предикации с отрицанием только в том случае, если оно не входит в сферу действия этого отрицания, см. примеры (9—9с) из раздела 2. Для выражения экзистенциальной

⁴ Автор выражает благодарность Игорю Богуславскому, Юрию Бронникову, Леониду Иомдину, Барбаре Парти, Александре Раскиной, Наталии Стойновой, Наталии Фитцгibbonс за замечания по первоначальным вариантам статьи.

квантификации в сфере действия отрицания вместо местоимения на *-нибудь* употребляется отрицательное, см. пример (6) из раздела 2.

Отрицание в подчиняющей предикации (дистантное) обычно не требует замены местоимения на *-нибудь* отрицательным местоимением в подчиненной:

- (1) Он не надеялся *чего-нибудь* достичь.

Однако слова *мочь, хотеть, собираться* и ряд других ведут себя как не составляющие отдельной предикации, так что отрицание не является дистантным; см. об этом подробнее в [Герасимова (в печати)]:

- (2) Он не собирался *ничего* делать.

2.1. Сопредикатная ИГ с показателем общности

Местоимение на *-нибудь* допустимо в контексте сопредикатной ему (т. е. входящей в ту же предикацию) именной группы с показателем всеобщности — *каждый, любой, всякий, все*. У местоимения на *-нибудь* в этом контексте возникает дополнительное значение **дистрибутивности** — ‘для каждого свой’ (ИГ всеобщности играет роль «дистрибутора», т. е. **распределяющего множества** см. [Падучева 1985: 229 и сл.]):

- (3) ...*любая* пропаганда *когда-нибудь* приедается, такова уж психология людей [«Советская Россия», 2003.02.15].
- (4) *Все* науки *как-нибудь* называются: химия, кибернетика, этимология, сурдопедагогика [Симон Соловейчик. Ватага «Семь ветров» (1979)].
- (5) *Все* истории *когда-нибудь* заканчиваются, и, как правило, благополучно [Владимир Железников. Жизнь и приключения чудака (1974)].
- (6) ...хорошо, что *каждый что-нибудь* принес [Дмитрий Быков. Орфография (2002)].

2.2. Сопредикатная ИГ с числительным

Местоимение на *-нибудь* возможно также в контексте сопредикатной числовой ИГ (т. е. ИГ, включающей числительное), обычно при наличии «уточнителя» — *ровно (три), по меньшей мере (три), по крайней мере (три)*:

- (7) *Ровно три* человека видели *(хоть) что-нибудь*.

В (7) допустимо *-нибудь* только с минимизатором *хоть* (возможно, подразумеваемым). Допустимость *-нибудь* можно объяснить подразумеваемым отрицанием: *ровно три* $\supset$ ‘не больше трех’.

Числовые ИГ без уточнителя, а также ИГ мн. числа, сами по себе не создают дистрибутивного контекста.

3. Узуальность и многократность

Контекст для *-нибудь* может создаваться итеративностью: ситуация повторяется — и каждый раз, быть может, с другим участником, так что местоимение не имеет референта в реальном мире. Итеративность выражается показателями кратности — *всегда, часто, каждый раз, все время, как правило, в большинстве случаев*; см. об этом в [Fitzgibbons 2012]:

- (8) С такими, как он, *часто что-нибудь* случается;
- (9) Дарья *обычно* звонит *кому-нибудь*, когда ей скучно;

- (10) ...**по минутно** принужден он был удерживаться от *какой-нибудь* грубости (Пушкин);
- (11) Я никогда не могу это определить и **всегда** *кого-нибудь* спрашиваю [«Экран и сцена», 2004.05.06];
- (12) У ее подъезда теперь **все время** *кто-нибудь* дежурил [Алексей Беляков. Алка, Аллочка, Алла Борисовна (1998)].

Итеративность может быть выражена также показателем числа повторений события, в том числе — неопределенного числа (*несколько раз*), см. примеры из [Fitzgibbons 2012]:

- (13) а. Я **по меньшей мере три раза** *кого-нибудь* спасала;
б. Она уже **несколько раз** *кого-нибудь* из нас обманывала.

4.1. Условие

а) Контекст придаточного условного:

- (14) Даже **если** *кто-нибудь* и заказал бы ему пропуск, то он всё равно бы его не получил — нет же паспорта [И. Э. Кио. Иллюзии без иллюзий (1995—1999)].

Деепричастный оборот тоже может выражать условие (NB итеративность, выражаемую глаголом НСВ):

- (15) Испугавшись *чего-нибудь*, он в поисках защиты мчался ко мне и прыгал на руки [Вальтер Запашный. Риск. Борьба. Любовь (1998—2004)].

б) Ограничитель в составе ИГ с универсальной квантификацией — это скрытое условие [Падучева 1974/2007: 136]. Поэтому местоимения на *-нибудь* допустимы в этом контексте так же, как в контексте условия:

- (16) Это такое слово, чтобы **всех**, кто тебя *чем-нибудь* не устраивает, быстренько опустить [(форум) (2005)].

То же самое верно для ограничительного условия к ИГ в общеродовом значении (in generic use):

- (17) Как счастливы **женщины**, которые *чем-нибудь* жены [В. Ф. Панова. Спутники (1945)].

4.2. Обусловленность

Местоимения на *-нибудь* лицензируются также контекстом **о б у с л о в л е н н о с т и**:

- (18) Если Катя дома, в холодильнике уже *что-нибудь* есть (пример из [Fitzgibbons 2012]).

Условие (т. е. фактор, от которого зависит реализация возможности) может быть выражено не только условным придаточным, как в (18), но и множеством других способов — в примере (19) условиями являются *иначе*, *год назад* и др.:

- (19) ...**иначе** он бы *что-нибудь* натворил; **год назад** он бы *что-нибудь* сделал.

В примере (20) обусловленность выражена сослагательным наклонением — *это решило бы* = ‘это решило бы, если бы произошло’. Обусловленность — одно из значений сослагательного наклонения.

- (20) Это решило бы *какие-нибудь* ваши проблемы.

5.1. Вопрос общий

- (21) *Что-нибудь* случилось? [И. Грекова. На испытаниях (1967)].
- (22) — А вы там *кого-нибудь* знаете? — спросил я [Ю. О. Домбровский. Хранитель древностей (1964)].

5.2. Вопрос частный

- (23) *У кого* есть *что-нибудь* почитать?
- (24) *Кто* заметил *что-нибудь* интересное? [«Вопросы психологии», 2003.07.22].

6. Дизъюнкция, т. е. разделительные союзы *или* и *либо... либо*

В контексте разделительного *или*, как в (25a), местоимение на *-нибудь* возможно, а вне этого контекста, как в (25b), *кто-нибудь* надо заменить на *кто-то*:

- (25) а. Коля или *кто-нибудь* из его друзей оставил на подоконнике часы;
б. ?*Кто-нибудь* из Колиных друзей оставил на подоконнике часы.

7. Модальности возможность и необходимость

а) Возможность, в том числе — эпистемическая:

- (26) Он *может* *кого-нибудь* убить, и ему ничего не будет [В. Козлов. Перед экзаменами (2002)].
- (27) Это было очень предусмотрительно, так как во время путешествия *кто-нибудь* *мог* заболеть [Николай Носов. Приключения Незнайки и его друзей (1953—1954)].

б) Необходимость, долженствование

- (28) ...главный редактор Мостовщиков сообщил мне, что я обязательно *должен* *что-нибудь* подарить любимому городу к его 850-летию [«Столица», 1997.08.26].
- (29) *Придется* *кого-нибудь* попросить помочь; *Необходимо* было с кем-нибудь посоветоваться.

В контексте *должен* в прош. времени, т. е. *должен был*, у подчиненной пропозиции возникает, в качестве одной из интерпретаций, презумпция факта. Для *вынужден был* или *пришлось* эта интерпретация единственная; контекст веридиктальный, отсюда запрет на *-нибудь* (эта проблематика обсуждается в связи с англ. *must* и *have to* в [Goddard 2014]):

- (30) **Пришлось* *кого-нибудь* попросить помочь.

8. Грамматическое будущее время

- (31) Мы *что-нибудь придумаем*.

9. Установки, касающиеся будущего

а) Желание, в том числе выраженное оптативом и другими конструкциями с частицей *бы*; цель:

- (32) Он *хочет* *куда-нибудь* поехать;
- (34) Он *стремится* *что-нибудь* узнать о своих родственниках;

- (35) Он *ищет* что-нибудь интересное для тебя;
- (36) *Хорошо бы* он что-нибудь купил поесть; Поехать *бы* ему куда-нибудь отдохнуть!
- (37) *Если бы* кто-нибудь это знал!
- (38) Я спустилась в буфет, *чтобы* что-нибудь перекусить [И. А. Архипова. Музыка жизни (1996)].
- б) Просьба, предложение, в том числе выраженные формой императива:
- (39) Он *просит* что-нибудь почтить;
- (40) *Дайте* чего-нибудь выпить; *Позвольте* мне что-нибудь взять на память;
- (41) *Скажи* что-нибудь! *Спойте* нам какой-нибудь романс!
- в) Разрешение, согласие, уступка, готовность:
- (42) *Можешь* пойти куда-нибудь погулять;
- (43) Я *согласен* что-нибудь добавить.

10. Сомнение, предположительность, нереальность и просто мнение

- (44) *Сомневаюсь*, что он что-нибудь сделал;
- (45) *Боюсь*, что он что-нибудь напутал;
- (46) *Наверно*, его кто-нибудь известили;
- (47) *Маловероятно*, чтобы он что-нибудь дельное придумал;
- (48) *Едва ли* он что-нибудь исправил;
- (49) Я *думаю*, ей кто-нибудь помог; ср.: *Я знаю, что ей кто-нибудь помог;
- (50) *Надеюсь*, что-нибудь осталось.

Показателем неверидиктальности является сослагательное наклонение в определительном придаточном в составе ИГ с референцией к несуществующему объекту (см. также пример (11) в разделе 3):

- (51) Кажется, в деревне не было никого, кроме нее, кому *б* хоть кто-нибудь *не писал* [В. Войнович. Замысел (1999)].

Местоимения на *-нибудь* встречаются в контексте сравнительного оборота — в роли эталона сравнения (12 вхождений в НКРЯ):

- (52) Я знаю о вас больше, чем кто-нибудь [А. С. Грин. Дорога никуда (1929)].

Однако в контексте сравнения местоимения на *-нибудь* имеют не свойственное им, как бы выветренное, значение. В самом деле, эталон сравнения должен принадлежать реальному миру. В [Giannakidou 2011] утверждается, что в английском языке *any* в контексте сравнения выступает в значении местоимения **свободного выбора** (free choice). И в русском языке самое естественное местоимение в составе ИГ, выражающей эталон сравнения, — это *любой* или сочетание *любой другой* (только для этого сочетания, со всей его омонимией, 46 вхождений):

- (53) Пушкин посвятил ей десять стихотворений — больше, чем *любой другой* своей музе [«Наука и жизнь», 2006].

Так что контекст сравнения не должен входить в список контекстов, лицензирующих *-нибудь*, — а значит, и в универсальный перечень контекстов снятой утвердительности.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ / REFERENCES

- Богуславский 1985 — Богуславский И. М. Исследования по синтаксической семантике: Сферы действия логических слов. М.: Наука, 1985. [Boguslavsky I. M. *Issledovaniya po sintaksicheskoi semantike: sfery deistviya logicheskikh slov* [Studies in syntactic semantics: Scopes of logical words]. Moscow: Nauka, 1985.]
- Богуславский 2002 — Богуславский И. М. «Сандхи» в синтаксисе: загадка уже не // Вопросы языкознания. 2002. № 5. С. 19—37. [Boguslavsky I. M. Sandhi in syntax: The puzzle of the Russian phrase *uzhe ne*. *Voprosy jazykoznanija*. 2002. No. 5. Pp. 19—37.]
- Вайнрайх 1970 — Вайнрайх У. О семантической структуре языка / русск пер. И. А. Мельчука // Звегинцев В. А. (ред.). Новое в зарубежной лингвистике. Вып. V: Языковые универсалии. М.: Прогресс, 1970. С. 163—249. [Weinreich U. On semantic structure of language. Transl. by Melčuk I. A. *Novoe v zarubezhnoi lingvistike*. Zvegintsev V. A. (ed.). No. V: *Yazykovye universalii*. Moscow: Progress, 1970. Pp. 163—249.]
- Герасимова (в печати) — Герасимова А. А. Лицензирование отрицательных местоимений через границу инфинитивного оборота в русском языке // Лютикова Е. А., Циммерлинг А. В., Коношенко М. Б. (ред.). Типология морфосинтаксических параметров. Материалы международной конференции «ТМП-2015». Вып. 2. М.: МПГУ (в печати). [Gerasimova A. A. Licensing of negative pronouns across the border of the infinitive clause in Russian. *Tipologiya morfosintaksicheskikh parametrov. Materialy mezhdunarodnoi konferentsii «TMP-2015»*. No. 2. Lyutikova E. A., Tsimmerling A. V., Konoshenko M. B. (eds.). Moscow: Moscow State Pedagogical Univ. (in print).]
- НКРЯ — Национальный корпус русского языка // <http://www.ruscorpora.ru>. [Natsional'nyi korpus russkogo yazyka [Russian National Corpus]. Available at: <http://www.ruscorpora.ru>.]
- Падучева 1974/2007 — Падучева Е. В. О семантике синтаксиса. Материалы к трансформационной грамматике русского языка М.: Наука, 1974 (2-е изд.: М.: УРСС, 2007). [Paducheva E. V. *O semantike sintaksisa. Materialy k transformatsionnoi grammatike russkogo yazyka* [On semantics of syntax. Materials for a transformational grammar of the Russian language]. Moscow: Nauka, 1974 (2nd ed.: Moscow: URSS, 2007).]
- Падучева 1977 — Падучева Е. В. Понятие презумпции и его лингвистические применения // Семиотика и информатика. Вып. 8. М.: ВИНТИ, 1977. (<http://lexicograph.ruslang.ru/TextPdf1/presumption-77.pdf>) [Paducheva E. V. The concept of presumption and its linguistic applications. *Semiotika i informatika*. No. 8. Moscow: All-Union Institute for Scientific and Technical Information, 1977. Available at: <http://lexicograph.ruslang.ru/TextPdf1/presumption-77.pdf>.]
- Падучева 1985 — Падучева Е. В. Выводы и его соотносительность с действительностью. М.: Наука, 1985. Издание 6-е, испр. М.: Изд-во ЛКИ, 2010. (<http://lexicograph.ruslang.ru/TextPdf1/paducheva1985.pdf>) [Paducheva E. V. *Vyskazyvanie i ego sootnesennost' s deistvitel'nost'yu* [Utterance and its correlation with reality]. Moscow: Nauka 1985. (6th ed., corr. Moscow: Izd-vo LKI, 2010. Available at: <http://lexicograph.ruslang.ru/TextPdf1/paducheva1985.pdf>).]
- Падучева 2004 — Падучева Е. В. Динамические модели в семантике лексики. М.: Языки славянской культуры, 2004. (<http://lexicograph.ruslang.ru/TextPdf1/PaduDinamMod2004.pdf>) [Paducheva E. V. *Dinamicheskie modeli v semantike leksiki* [Dynamic models in the semantics of lexicon]. Moscow: Yazyki Slavyanskoi Kul'tury, 2004. Available at: <http://lexicograph.ruslang.ru/TextPdf1/PaduDinamMod2004.pdf>.]
- Падучева 2005 — Падучева Е. В. Эффекты снятой утвердительности: глобальное отрицание // Русский язык в научном освещении. 2005. № 2(10). С. 17—42. (<http://lexicograph.ruslang.ru/TextPdf2/rus2005.pdf>) [Paducheva E. V. Effects of suspended assertion: global negation. *Russkii yazyk v nauchnom osveshchenii*. 2005. No. 2 (10). Pp. 17—42. Available at: <http://lexicograph.ruslang.ru/TextPdf2/rus2005.pdf>.]
- Падучева 2013 — Падучева Е. В. Русское отрицательное предложение. М.: Языки славянской культуры, 2013. [Paducheva E. V. *Russkoe otritsatel'noe predlozhenie* [The Russian negative sentence]. Moscow: Yazyki Slavyanskoi Kul'tury, 2013.]
- Падучева 2015 — Падучева Е. В. Снятая утвердительность и неверидикальность (на примере русских местоимений отрицательной полярности) // Russian Linguistics. 2015. Vol. 39. No. 2. Pp. 129—162. [Paducheva E. V. Suspended assertion and nonveridicality (case study of the Russian pronouns with negative polarity). *Russian Linguistics*. 2015. Vol. 39. No. 2. Pp. 129—162.]
- Пешковский 2001 — Пешковский А. М. Русский синтаксис в научном освещении. 8-е изд., доп. М.: Языки славянской культуры, 2001. [Peshkovskii A. M. *Russkii sintaksis v nauchnom osveshchenii*

- [Russian syntax from the scientific point of view]. 8th ed., enlarged. Moscow: Yazyki Slavyanskoi Kul'tury, 2001.]
- Fitzgibbons 2012 — Fitzgibbons N. What -nibud'-items reveal about Russian. *Annual workshop on formal approaches to Slavic linguistics: The second College Park meeting, 2010*. Bailyn J. F. (ed.). Ann Arbor: Michigan Slavic Publications, 2012. Pp. 17—32.
- Giannakidou 1998 — Giannakidou A. *Polarity sensitivity as (non)veridical dependency*. Amsterdam: John Benjamins, 1998.
- Giannakidou 2011 — Giannakidou A. Positive polarity items and negative polarity items: variation, licensing, and compositionality. *Semantics: An international handbook of natural language meaning*. Berlin: Mouton de Gruyter, 2011. Pp. 1660—1712.
- Goddard 2014 — Goddard C. *Have to, Have got to, and Must: NSM analyses of English modal verbs of 'necessity'*. *Nonveridicality and evaluation: Theoretical, computational and corpus approaches*. Taboada M., Trnavač R. (eds.). Leiden: Brill, 2014. Pp. 52—74.
- Haspelmath 1997 — Haspelmath M. *Indefinite pronouns*. Oxford: Clarendon Press, 1997.
- Partee, Borshev 2002 — Partee B. H., Borshev V. Genitive of negation and scope of negation in Russian existential sentences. *Annual workshop on formal approaches to Slavic linguistics: The second Ann Arbor meeting 2001 (FASL 10)*. Toman J. (ed.). Ann Arbor: Michigan Slavic Publ., 2002. Pp. 181—200.
- Pereltswaig 2000 — Pereltswaig A. Monotonicity-based vs. veridicality-based approaches to negative polarity: Evidence from Russian. *Formal approaches to Slavic linguistics: The Philadelphia meeting 1999*. King T. H., Sekerina I. A. (eds.). Ann Arbor: Michigan Slavic Publ., 2000. Pp. 328—346.
- Weinreich 1963 — Weinreich U. On the semantic structure of language. *Universals of Language*. Greenberg J. (ed.). Cambridge, MA: MIT Press, 1963. Pp. 114—171.
- Zwarts 1995 — Zwarts F. Nonveridical contexts. *Linguistic analysis*. 1995. Vol. 25. Pp. 286—312.

Статья поступила в редакцию 16.08.2015.

**«ПЕРЕПИШИТЕ ЗАНОВО»:
К ТИПОЛОГИИ
ДВОЙНЫХ ДЕРИВАЦИОННЫХ ПОКАЗАТЕЛЕЙ***

© 2016 г. Наталья Марковна Стойнова

Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН, Москва, 119019, Российская Федерация;
stoynova@yandex.ru

В работе обсуждается ситуация, когда при одной глагольной лексеме употребляется более одного показателя рефактива ('сделать еще раз'). Интерпретация такого двойного рефактива может быть при этом избыточной (то же значение 'сделать еще раз') или рекурсивной ('повторно [сделать еще раз]'). Сам двойной показатель может состоять из двух морфологических деривационных показателей — одинаковых или разных — или из аффикса (типа англ. *re-*) и лексемы (типа англ. *again*). Все подобные случаи рассматриваются на типологическом материале, отдельные сюжеты — более детально на материале русского языка. Данные по показателям рефактива позволяют сделать некоторые выводы о двойных деривационных показателях в целом, в том числе охарактеризовать их специфику по сравнению с двойными словоизменительными показателями, предсказать, каково будет результирующее значение двойного показателя при неполном семантическом совпадении исходных одиночных и как это соотносится с морфологическим статусом исходных показателей.

Ключевые слова: глагол, двойные показатели, рефактив, словообразование, типология

**“REWRITE IT AGAIN”:
TOWARDS THE TYPOLOGY
OF DOUBLE DERIVATIONAL MARKERS**

Natal'ya M. Stoynova

Vinogradov Institute of the Russian Language, Russian Academy of Sciences, Moscow, 119019,
Russian Federation
stoynova@yandex.ru

The paper deals with the double use of 'again'-markers. The meaning of repetition can be marked twice for one predicate either by two derivational affixes or by an affix (*re-*) and a lexeme (e.g. *again*). The resulting interpretation can be redundant (with the same meaning of 'do again') or recursive ('again [to do again]'). All these cases are discussed with recourse to crosslinguistic data, with special attention focused on some particular cases in Russian. The picture presented leads us to more general observations on the nature of double derivational markers, such as the features of double derivational markers in comparison to inflectional ones; the predictions about the interpretation of a double marker, when the meanings of its components are not fully identical and the connection between the semantics of double markers and their morphological status.

Keywords: 'again'-markers, double markers, multiple exponence, typology, verb, word-formation

* Работа выполнена в рамках проекта РГНФ № 140400264(а) «Семантико-синтаксический компонент интегрированного корпусного описания русской грамматики».

1. Введение

Известны случаи, когда при одной и той же лексеме используется сразу два (или даже более) показателя с одним и тем же или похожим словоизменительным или деривационным значением. Результирующее значение может в этом случае совпадать или примерно совпадать со значением одиночного показателя (как, например, в разговорном русском *более лучшие* [Рахилина 2014], или как *маленький чемодан-чик* [Русакова 2013]). Возможен и случай, когда соответствующее значение действительно применяется к лексеме дважды (как, например, в русском *начал за-сыпать* [Недялков 1987]).

Ниже такого рода явления рассматриваются на примере одного из значений продуктивной глагольной деривации — **рефактивного** ('сделать повторно'). Достаточно распространенной оказывается ситуация, когда при одном предикате употребляется сразу два показателя рефактива: часто (хотя и совсем необязательно) один из них морфологический, а другой лексический (ср. русск. *пере-писал заново*). Более характерен, как кажется, первый случай — с однократным применением семантического оператора повторности, но и второй ('повторно повторить действие') также возможен.

1.1. Предварительные замечания: интерпретация двойного показателя

Прежде чем обратиться собственно к материалу «двойных» показателей рефактива, необходимо сказать несколько общих слов об упомянутых выше возможных значениях сочетания показателей с идентичной семантикой: «избыточном», «рекурсивном» значениях, а также о значении с семантическим сдвигом.

1) Избыточная интерпретация. Двойной показатель может, во-первых, давать значение, тождественное значению одиночного показателя (каждого из одиночных показателей, если они разные). Такую интерпретацию двойного показателя ниже будем называть «**избыточной**». Избыточное выражение единого значения многократно обсуждалось в морфологии с разных теоретических позиций в терминах **multiple exponence** (или *extended exponence*), ср. [Xu, Aronoff 2011; Caballero, Harris 2012] и мн. др. Основным объектом дискуссии были случаи типа немецкого (1); пример по мотивам [Matthews 1974]:

(1) *Bild* — *Bild-er* (мн. ч. выражено суффиксом);

Vater — *Väter* (мн. ч. выражено чередованием в основе);

Wurm — *Würm-er* (multiple exponence: мн. ч. выражено дважды — суффиксом и чередованием в основе).

Основным предметом интереса являлся тот факт, что подобные случаи, как кажется, противоречат общему **принципу экономии**, в целом обычно до той или иной степени соблюдаемому в языке.

В фокусе внимания оказывались преимущественно или исключительно двойные словоизменительные показатели. В статье по типологии *multiple exponence* [Caballero, Harris 2012] напрямую говорится, что аналогичное явление для деривационных показателей возможно, но оказывается значительно более редким. Это, видимо, так, если подходить к *multiple exponence* как к чисто морфологическому явлению, как это обычно и делается. Если же принимать во внимание и все комбинации деривационных показателей с синонимичными им лексическими (типа *маленький чемодан-чик*), то ситуация окажется прямо противоположной. Такие случаи, наоборот, крайне типичны, хотя и (или вследствие чего) привлекают значительно меньшее внимание лингвистов.

Даже если оставаться в рамках морфологии, примеры избыточного выражения деривационных значений не очень схожи с классическими примерами *multiple exponence* в словоизменении типа (1). Значения, обслуживаемые словообразованием, как правило, более

конкретны и семантически сложны, чем грамматические значения, выражаемые словоизменением; словообразовательные показатели имеют более ограниченную сочетаемость и менее предсказуемым образом взаимодействуют с исходной основой. Поэтому такие показатели бывают синонимичны, но, в отличие от словоизменительных, по-видимому, редко оказываются полными синонимами. Если в случае (1) мы уверены, что чередование и суффикс выражают ровно одно и то же значение множественного числа и что выбор того или иного средства выражения никак не обусловлен семантически, то в случае, например, деривационных показателей *-в-* в *листа* и *-j-* в *тряпье* мы можем говорить об общем для них значении 'совокупности', но вряд ли о полной синонимии. Поэтому, имея дело с двойным показателем, представляющим собой комбинацию двух деривационных, мы можем ожидать, что и он будет синонимичен каждому из исходных, но семантически не эквивалентен ни одному из них или эквивалентен только одному, но не второму. То же верно и в случае комбинации деривационного показателя с лексическим.

(2) СЛОВОИЗМЕНЕНИЕ: показатель 1 'значение А' + показатель 2 'значение А' = 'значение А'

СЛОВООБРАЗОВАНИЕ: показатель 1 'значение А1' + показатель 2 'значение А2' = 'значение А1' / 'значение А2' / 'значение А1/2' / 'значение А3'

Ср., например, проблему, обсуждаемую в [Летучий 2009]: в русском языке значение реципрока выражается деривационным постфиксом *-ся* (*целоваться*) и сочетанием *друг друга* в соответствующем падеже (*целовать друг друга*), которые имеют близкий, но не тождественный круг употреблений; при этом также встречающаяся комбинация *-ся* + *друг друга* (*целоваться друг с другом*), как показывают корпусные данные, дает совсем отдельный класс реципрокальных употреблений.

Таким образом, в случае деривационных показателей к теоретической проблеме нарушения принципа экономии (которая, соответственно, применительно к таким примерам стоит менее остро, хотя и не полностью снимается) добавляется проблема семантической «подстройки» исходных значений в составе двойного показателя: как именно она происходит; какой из исходных показателей «побеждает» (если побеждает) в этом взаимодействии и зависит ли это от его морфологического статуса или от каких-либо еще факторов?

2) Рекурсивная интерпретация. Идентичные или синонимичные деривационные показатели, употребляясь совместно, могут также давать интерпретацию, ниже называемую «рекурсивной», при которой соответствующее значение действительно последовательно применяется к исходной лексеме дважды (или более).

Здесь следует заметить, что далеко не все значения чисто логически могут иметь рекурсивную интерпретацию. Она вполне естественна, например, для каузативного значения 'заставить кого-то [заставить кого-то сделать что-то]' (и действительно часто наблюдается, см. об этом [Kulikov 1993]). А для значения вроде рефлексивного сложно себе представить результирующее значение подобного рода.

3) Интерпретация с семантическим сдвигом. Третий вариант интерпретации двойного показателя — это интерпретация с семантическим сдвигом, когда двойной показатель получает дополнительное приращение значения, не выводимое из исходного (исходных). Обычно это приращение значения, **иконично** связанное с повтором показателя (тот же иконизм наблюдается в самых разных типах редупликации, см., например, [Рожанский 2011; Stolz et al. 2011]): итеративное, дистрибутивное, интенсифицирующее, эмфатическое. Ср. пример на двойной пассив с итеративным значением из балкарского языка (Кабардино-Балкария, тюркские), приводимый в [Lyutikova, Bonch-Osmolovskaya 2006]:

(3) *Gitara ojna-l-in-ŋan-di*
guitar.NOM play-PASS-PASS-PF-3
'На гитаре играли многократно'.

Возможны и менее предсказуемые семантические сдвиги. Так, в той же работе обсуждается разница в возможности чисто пассивной vs. декаузативной интерпретации для

одинокного и двойного балкарского пассива¹. Подробнее о разных интерпретациях каузативов с семантическим сдвигом в тюркских языках см. в [Kulikov 1999].

1.2. Рефактивы в контексте дублирования деривационных показателей

Рефактивами, как было сказано выше, в работе называются глагольные показатели со значением однократного повторения описываемой ситуации ('опять, еще раз'), в литературе используются также термины реитератив, итератив, репетитив, *again-expression*. Подробнее о рефактивах в языках мира см. [Wälchli 2006; Стойнова 2013]. В семантической литературе рефактивы (наряду с такими выражениями, как 'тоже', 'все еще' и т. п.) относят к так называемым «**триггерам пресуппозиции**» (см., например, [Tovena, Donazzan 2008]). Принято говорить, что они добавляют к содержащейся в пропозиции **ассерции** о некоторой ситуации **пресуппозицию** о том, что аналогичная ситуация уже совершалась ранее. Полезным кажется также введенное в [Wälchli 2006] (по аналогии с известной классификацией рефлексивов С. Кеммер [Kemmer 1993]) противопоставление «**тяжелых**» (*heavy*) vs. «**легких**» (*light*) рефактивов (к нему мы будем обращаться ниже в разделе 2). Тяжелые рефактивы используются в тексте реже, чем легкие, тяготеют к более эмфатическим контекстам и не подвержены идиоматизации, легкие — более частотны, предполагают более широкий круг «нейтральных» контекстов и часто сильно идиоматизированы. При этом тяжелые рефактивы оказываются обычно формально более сложными (свободные лексемы или аналитические конструкции), а легкие — более простыми (аффиксы), однако эта тенденция, как показано в работе, не является универсальной. Тяжелые рефактивы есть во всех языках (или, по крайней мере, в подавляющем большинстве), легкие же не очень широко распространены.

Рефактивы кажутся на редкость подходящим материалом для исследования дублирования деривационных показателей. Во-первых, значение однократного повторения принадлежит к числу тех пограничных значений, которые склонны выражаться как самостоятельными лексемами (и такие лексические показатели есть, пожалуй, практически в любом языке), так и деривационными аффиксами, часто очень или даже неограниченно продуктивными (и это тоже достаточно распространенное в языках мира явление, см. [Стойнова 2013: 8—9]); как правило, в языке имеется более одного показателя рефактива, в том числе иногда с разным морфологическим статусом. Таким образом, случаи, когда при одном предикате оказывается более одного показателя рефактива — оба морфологические/лексические или морфологический и лексический — достаточно многочисленны. Здесь возникают вопросы о типологической распространенности таких комбинаций: с дублированием одного и того же показателя, с использованием двух разных показателей одинакового морфологического статуса и с использованием двух показателей с разным морфологическим статусом. А priori первая стратегия кажется наименее востребованной, а вторая — чуть ли не повсеместной, однако это нуждается в эмпирической проверке.

Во-вторых, рефактивное значение при дублировании показателей теоретически способно допускать (и действительно допускает) все три перечисленных выше типа результирующей интерпретации, в том числе рекурсивную. Таким образом, на данном материале удобно рассматривать вопросы о выборе и конкуренции интерпретаций и об их корреляции с морфологическим статусом показателей (см. выше).

В-третьих, однократное повторение, о котором шла речь выше, — центральное, но не единственное значение более широкой семантической зоны рефактива. Морфологические показатели рефактива наряду с ним часто обслуживают также, например, значения, связанные с возвращением в исходную точку в пространстве (редитив) или в исходное состояние (реститутив). Лексические показатели рефактива, наоборот, часто склонны к очень

¹ В этом случае, впрочем, не всегда понятно, стоит ли говорить об интерпретации с семантическим сдвигом или об избыточной интерпретации, как она трактуется выше.

узой специализации (ср. русское *заново*). Это дает возможность наблюдать круг самых разнообразных случаев: когда совместно употребляются два показателя с узким, но не вполне совпадающим значением, когда многозначный показатель сопровождается более узким, когда совместно употребляются показатели, выражающие два разных значения рефактивной зоны, и т. д.

Наконец, стоит отметить самое, видимо, интересное свойство рефактивного значения, выделяющее его из других деривационных значений, когда речь идет о проблематике дублирования. В обычном случае три перечисленные интерпретации комбинации показателей — рекурсивная, избыточная и интерпретация с семантическим сдвигом — достаточно отчетливо противопоставлены друг другу и в каждом конкретном случае можно с уверенностью сказать, с какой именно из них мы имеем дело. В ситуации с рефактивом это не совсем так. Ниже рассматриваются случаи, для которых граница между рекурсивной и избыточной интерпретацией или рекурсивной и интерпретацией с семантическим сдвигом кажется очень зыбкой.

1.3. Эмпирические данные

В работе использована информация из базы данных по показателям рефактива в языках мира. База была составлена нами для более общего типологического исследования рефактивов, в фокусе которого находились преимущественно морфологические рефактивы. Они составляют значительно более представительную выборку, хотя численно и не превосходят лексические показатели: всего 473 показателя, из них 216 аффиксы. Информация по морфологическим показателям также в среднем более подробная, чем по лексическим. Большинство данных взято из грамматических описаний (а потому не претендует на полноту), по отдельным языкам проводилось дополнительное исследование на основе доступных текстов.

2. Избыточное употребление рефактивов

Ниже рассматривается избыточное употребление рефактивных показателей. Отдельно обсуждаются комбинации разного типа: морфологические/лексические показатели, комбинация морфологического показателя с лексическим; одинаковые/разные показатели. Обсуждается также проблема интерпретации двойного показателя в случае, если исходные показатели имеют существенные различия в значении.

2.1. Комбинация морфологических показателей

2.1.1. Повторяющийся рефактивный аффикс

Случай, когда редуцированный показатель употребляется в том же значении, что и исходный одиночный, оказывается наиболее проблемным с теоретической точки зрения, поскольку прямо противоречит самым общим языковым принципам — принципу экономии и принципу иконичности (в соответствии с которым формальная сложность должна отражать семантическую). Предполагается, что таких случаев не должно быть вовсе или что они должны быть крайне редки; ср. наблюдение в [Caballero, Harris 2012] — преимущественно на материале словоизменения — о том, что такая ситуация если и встречается в языках мира, то непосредственное совпадение языкового материала, как правило, так или иначе избегается — например, используются разные алломорфы одного аффикса.

Данные рефактивных показателей, по крайней мере отчасти, подтверждают эту тенденцию. Случаи избыточного употребления одного и того же морфологического показателя единичны. Самый бесспорный пример такого рода представлен в языке янеша (аравакские, Перу), [Duff-Tripp 1997: 87—88]. В нем рефактивное значение может быть выражено как

единичным показателем *-err-*, так и редуцированным *-err-...-err-*. При этом (и здесь можно усматривать то же стремление избежать прямого копирования материала) в редуцированном варианте одна часть аффикса отделяется от другой показателями лица. Следует также отметить, что редуцированный показатель склонен употребляться в «более эмфатических» (прагматически выделенных) контекстах, чем единичный [Wälchli 2006], — таким образом, возможно, этот случай следует трактовать как промежуточный между избыточной интерпретацией и интерпретацией с семантическим сдвигом (см. раздел 5).

Иногда на синхронном уровне можно говорить лишь о рудиментах подобной ситуации. Например, в языках банту есть пара деривационных суффиксов: *-uC* и его редуцированный вариант *-uCuC* (см. [Dammann 1959; Schadeberg 1982]). Они, как правило, полисемичны, и набор значений, а также степень идиоматизации простого и редуцированного вариантов варьирует от языка к языку. Чаще всего это значения интенсификации и/или мультипликатива, реверсива ('ситуация, обратная исходной') и рефактивное значение. В некоторых языках этот набор так или иначе распределен между редуцированным и простым вариантами суффикса. Так, в кихолу [Daeleman 2003: 34] и чилуба [Kabuta 1998: 130] рефактивное значение выражается только редуцированным вариантом *-ulul*, но не простым показателем *-ul*. А иногда одно и то же значение — в том числе и рефактивное — может выражаться как простым вариантом аффикса, так и редуцированным, ср. пример из квангали, демонстрирующий рефактивное употребление обоих вариантов (*-ur* и *-urur*), в том числе при одном и том же глаголе:

- (4) *vara* 'родиться' — *var-ur-a* / *var-urur-a* 'родиться заново, воскреснуть' [Dammann 1957: 74—75].

В навахо (атабаскские, США) редупликацию рефактивного показателя, причем с чередованием, а не с полным копированием материала, также можно постулировать, скорее, для диахронического, нежели для синхронного уровня. В навахо есть пара префиксов, выражающих два не вполне идентичных значения рефактивной зоны: *ná-* 'обратно' и *náá-* / *nááná-* 'опять'. Для второго из них в [Young 2000: 42—43] выдвигается гипотеза о развитии из редуцированного варианта первого: *ná-* + *ná-* → *náá-*.

Следует упомянуть и случай, когда один и тот же рефактивный показатель в некотором языке может иметь как аффиксальный, так и более автономный статус (например, суффикс *-pa* и наречие *pa* в языке куланго (гур, Кот-д'Ивуар), [Elders 2008], суффикс *-b'ay* и клитика *=b'ay* в хуп (изолят, Бразилия), [Epps 2008]). Иногда два идентичных показателя с разным морфологическим статусом могут выступать и при одном и том же предикате. В [Guillaume 2008: 684—685] такая способность отмечается, например, у частицы *=nuka* и суффикса *-nuka* в языке кавиненья (таканские, Боливия). Подробнее о комбинациях морфологического рефактива и лексического см. ниже раздел 2.2.

2.1.2. Комбинации разных рефактивных аффиксов

Ситуация, когда в языке имеется более одного морфологического показателя рефактива, в принципе не является типологически частотной. Так, в нашей выборке из 219 морфологических показателей рефактива два и (в единичных случаях) более таких показателей встретилось лишь в 25 языках. В трех из них такие показатели могут употребляться совместно, давая избыточную рефактивную интерпретацию.

В языке тепева-веветла (тотонакские, Мексика) [Kung 2007: 294—298] это суффиксы *-choqo* 'обратно, опять' и *-pala* 'еще раз':

- (5) *ʔentons maa pastak-choko-pala-kan-li*
 then RPT think-REF₁-REF₂-INS-PFV
 'Тогда они обдумали это снова'.

В жарвара (араванские, Бразилия) [Dixon, Vogel 2004: 180] совместно употребляются показатели *-ta* 'обратно, в исходное состояние' и *-tasa* 'опять, еще раз':

- (6) *otaa kibe-ma-tasa otaa-ke kanawaa jaa*
 1EXCL.S get.in-REP₁-REP₂.F 1EXCL-DEC.F canoe PERI
 ‘Мы снова сели (обратно) в каное’.

В языке спокан (салишские, США) есть два рефактивных аффикса: префикс *ʔel-* ‘обратно’ и составной префикс *ʔel-ul-* ‘опять’. Второй его компонент, показатель *ul-*, описывается в грамматике [Carlson 1972] как отдельный префикс, но вне сочетания с *ʔel-*, видимо, не употребляется:

- (7) *ʔel-xwíy* ‘Он ушел обратно’ — *ʔelul-əʔilən* ‘Он опять поел’.

Стоит обратить внимание на то, что во всех перечисленных случаях мы имеем дело с комбинацией рефактивных показателей, неидентичных по значению. О результирующем значении подобной комбинации см. ниже в разделе 2.3.

2.2. Морфологический рефактив в сопровождении лексического

В отличие от рассмотренных выше, ситуация, когда результирующее рефактивное значение производит комбинация из рефактивного аффикса и рефактивной лексемы (наречия, частицы), кажется чуть ли не повсеместной, ср. пример на подобное употребление наречия *ka* и суффикса *-tu* в мапуче (арауканские, Чили) [Smeets 2008]:

- (8) *mūchay pun ka nūtram-ka-tu-a-fi-n*
 soon night again conversation-really-REP-NPST-OBJ-IND.1SG
 ‘Вечером я опять с ним поговорю’.

Ниже приводятся две достаточно грубые оценки, позволяющие, тем не менее, в первом приближении представить себе степень распространенности указанной стратегии: межъязыковой, с одной стороны, и внутриязыковой — с другой.

1) Насколько возможность избыточного употребления рефактивного аффикса в сопровождении рефактивной лексемы распространена в языках мира?

Чтобы дать первый приблизительный ответ на этот вопрос, мы просмотрели грамматики 32 языков с морфологическим рефактивом. Выбирались по возможности такие описания, которые содержали значительное количество естественных иллюстративных примеров, в среднем от трех до десяти примеров на употребление рефактивного аффикса².

В 12 из языков выборки (38 %) среди этих примеров встретились такие, в которых морфологический рефактив выступал в сопровождении лексического. Ниже их список:

- (9) кавиненья, колумбийский венатчи, инесеньо, кашинава, кважа, олпотек, тепева-веветла, мосетен, удэгейский, ючи, какинте, яндруванда.

В 20 языках (62 %) таких примеров не встретилось:

- (10) банждаланг, боле, чокто, дуунгидьяву, хди, хидатса, язык хантер-ривер, джалонке, матис, май-али, моно, ндут, не-персе, нутка, пираха, танакросс, валапай, вайана, яланга, варекена.

При такой оценке доля языков, где комбинация морфологического и лексического рефактивов встречается, оказывается заведомо значительно меньше реальной. Однако она достаточно велика для того, чтобы подтвердить интуицию о широком распространении обсуждаемой стратегии.

2) Насколько часто избыточное употребление рефактивного аффикса в сопровождении рефактивной лексемы встречается в отдельно взятом языке, для которого такая стратегия в принципе возможна?

² Ссылки на соответствующие грамматики, краткую информацию о каждом языке и показателе см. в Приложении 1 в монографии [Стойнова 2013].

По этому параметру языки, как кажется, достаточно сильно разнятся. В качестве иллюстрации приведем, тем не менее, данные по одному языку — агульскому (лезгинские, Дагестан), которые представляются показательными с этой точки зрения. В агульском есть очень продуктивный рефактивный префикс *q-* ‘опять, обратно’ (см. о нем подробнее [Maisak, Merdanova 2011]) и рефактивное наречие *ħab* со сходной семантикой. Они могут употребляться, в том числе, и при одном предикате, причем как в контексте однократного повторения (11), так и в контексте возвращения (12):

- (11) *ħab* *q-ag.a-j-e* *mi-s* *ʔemk'*
 опять REP-видеть.IPF-CONV-COP DEM-DAT сон
 ‘Опять видит она сон’;
- (12) *xibuq:a-n=na* *ic'u-d...* *gal.u-as* *qaj.i-na-l-as* *ħab...*
 60-A=И десять-A кутан-(IN)ELAT REP.приходить.PF-CONV-SUPER-ELAT назад
 ‘Семьдесят... с тех пор, как я вернулся с кутана [пастушья стоянка на зимнем пастбище. — Н. С.]...’.

Из таблицы 1 видно, что процент избыточного маркирования (30 примеров) от всех случаев маркирования рефактивного значения в агульском языке невелик; незначительна и доля употреблений двойного рефактива от общего числа употреблений морфологического показателя; при этом среди употреблений рефактивного наречия употребления, сопровождающие морфологический маркер, составляют существенно больший процент.

Таблица 1

Агульский язык: комбинация морфологического и лексического рефактивов *q-* и *ħab*³

	От употреблений <i>q-</i>	От употреблений <i>ħab</i>	От всех употреблений
Доля комбинации <i>q-</i> и <i>ħab</i>	3,53 % (30 из 849)	28,3 % (30 из 106)	3,14 % (30 из 955)

Итак, стратегия двойного маркирования рефактива сразу и лексическими, и морфологическими средствами не только интуитивно представляется, но и действительно оказывается достаточно распространенной. С одной стороны, в этом можно видеть более общую тенденцию и говорить, что рефактив тем самым обнаруживает поведение, характерное в целом для значительной части деривационных значений. Здесь же приведем объяснение более частного, в тех терминах, которые уже были использованы ранее при исследовании рефактивных показателей. Как было сказано выше в разделе 1.2, в статье [Wälchli 2006] было предложено деление рефактивных показателей на «тяжелые», к которым относится большая часть лексических показателей, и «легкие», к которым относится большая часть морфологических. «Тяжелые» рефактивы склонны употребляться в более эмфатических, прагматически выделенных контекстах (т. е. там, где повторение специально подчеркивается говорящим). «Легкие» тяготеют к контекстам неэмфатическим, т. е. таким, где повторение тривиально имеет место: например, они могут регулярно сопровождать предикаты типа *закрывать* <дверь> — поскольку дверь не впервые оказывается в закрытом положении — или *наступать* (о сезоне) — поскольку он наступает с известной периодичностью. Если представить себе правила употребления тяжелых vs. легких рефактивов в виде инструкции говорящему, то в случае тяжелого, лексического рефактива это будет инструкция вроде: «Используй этот показатель, когда хочешь сообщить о повторении». В случае же легкого, морфологического рефактива имеет место инструкция типа: «Используй этот показатель, когда повторение имеет место». Как можно видеть, одна инструкция логически нисколько не противоречит другой. Более того, если бы они обе применялись строго в такой форме, то «идеальный» тяжелый рефактив всегда бы требовал при себе и «идеального» легкого.

³ Поиск в текстовой коллекции, собранной Д. С. Ганенковым, Т. А. Майсаком и С. Р. Мердановой, оба примера взяты оттуда же.

То есть в эмфатическом контексте всегда употреблялся бы и тяжелый рефактив, поскольку о повторении необходимо сообщить, и легкий — поскольку оно тем самым имеет место. Таким образом, если рассуждать в подобных терминах, то оказывается, что в объяснении нуждается, скорее, не избыточное употребление морфологического и лексического показателей рефактива, а возможность одиночного употребления лексического показателя. Ее же, в свою очередь, можно классическим образом объяснять действием общезыкового принципа экономии формальных средств или подобных более частных принципов.

2.3. Значения исходных показателей рефактива и значения их комбинаций

Как упоминалось выше, значение рефактивного показателя, что в целом характерно для «серой зоны» значений, пограничной между лексикой и грамматикой, редко сводится к простому однократному повторению. Как правило, оно осложняется теми или иными семантическими нюансами, по-разному и не полностью композиционно ведет себя в сочетании со значением исходной основы. Таким образом, говоря, что одно и то же рефактивное значение, которое может выражаться одним из рефактивных показателей, в некоторых случаях выражается их комбинацией, мы — иногда слегка, а иногда очень сильно — огрубляем картину. На самом деле два показателя рефактива выражают два схожих, но разных значения, а их комбинация, соответственно, некое третье значение. Будет ли это значение совпадать с одним из исходных — и если да, то есть ли закономерности в том, с каким именно? Будет ли это значение отличаться от обоих исходных — и если да, то каким образом? Будет ли все это зависеть от морфологического статуса исходных показателей? Ниже рассматривается несколько частных случаев разного рода, позволяющих отчасти ответить на эти вопросы.

2.3.1. Редитив / реститутив ('обратно / в исходное состояние') + репетитив ('еще раз')

Яркий случай комбинации рефактивов с близкой, но неидентичной семантикой представляет собой комбинация показателя со значением возвращения в точку в пространстве (редитив) или в исходное состояние (реститутив) и показателя со значением собственно однократного повторения (репетитив). К этому же классу примыкают случаи, когда один из показателей охватывает оба типа значений, а другой — только одно из них или когда один из показателей реализует значение повторения / возвращения регулярно, а другой — только в специальном контексте и т. п. Рассмотрим отдельно разные типы комбинаций с точки зрения морфологического статуса показателей.

а) Редитивный аффикс + репетитивная лексема. Этот случай можно проиллюстрировать, например, данными удэгейского языка (тунгусо-маньчжурские, Приморский край). В удэгейском есть рефактивный суффикс *-gi*. Он имеет ряд значений, связанных с возвращением: 'вернуться в точку в пространстве', 'вернуться в исходное состояние', 'сделать в ответ'. В грамматике [Nikolaeva, Tolskaya 2001: 317] среди его значений указано и значение однократного повторения. Однако в текстах (сборник устных текстов [Nikolaeva et al. 2003]) обнаруживается всего два употребления, которые можно бесспорно отнести к репетитивным (из 231 употребления), и в обоих суффикс выступает не изолированно, а в сопровождении наречия 'опять', см.:

- (13) *ge* *ña* *bi:-mie* *xai* *ge:nzi* *e:-gi:-li*
INTJ again be-INF again pregnant become-REP-3SG

'Через некоторое время она опять забеременела' [Nikolaeva et al. 2003: text 17].

б) Редитивный аффикс + репетитивный аффикс. Подобную комбинацию в той или иной степени демонстрируют рассмотренные выше (раздел 2.1.2) показатели в языках жаравара, тепева-веветла и спокан. Один из аффиксов имеет (преимущественно или исключительно)

редитивное употребление, другой (преимущественно или исключительно) репетитивное. Комбинация аффиксов дает репетитивную, а не редитивную интерпретацию. При этом редитивный аффикс линейно располагается ближе к исходной основе, чем репетитивный.

Зафиксирована и ситуация, когда комбинация показателей с исходным редитивным значением дает результирующую репетитивную интерпретацию, это также упоминавшиеся выше случаи навахо и янеша. В навахо, как уже было сказано, репетитивный показатель диахронически (предположительно) восходит к комбинации редитивных. В янеша, по свидетельству [Wälchli 2006: 71—72] (анализ употреблений в тексте Библии), одиночный показатель *-err* употребляется преимущественно в редитивных и реститутивных контекстах, двойной *-err-err* — преимущественно в репетитивных.

в) Репетитивная лексема и редитивная лексема. Любопытный случай комбинации лексических рефактивов с репетитивным и редитивным значением демонстрирует океанийский язык наканаи (Папуа Новая Гвинея). В описании [Johnston 1980: 46—47] отмечено, что репетитивное значение может выражаться одиночной частицей *lou* ‘опять’ или же ее комбинацией с редитивной частицей *rivu* ‘обратно’. Это вписывается в намеченную выше тенденцию. Интереснее, что двойной vs. одиночный рефактив распределены в зависимости от контролируемости предиката: двойной — при контролируемом предикате, одиночный — при неконтролируемом.

г) Репетитивный аффикс + редитивная лексема (?). Случая, когда чисто репетитивный аффикс сочетался бы с чисто редитивной лексемой, давая ту или иную «избыточную» интерпретацию, нам не встретилось. Хотя рассмотренные данные достаточно фрагментарны, это, тем не менее, кажется отнюдь не случайным фактом (ср. линейный порядок морфем). Наблюдения а—г суммируются в таблице 2:

Таблица 2

Комбинация показателей репетитива и редитива
с разным морфологическим статусом

Показатель редитива	Показатель репетитива	Порядок показателей	Встречаются ли вместе	Интерпретация комбинации
аффикс	аффикс	REP(RED(V))	да	репетитивная
лексема	лексема			
аффикс	лексема			
лексема	аффикс	RED(REP(V))	?	?

Таким образом, в комбинации из редитивного (редитивного + реститутивного) и репетитивного показателей редитивный показатель оказывается позиционно «внутренним» (ближним к корню из двух морфологических показателей, морфологическим в комбинации морфологического и лексического), а репетитивный — «внешним». Результирующее же значение оказывается репетитивным, а не редитивным.

Можно связать эти эмпирические наблюдения с данными по семантической эволюции рефактивных показателей. Наиболее типичен сценарий, при котором редитивное значение является для такого показателя исходным, а репетитивное развивается на более поздних этапах грамматикализации (см. [Rosemeyer 2014]). Закономерным образом, редитивное значение более конкретно и совместно с меньшим объемом лексики (только с глаголами движения), репетитивное же — более абстрактно и универсально. Более общие соображения см. также ниже в разделе 2.4.

2.3.2. Реститутив + редитив

В фокусе нашего внимания находятся показатели, имеющие значение однократного повторения (репетитивное) в качестве единственного или хотя бы одного из нескольких значений. Тем не менее рассмотрим кратко также комбинации показателей с **редитивным**

(возвращение в точку в пространстве) и **реститутивным** (возвращение в состояние) значением, поскольку они, на первый взгляд, ведут себя не совсем так, как описанные выше комбинации редитива и репетитива.

Очевидный пример такой комбинации (в данном случае лексических) показателей — английское сочетание *back again*. Оно может иметь рекурсивную интерпретацию ('вернуться повторно'), но может — и избыточную, как в примере ниже:

- (14) *Then she changed her desk into a pig and back again.*
'Затем она превратила стол в свинью и обратно' [J. K. Rowling. *Harry Potter and the philosopher's stone*; пер. М. Спивак].

Для наречия *back* допустима единственная редитивная интерпретация ('обратно'), для *again* (как и для русск. *снова*, нем. *wieder*) — две, а именно репетитивная ('еще раз') и при глаголах изменения состояния реститутивная ('в исходное состояние'); см. дискуссию об этой неоднозначности и разные варианты ее анализа в работах [Kamp, Rossdeutscher 1994; von Stechow 1996; Jäger, Blutner 2000; Fabricius-Hansen 2001; Beck 2005] и др. Естественнее всего считать, что в сочетании *back again* наречие *again* выступает в своей реститутивной, а не репетитивной ипостаси. Следуя той же логике, что и для описанных выше комбинаций редитива с репетитивом, от сочетания *back again* мы могли бы ожидать реститутивной интерпретации: реститутив (как и репетитив) — значение более абстрактное, чем редитив, и может развиваться из редитивного, но не наоборот. Однако на самом деле мы обнаруживаем примеры, как можно судить по русским переводам, с обеими интерпретациями — реститутивной (15) и редитивной (16):

- (15) *Ma settled back again and turned her face to Granma, and her face was still set and hard.*
'Снова опустившись на землю, мать посмотрела на бабу, и лицо у нее было напряженное, суровое' [John Steinbeck. *The grapes of wrath*; пер. Н. Волжина].
- (16) *The lieutenant drew out a cigarette-case, hesitated and put it back again.*
'Лейтенант вынул из кармана портсигар, повертел его в руках и сунул обратно' [Graham Greene. *The power and the glory*; пер. Н. Волжина].

Причем интерпретации в первом приближении кажутся примерно равно частотными: в параллельном корпусе Национального корпуса русского языка [НКРЯ] для 50 случайных употреблений *back again* в 21 случае при переводе использованы наречия *обратно*, *назад* или глагол *вернуться*, в 17 — наречия *снова* или *опять* (в 12 — переведено иным способом).

Здесь естественнее всего, наверное, говорить не о том, что побеждает та или иная из интерпретаций, а о том, что обе оказываются востребованы, хотя одна из них, возможно, более акцентирована в зависимости от контекста (на что указывает русский перевод). Так, например, в ситуации *сунуть обратно*, с одной стороны, имеет место возвращение в пространственную точку (= *сунуть в прежнее место*), с другой — в исходное состояние (= *вынуть, а потом снова сунуть*). Тем не менее, это все же не рекурсивная интерпретация, при которой значения применяются последовательно, а, скорее, особый вариант избыточной (см. о нем также ниже, п. 2.3.3).

Обратим при этом внимание на то, что порядок компонентов двойного показателя оказывается, в отличие от интерпретации, фиксированным и ожидаемым (см. раздел 2.3.1): *back again* (редитив — реститутив), а не **again back*.

2.3.3. Комбинации лексических рефактивов в русском языке: нейтральный репетитив + более сложное значение, близкое к репетитивному

Похожая ситуация наблюдается в русском языке для (также лексических) показателей с нейтральным **репетитивным** значением и **более узким** (семантически более сложным) значением на основе репетитива. В русском языке возможна комбинация разных

рефактивных наречий — *снова*, *опять*, *заново*, *сызнова*⁴, а также застывшего сочетания *еще раз* — друг с другом. Подобные сочетания окказиональны (и часто стилистически небрежны), но возможны: в частности, единичные употребления такого рода можно встретить в НКРЯ. В таблице 3 приводятся корпусные данные по совместной встречаемости русских рефактивных наречий.

Таблица 3

**Возможные комбинации рефактивных наречий
(Основной корпус НКРЯ)⁵**

	<i>еще раз</i>	<i>опять</i>	<i>снова</i>	<i>заново</i>	<i>сызнова</i>
<i>еще раз</i>		2	2	1	—
<i>опять</i>	1		13	3	10
<i>снова</i>	—	7		1	—
<i>заново</i>	—	—	—		—
<i>сызнова</i>	—	—	—	—	

Русские рефактивные наречия можно разделить на три типа: 1) одни выражают нейтральное репетитивное значение (*опять*, *еще раз*); 2) другие — некоторое более сложное значение (*заново* ‘по-другому’ (более подробное толкование см. в разделе 2.3.5), *сызнова* ‘еще раз с самого начала’); 3) наконец, наречие *снова* может иметь нейтральную репетитивную интерпретацию и (хотя это употребление кажется устаревшим) более сложную, схожую с интерпретацией наречия *сызнова*.

Проанализированные корпусные примеры немногочисленны, однако же позволяют сделать некоторые основные выводы о возможности совместного употребления наречий.

Пара нейтральных репетитивных наречий дает только избыточную интерпретацию — соответственно, с тем же репетитивным значением. Наречия могут следовать в разном порядке; примеры (17)–(22) из НКРЯ:

- (17) *И даже теперь, идя один в полутьме весеннего вечера, он **опять еще раз** покраснел от стыда за этот прошлый стыд* [А. И. Куприн. Поединок (1905)];
- (18) *Но нам приходилось его читать на уроках истории в школе, на первом курсе в институте, мы можем, если надо, прочитать его **еще раз снова*** [Е. Рубин. Пан или пропал. Жизнеописание (1999–2000)];
- (19) *Там Ёрку ранило от ручной гранаты, **опять** госпиталь и **ещё раз опять** тиф — эта зараза по всем перекидывалась* [А. И. Солженицын. На краях (1994–1995)].

Сочетание нейтрального репетитивного наречия с семантически более сложным теоретически может давать как избыточную, так и рекурсивную интерпретацию, однако де факто в НКРЯ встретились только примеры на избыточную. Результирующее значение оказывается не нейтральным репетитивным:

- (20) *Теперь понимаешь, какая работа **опять сызнова** переключивать весь сруб!* [В. А. Слепцов. Трудное время (1865)] — ‘с самого начала’.

Иногда в том же значении встречается комбинация *опять снова*:

- (21) *И, между прочим, на твоей мамы денежки! **Опять снова*** [= ‘по новой, с самого начала’. — Н. С.] *начинается! Замолчи!* [Л. Петрушевская. Город Света (2003)];

⁴ Здесь не упомянуто наречие *вновь*, поскольку комбинаций с ним в НКРЯ не встретилось.

⁵ Поиск: контактная позиция, без знаков препинания. В таблице: столбцы — первое наречие, строки — второе наречие.

- (22) *Мы говорим об этих вещах для того, чтобы **еще раз заново** осветить все положение, которое существовало раньше и существует теперь в других странах* [М. М. Зошенко. Возвращенная молодость (1933)] — ‘по-другому’.

Иконичным оказывается линейный порядок показателей: ^{ок}репетитив + другое, *другое + репетитив. То есть семантически более сложный показатель оказывается позиционно «внешним»⁶.

Что до семантической интерпретации, то тут, как и в предыдущем случае (раздел 2.3.2), можно говорить, что оба показателя вносят в нее свой семантический вклад: *опять / еще раз* дают значение повторения, а *сызнова / заново* вносят дополнительные нюансы. Собственно значения повторения в данном контексте они, видимо, не реализуют вовсе, хотя в одиночном употреблении вполне могут его иметь⁷.

2.3.4. Репетитив + аддитив (‘еще, другой, также’)

Возможны и другие комбинации показателей с разными значениями рефактивной зоны. Пример (23) из языка кважа (изолят, Бразилия) [van der Voort 2004: 462] иллюстрирует употребление репетитивного суффикса *-je'ʔe* в контексте лексемы *bony-* со значением ‘еще, дополнительно’. То же значение оказывается и результирующим. Без дополнительной лексической поддержки суффикс *-je'ʔe*, как кажется, аддитивного значения иметь не может.

- (23) *bony-* 'hũ txu'xũi ja-*je'ʔe*-da-mũ
еще-НОМ small eat-РЕП-1s-VOL

‘Я собираюсь съесть еще немного (букв.: Я собираюсь опять поесть еще)’.

Этот случай в целом укладывается в картину, намеченную выше для показателей с реди- / репетитивным значением. Во-первых, здесь результирующее значение, как и выше, совпадает со значением морфосинтаксически «внешнего», а не «внутреннего» показателя (лексемы, а не суффикса). Во-вторых, аддитивное употребление кажется семантически вторичным и с типологической точки зрения может являться диахронически производным от репетитивного, но не наоборот, см. [Стойнова 2013: 69—80]. Также можно интерпретировать двойной рефактив в кважа в терминах «легких» / «тяжелых» показателей. Легкий аффиксальный показатель «автоматически» употребляется в аддитивном контексте не потому, что имеет место факт собственно повторения, о котором говорящему требуется сообщить, а потому, что значение повторения как бы логически встроено в более сложную аддитивную семантику. Тогда этот случай можно расценивать как схожий с описанными в предыдущих двух разделах: двойной рефактивный показатель одновременно реализует оба значения исходных одиночных.

2.3.5. Два рефактивных показателя с узким специфическим значением

Остановимся более подробно на случае, когда оба рефактивных показателя, способных выступать совместно, имеют не одно из четко определимых нейтральных значений рефактивной зоны (которые описывались выше), а более узкие значения — близкие, но не идентичные.

⁶ Диахронически при этом нельзя сказать, что семантически более сложное значение производно от нейтрального репетитивного (типологически или в конкретном случае). Так, для *снова* очевидно как раз обратное движение: ‘сначала’ → ‘повторно’.

⁷ Это напоминает описанную в [Лютюкова 2002: 114—116] ситуацию для составных рефлексивов. Сложный показатель рефлексива может состоять из рефлексива и интенсификатора (как русск. *сам себя*) или представлять собой двойной рефлексив. Однако последнее возможно только в случае, если одиночный показатель рефлексива в свою очередь способен выступать как интенсификатор. Поэтому в составе двойного рефлексива один из показателей рефлексива предлагается считать реализующим значение интенсификатора, а не рефлексива.

Можно ожидать, что в этом случае при комбинации показателей будет происходить сложная взаимная семантическая аккомодация, которая отразится либо на результирующей интерпретации комбинации показателей, либо как минимум на ее сочетаемостных свойствах.

Этот случай — требующий более детального анализа материала — проиллюстрируем примером из русского языка. В русском языке семантически достаточно близки оказываются префикс *пере-* и наречие *заново*. Оба могут выражать значение повторения, в обоих случаях (по крайней мере для части употреблений) оно осложнено идеей модификации исходного результата. Оба показателя могут употребляться при одном предикате, никогда не давая при этом (в отличие от сочетаний *опять пере-*, *снова пере-*, о которых см. в разделе 3) рекурсивной интерпретации. Результирующее значение близко к значению обоих одиночных показателей, но как минимум нельзя сказать, что во всех употреблениях комбинация показателей может быть свободно заменена на любой из двух одиночных показателей. Ср. пример из НКРЯ, иллюстрирующий неполную взаимозаменяемость *заново пере-* и одиночного *заново*:

- (24) Установив для себя, что мне надо учиться понимать общественные явления, я тогда еще не знал, что мне предстояло **заново открывать** или по крайней мере **заново переоткрывать** сами методы понимания [А. Зиновьев. Русская судьба, исповедь отщепенца (1988—1998)] — здесь, видимо, *заново открывать* ‘открывать, достигая этим какого-то нового результата’ vs. *заново переоткрывать* ‘открывать, полностью повторяя достижения предшественников’.

Для префикса *пере-* в его рефактивной разновидности (см., например, [Flier 1984]) в качестве основного постулируется обычно «реконструктивное» значение — значение однократного повторения, при котором повторная ситуация направлена на то, чтобы изменить и/или исправить, улучшить результат исходной (*перепаковать* ‘упаковать по-другому’, *перемыть* ‘помыть еще раз (плохо вымытое)’). Реже встречаются употребления, для которых компонент изменения результата ослаблен или отсутствует (*перечитать* ‘прочитать еще раз’). Также у *пере-* есть два семантически близких к реконструктивному употреблению: транслокативное (*перевесить с одной стены на другую* → тем самым ‘повесить вторично’) и трансформативное (*перешить шинель в пальто* → тем самым ‘сшить вторично’, см. о связи таких употреблений с рефактивными [Стойнова 2013: 49—62]). При этом оба употребления формально отчетливо противопоставлены реконструктивному, в частности меняют аргументную структуру исходного глагола.

Семантика наречия *заново* несколько более разнообразна. Ниже его употребления перечислены по [Киселева, Пайар 1998] (с сохранением формата толкований, принятого в источнике, но в сильно сокращенном виде): семантически максимально близкие к употреблением *пере-* выделены полужирным; противоречащие семантике, выражаемой *пере-*, подчеркнуты.

- 1.1) ...результатом повторной ситуации является **достижение качественно нового положения вещей** и одновременно **преодоление предыдущего положения вещей как неудовлетворительного**: (*заново осознать себя, заново построить всю жизнь*)
- 1.2) полное повторение:
 - при других обстоятельствах, с другой целью и т. п. (*если бы сейчас пришлось поступать, я бы заново все повторила*)
 - с другим субъектом, который не знает о предшествующей ситуации (*заново избреть велосипед*)
- 1.3) «как будто и не было»:
 - результат устарел (*пришлось заново все документы оформлять*)
 - результат аннулирован вмешательством непредвиденных обстоятельств (*за войну читать разучился, придется заново учиться ≠ переучиваться*)
- 2.1) «чистый лист», отказ от старого положения дел, переход к качественно новому (*заново родиться*)

2.2) «дубль»

- **переделка** (*поэму пришлось писать заново*)
- **воссоздание**: (*сожалел об утрате: сцена, писанная заново... ≠ переписанная*)
- **новое вместо старого** (*Спартак формировался заново ≠ переформировывался*)

Как видно из приведенного списка значений, ключевое различие в семантике *пере-* и *заново* заключается в следующем: для *пере-* важно, что к началу повторной ситуации должен иметь место результат исходной, который и будет подвергаться модификации; для *заново* же возможен — а в некоторых контекстах даже предпочтителен — аннулированный результат.

Таким образом, вполне естественно, что примерно сходное значение *пере-* и *заново* порождают при тех глаголах, которые в силу своей семантики не предполагают отмены прежнего результата для достижения нового (такие как *переписать, переосмыслить*). И, как видно из таблицы 4, именно эти глаголы оказываются наиболее частотными в контексте комбинации *заново пере-*. Можно сказать, что в этом случае все три показателя — оба одних и двойной — семантически приблизительно эквивалентны.

Таблица 4

Заново + пере-: лексический состав (Основной корпус НКРЯ)

Глагол	N примеров
переписать <книгу>	14
пересмотреть <взгляды и под.>	10
перечитать (перечесать)	9
переделать <книгу, проект и под.>	6
переосмыслить	5
переучить(ся), перестроить <здание>	3
передумать, перекроить, перераспределить, перестроить <план>	2
перешить, перешлифовать, переварить (электросварка), переварить <суп>, переголо- совать, передвинуть, перезнакомиться, переиграть <проект>, перекодировать, перекра- сить, переложить <печь>, переложить <покрытие>, переоборудовать, переопределить, переориентироваться, переоткрыть (заново совершить открытие), переоценить, пере- печатать, перепроверить, переработать, пересдать, пересказать, переслужать, пере- считать, перетянуть <струны>, переустановить	1

Те же глаголы, при которых для достижения нового результата может быть необходима физическая ликвидация прежнего (в частности, глаголы созидания, такие как *строить, шить, рисовать*), дают разную интерпретацию в сочетании с *заново* и с *пере-*, а в сочетании с комбинацией *заново пере-* порождают новую интерпретацию, отличную от интерпретации как минимум одного из исходных показателей. В таблице 5 представлены численные данные по случаям (не)взаимозаменяемости показателей. Двойной показатель взаимозаменяем хотя бы с одним из исходных примерно в половине случаев, большую часть из них составляют случаи, когда он синонимичен *пере-*, но не *заново*. Ниже каждый из случаев рассматривается отдельно.

Таблица 5

Заново пере-: взаимозаменяемость с одиночным заново и одиночным пере-⁸

заново пере- взаимозаменяем с:	0) ^{ок} пере-, ^{ок} заново	1) ^{ок} пере-, [?] заново	2) [?] пере-, ^{ок} заново	3) [?] пере-, [?] заново	Всего примеров
Примеров в НКРЯ	51,2 % (43)	38,1 % (32)	9,5 % (8)	1,2 % (1)	100 % (84)

⁸ Заключение о (не)взаимозаменяемости делались автором работы, опроса носителей не проводилось.

1) *Заново пере-* = *пере-*, ≠ *заново*

Случаи взаимозаменяемости двойного показателя с *пере-*, но не *заново* (38 % от всех употреблений в НКРЯ) распадаются на два типа: а) случаи, когда невзаимозаменяемость с *заново* обусловлена семантически, б) случаи, когда она возникает по формальным причинам.

а) Класс семантически обусловленных случаев связан с указанной выше семантической разницей между *пере-* и *заново*, касающейся требования отмены результата. В случае, когда семантика основы допускает интерпретацию с отменой и без отмены результата, комбинация *заново пере-* ведет себя как одиночный *пере-*, то есть имеет интерпретацию без отмены результата. В качестве иллюстрации можно привести глагол *перестроить* в двух его значениях. В метафорическом значении (*строить план, ход рассуждений* и т. п.), при котором ситуация не имеет материального результата, отмена которого требуется для повторения, глагол *строить* примерно в одном и том же значении допускает как любой из одиночных показателей, так и их комбинацию (25). В исходном же значении физического действия (предполагающем заметный материальный результат) глагол *строить* дает значение 'строить новое, модифицируя имеющееся старое' с префиксом *пере-* и то же значение для комбинации *заново пере-*, для *заново* же, скорее, актуальна интерпретация 'строить новое на месте разрушенного старого / разрушив старое' (26).

(25) *Мне же стало ясно одно: надо заново перестроить* ^{ок}заново построить, ^{ок}перестроить *весь ход моих исследований и основательно заняться физикой, химией и биологией* [А. Л. Чижевский. Вся жизнь (1959—1961), НКРЯ].

(26) *Заново перестроить* ^ззаново построить, ^{ок}перестроить *и расширить обветшалую больницу в Б. Сундыре* [Н. А. Мельников. 19 лет на земской службе (1898—1916), НКРЯ] — ср. *заново построить снесенную больницу*.

Интересно также, что сочетание *заново пере-* может употребляться в трансформативных контекстах ('изменить X на Y путем ситуации S'), характерных для *пере-*, но отнюдь не для *заново*, и не относящихся даже собственно к рефактивным:

(27) *Так что, воспользовавшись плодами научно-технической революции, можно было заново переориентироваться на наиболее перспективные отрасли...* [В. Овчинников. Ветка сакуры (1971), НКРЯ].

б) Формально обусловленные случаи. Сочетание *заново пере-* может употребляться в контекстах, возможных для одиночного *пере-*, но не *заново*, таких, что *пере-* меняет исходную аргументную структуру глагола (на что одиночное наречие *заново* не способно)⁹.

(28) *Зампред профильного комитета по госстроительству Александр Салий (КПРФ) убедил палату заново переголосовать всех троих* [«Известия» (2003), НКРЯ] — **(про)голосовать всех троих*.

То же самое наблюдается, когда собственно синтаксическая структура исходного глагола и глагола на *пере-* идентична, но лексическое наполнение не совпадает:

(29) *Дмитриев заново перестроил интерьер кабинета Забелина и внес еще некоторые незначительные поправки* [С. Пилявская. Грустная книга (2000), НКРЯ] — **(по)строить интерьер кабинета*.

2) *Заново пере-* ≠ *пере-*, = *заново*

В отличие от предыдущего, этот случай крайне маргинален, и тут не наблюдается абсолютных запретов. В некоторых контекстах, как кажется, двойное маркирование используется для разрешения многозначности — когда у одиночного *пере-* имеется сильно идиоматизированное употребление из рефактивной зоны (30) или очень частотное нерефактивное (31), а говорящему необходимо выразить именно простое реконструктивное значение.

⁹ Таковы и некоторые из упоминавшихся выше трансформативных контекстов.

- (30) *Для того чтобы именоваться в России инженером, имея заграничный диплом о техническом высшем образовании (как, впрочем, и о всяком другом), надо было заново передавать все экзамены при одном из русских вузов* [В. М. Глинка. Из неопубликованного (1976—1982), НКРЯ] — *одиночное передавать* подразумевает передачу с целью улучшить оценку.
- (31) *Когда все уходили, он заново переваривал (= заново варил) остатки, выжимая для себя какие-то крохи второй свежести: «вторяк» кайфа практически не давал, но ломку снять на время мог* [М. Гиголашвили. Чертовое колесо (2007), НКРЯ] — ср. идиом. *переваривать пищу*

3) Заново пере- ≠ пере-, ≠ заново (?)

Совсем очевидных контекстов, в которых комбинация *заново пере-* не была хотя бы примерно синонимична с одним из одиночных показателей, нам не встретилось. Ср., тем не менее, пример ниже, в котором *заново пересказали* читается как ‘рассказали по-другому’, тогда как *заново рассказали* — скорее, как ‘повторно рассказали (возможно, забытое)’, а одиночное *пересказали* в нейтральном контексте — как ‘рассказали, изменив какие-то формальные характеристики’ (например, ‘рассказали письменный текст устно’ или ‘рассказали чужой рассказ’).

- (32) *Хотя, если честно, мы просто заново пересказали сюжет знаменитой пьесы, что до нас уже не раз случалось в истории мирового театра* [М. Захаров. Суперпрофессия (1988—2000), НКРЯ] — ‘рассказали по-другому’.

Подытоживая вышеизложенное, можно сказать, что наиболее характерно употребление сочетания *заново пере-* для тех контекстов, которые входят в пересечение круга употреблений *пере-* и круга употреблений *заново*. При этом в большей степени сочетание морфологического *пере-* и лексического *заново* все-таки наследует как семантику, так и синтаксис морфологического, а не лексического рефактива, что не вполне тривиально в свете данных, представленных в предыдущих разделах. Случаи, когда одиночное *пере-* менее предпочтительно, чем *заново пере-*, немногочисленны и связаны в основном с «разрешением омонимии». Случаев, когда *заново пере-* приобретало бы семантику, заметно отличную от семантики одиночного *пере-* (и одиночного *заново*), не отмечено.

2.4. Избыточное употребление рефактивов: обобщение и анализ

Данные по избыточному употреблению рефактивов можно обобщить следующим образом. Комбинация морфологических показателей рефактива с избыточной интерпретацией — явление, скорее, редкое, хотя и встречающееся в языках мира. Сочетание двух формально идентичных аффиксов представлено единичными примерами, и это те случаи, в которых речь идет о той или иной степени лексикализации показателя. Употребление морфологического показателя совместно с лексическим, наоборот, очень и очень распространено.

Часто показатели рефактива, выступающие в комбинации, не полностью синонимичны. Каково будет результирующее значение двойного показателя при несовпадении семантики исходных одиночных, показано в сводной таблице 6. Тот показатель, значение которого выбирается в качестве значения двойного показателя, оказывается обычно линейно «внешним».

Таблица 6

Интерпретация комбинации квазисинонимичных рефактивов

Показатель 1	Показатель 2	Двойной показатель
редитив (+реститутив)	репетитив	репетитив
репетитив	аддитив	аддитив
репетитив	более узкий репетитив	более узкий репетитив
реститутив	редитив	реститутив-редитив
узкое значение 1	узкое значение 2	узкое значение 1 ∩ узкое значение 2

Какие более общие тенденции стоят за этими эмпирическими наблюдениями?

- 1) Из двух значений, про которые известно, что одно склонно появляться у рефактивных показателей на более позднем этапе диахронического развития, а другое — на более раннем, в качестве значения двойного показателя выбирается то, которое появляется на более позднем: пары «редитив — репетитив», «репетитив — аддитив».
- 2) Из двух значений, одно из которых семантически проще, а другое семантически сложнее, выбирается семантически более сложное: пара «репетитив — “узкий” репетитив»¹⁰.
- 3) Если показатели с достаточно специализированным значением имеют некоторое количество общих контекстов (но не все), то двойной показатель будет употребляться именно в них, ср. пример русских *пере-* и *заново*.
- 4) Если контекст таков, что предполагает реализацию обоих значений, двойной показатель может реализовывать оба одновременно: пара «редитив — реститутив»; таким же образом можно интерпретировать пары «репетитив — узкий репетитив», «репетитив — аддитив», а также совместное употребление морфологического и лексического показателей, которые различаются не столько значением, сколько степенью эмфазы, прагматической значимости.

Тенденции 1—4 складываются в более интересную картину, если попробовать посмотреть на двойные показатели рефактива с диахронической точки зрения¹¹. Один из механизмов возникновения плеоназма в разных фрагментах морфосинтаксической системы часто объясняет в терминах «усиления» (*reinforcement*) более старого показателя — который обычно движется в сторону лексикализации и утраты морфологической автономности — новым. В дальнейшем возможно полное вытеснение старого показателя новым или полное его сращение с основой, в зависимости от исходного морфологического статуса; ср. [Anderson 2005; Harris 2015] об этом и альтернативных путях возникновения *multiple exponence* в морфологии. В статье [Kulikov 2009: 451—452] этот механизм описывается для падежной системы. Другой случай, пожалуй, самый известный и многократно обсуждавшийся, — плеонастические показатели отрицания (как франц. *ne... pas*), так называемый цикл Есперсена (см. [Jespersen 1917; van der Auwera 2009; Larrivé, Ingham 2011] и др.). В области глагольной деривации похожая ситуация описывается в [Kulikov 1999] для морфологических каузативов в тюркских языках. Когда в языке есть несколько каузативов, один более старый и более лексикализованный, уже подвергшийся семантической эрозии, а другой — более новый и продуктивный, к глаголу со «старым» каузативом может добавляться новый, не давая при этом никаких семантических приращений, а служа лишь «морфологической поддержкой» первому каузативу. Такие комбинации называются в [Kulikov 1999] сескви-каузативами (т. е. «полуторными») каузативами, в противопоставление «двойным»). Мы не располагаем бесспорными аналогичными примерами для морфологических рефактивов, однако можно предположить, что некоторые из комбинаций рефактивных аффиксов возникают как такие же «сескви-рефактивы».

В той же работе описываются случаи, когда двойной и одиночный каузативные аффиксы описывают разные типы каузативного значения (ср. наши примеры на рефактив). Например, одиночный каузатив выражает контактную каузацию (*покормить* {с ложки}),

¹⁰ Это, впрочем, достаточно проблемная формулировка, поскольку она апеллирует к очень зыбкому понятию семантической сложности. Если определить его так, что толкование более простого значения входит в толкование более сложного, то к случаю редитива vs. репетитива оно применимо с трудом (непонятно, какое из значений «проще») или же вовсе ему противоречит (можно попытаться истолковать значение возвращения через значение повторения). В этом смысле более удобной представляется формулировка 4 ниже.

¹¹ Мы благодарим анонимного рецензента статьи за замечание о необходимости введения в описание диахронической перспективы, а также за ряд ценных наблюдений на эту тему и конкретных библиографических указаний.

а двойной — дистантную (*заставить поест*). Встречаются и менее регулярные семантические оппозиции, для которых приводится следующая общая формулировка: двойной каузатив отсылает к более стандартному типу каузации, а одиночный описывает более естественные, типичные случаи каузации (и часто выражает более идиоматизированное значение) [Kulikov 1999: 54]. Некоторые из приведенных случаев рефактивных комбинаций полностью укладываются в эту формулировку (например, «одиночный редитив — двойной репетитив»), другие — не вполне (например, «одиночный репетитив — двойной — более узкая разновидность репетитива»).

Итак, соотнесем все сказанное выше с нашими данными по рефактивным показателям. Все их, как кажется, нельзя безоговорочно свести к механизму «усиления», однако частично они в него, безусловно, укладываются. В подобных терминах вполне можно описывать комбинации двух полностью синонимичных показателей, в том числе и «легкого» морфологического с «тяжелым» лексическим. Также в этом ракурсе получает естественное объяснение тот факт, что двойной рефактив, образованный из квазисинонимичных рефактивов, получает значение морфологически более свободного из двух исходных показателей.

Сложнее ситуация в паре «редитив — репетитив». С одной стороны, редитивное значение более прихотливо с точки зрения сочетаемости, более склонно к лексикализации, а для группы глаголов, с которыми оно в принципе сочетается, наиболее естественно, дефолтно. Репетитивное же значение более регулярно, семантически прозрачно и не имеет принципиальных сочетаемостных ограничений. С другой стороны, репетитивное значение возникает у рефактивных показателей на более поздних стадиях эволюции, и от старого показателя мы, казалось бы, могли бы ожидать как раз репетитивного значения, а от нового — редитивного. Это противоречие, однако, снимается, если иметь в виду, что мы имеем дело со словообразованием. Ситуация, когда диахронически исходное — более конкретное и лексически избирательное — значение словообразовательного показателя оказывается как раз самым стабильным, закрепляясь при отдельных лексемах, как раз вполне типична.

При этом часть наших примеров — это комбинации не двух морфологических показателей, а морфологического и лексического. В этом случае речь вообще может не идти о «старом» и «новом» показателях, об их конкуренции и о — хотя бы и потенциальном — вытеснении одного другим, как в цикле Есперсена. Здесь «усиление» морфологического показателя лексическим может свидетельствовать не о постепенном отмирании первого, а, наоборот, о его дальнейшем семантическом развитии и экспансии на более широкий круг лексем. Вероятный сценарий в этом случае таков: морфологический показатель употребляется в редитивном контексте → морфологический показатель употребляется одиночно в редитивном контексте и при поддержке лексического в репетитивном → морфологический показатель употребляется одиночно в редитивном и репетитивном контекстах.

Прочие случаи комбинации семантически нетождественных морфологического показателя с лексическим или двух лексических имеют под собой, кажется, несколько иной механизм. Их, наверное, удобнее всего описывать как реализующие оба значения исходных одиночных показателей одновременно в подходящем для этого контексте (тенденция 4). Если это так, то никаких специальных диахронических предпосылок для такого употребления не требуется, оно кажется относительно стабильным и само также не должно вести к дальнейшим изменениям в системе.

3. «Рекурсивное» употребление рефактивов

Сочетание двух, а возможно, и более, одинаковых или разных рефактивных показателей может порождать интерпретацию, при которой оператор повторности действительно применяется дважды (будем называть такое употребление **рекурсивным**). Двойное применение оператора повторности логически вполне представимо. Однако прагматических оснований употреблять такой «двойной» рефактив меньше, чем, например, аналогичный двойной каузатив («заставить кого-то заставить кого-то сделать что-то»), поскольку семантическое

приращение, добавляемое вторым показателем рефактива, не очень велико и не очень отчетливо. А priori даже не вполне очевидно, о каком количестве итераций в этом случае идет речь и почему *опять* [*опять сделать*] = *сделать три раза* или *четыре*?

Рассмотрим пример (33) из русского языка с рекурсивной интерпретацией (окказионального, но возможного) сочетания *пере-пере-*:

- (33) Сразу же после прочтения (S0), появилось желание пере-читать (S1) с начала до конца, а затем пере-пере-читать (S2) с конца до начала и растащить на цитаты [http://www.livelib.ru/review/31943].

Здесь глагол *переперечитать* задает ситуацию, осуществляемую в общей сложности трижды (а не четырежды, как можно было бы предположить).

Показатели рефактива удобно рассматривать в терминах пресуппозиции / ассерции (см. выше раздел 1.2). Пример (33) в этих терминах трактуется следующим образом:

S0 — прочтение романа

ассерция: ‘прочитать роман’

S1 — {появилось желание} перечитать роман (пере- [S0])

ассерция: прочитать роман

пресуппозиция: ранее роман уже был прочитан (S0)

S2 — переперечитать роман (пере- [S1])

ассерция: прочитать роман

пресуппозиция: ранее роман уже был прочитан (после того как был прочитан) (S1)

Таким образом, *переперечитать* отличается от *перечитать* только пресуппозитивным компонентом. В ассерции каждый раз оказывается только одна ситуация — самая последняя, а все более ранние — в пресуппозиции. Поэтому количество введенных в рассмотрение ситуаций при прибавлении еще одного рефактивного показателя не перемножается, а увеличивается на одну.

Пресуппозиция одиночного рефактива содержит информацию о том, что аналогичная ситуация совершалась уже как минимум единожды (но, заметим, не информацию об одной конкретной аналогичной ситуации). Пресуппозиция двойного рефактива — информацию о как минимум двух предшествующих аналогичных ситуациях. В этом единственное семантическое различие, которое оказывается, таким образом, небольшим. Специально указывать, что повторение совершается после еще одного повторения, когда можно указать просто на факт повторения (не оговаривая, сколько раз ситуация была совершена до этого), — достаточно специфическая и редкая коммуникативная цель.

Тем не менее, комбинации рефактивных показателей с рекурсивной интерпретацией встречаются — это могут быть морфологические и лексические показатели, идентичные и разные. Ниже проиллюстрированы разные типы комбинаций.

1А) Комбинация морфологических рефактивов: одинаковые аффиксы.

Последовательность одинаковых аффиксов с рекурсивной интерпретацией показана выше на примере русского *перепере-*. Заметим, что рефактивная *пере-*, как кажется, единственная из русских приставок, которая допускает дублирование. В статье [Татевосов 2009] из теоретических предпосылок выводится аналогичная потенциальная способность для *под-под-* (‘немного [немного V]’) и *до-до-* (‘закончить [заканчивать V]’), однако в реальности подобные примеры кажутся куда более маргинальными, чем для *перепере-*. Для *пере-* рекурсивное употребление облегчается его исходной семантикой, у большинства употреблений более сложной, чем однократное повторение в чистом виде¹². Это так называемое реконструктивное значение, предполагающее не только повторение, но и исправление / улучшение результата предыдущей ситуации: случай, когда ситуация требует

¹² Выше намеренно приведен пример с глаголом *читать* (33), иллюстрирующий значение простого повторения, на самом деле маргинальное для *пере-*.

«повторного повторения» в силу того, что желаемый результат так и не был достигнут даже со второго раза, кажется прагматически более естественным, чем случай простого «повторного повторения». Но и в этом случае примеры на двойное вхождение очень редки. Так, в НКРЯ на комбинацию *перепере-* находится всего один пример:

- (34) *Теперь осталась пере-пере-делка в Союзнисе, и мой гардероб полностью будет обновлен (останутся лишь удручающие рубища и шубы)* [А. Болдырев. Осадная запись (блокадный дневник) (1941—1948)].

Для показателей без подобных семантических нюансов двойное вхождение с рекурсивной интерпретацией также возможно, но, как правило, это окказиональные употребления, часто осознаваемые как языковая игра. Таков, пример (35) из французского языка, где двойное употребление префикса *re-* окказионально возможно в конструкции *re-V (et) re-re-V*, но вряд ли за ее пределами:

- (35) *Lire, re-lire, re-re-lire! Les bébés aiment la répétition.*
‘Читать, перечитывать, переперечитывать! Малыши любят повторение’ [http://activitesbebes.com].

1Б) Комбинация морфологических рефактивов: разные аффиксы.

Рекурсивное употребление двух разных морфологических рефактивов можно проиллюстрировать примером из языка нун (атлантические, Сенегал) [Soukka 2000: 171—172]:

- (36) *hay* ‘прийти’ — *hay-is* ‘прийти обратно’ — *hay-sis* (<*is-is*) / *hay-aat-is* ‘опять прийти обратно’ — *hay-sis-is* / *hay-s-aat-is* ‘прийти обратно в третий (и более) раз’.

Как видно из примера (36), в нун возможна и комбинация из одинаковых показателей *-is*, и комбинация из двух показателей *-is* и *-aat*, каждый из которых сам по себе используется в рефактивной функции. При этом в грамматике [Soukka 2000] комбинация из двух разных аффиксов трактуется как результат «автоматической» замены одного из показателей *-is*.

2) Комбинация лексических рефактивов.

Ровно та же картина, что для морфологических показателей, наблюдается и для лексических. Не останавливаясь на них в деталях, приведем пример из языка сонгай (диалект кой-раборо сенни, нило-сахарские, Мали) [Heath 1999: 340], где с рекурсивной интерпретацией дважды используется рефактивная синтаксическая конструкция с глаголом ‘возвращаться’:

- (37)

<i>ay</i>	<i>yee</i>	<i>ka</i>	<i>yee</i>	<i>ka</i>	<i>i</i>	<i>dir-andi</i>
1SG.S	return	INF	return	INF	3PL.OBJ	travel-CAUS

‘Я заставил их идти в третий раз’ (букв. ‘Я вернулся вернуться заставить их путешествовать’).

3) Комбинация морфологического и лексического рефактивов.

Комбинация морфологического и лексического показателей с рекурсивной интерпретацией обсуждается на примере русского языка (сочетаний *опять/снова/заново пере-*) ниже, в разделе 4.2, где ставится вопрос о конкуренции между рекурсивной и избыточной интерпретациями.

4. Рекурсивная и избыточная интерпретация: промежуточные случаи и конкуренция

4.1. Граница между рекурсивной и избыточной интерпретацией

Граница между избыточной и рекурсивной интерпретацией двойного рефактива не всегда отчетлива. Насколько эти интерпретации близки, показывает, например, случай, представленный в языке уарина (изолят, Перу). В грамматике [Olawsky 2006: 174—175] упоминаются два рефактивных наречия — *kwajteĩ* и *nakwaaineeĩ* (оба представляют собой застывшие формы глагола ‘повторять’), которые могут употребляться как одиночно, так и совместно, в любом порядке:

- (38) *kwajteŋ nakwaaneet ku-a*
 again again go-3
 ‘он опять пошел (на охоту)’

Разница между одиночным и двойным показателем описывается в грамматике следующим образом: одиночный показатель употребляется, если ранее ситуация имела место единожды, а двойной — если более одного раза. Возникает вопрос, интерпретировать ли значение ‘опять (после того, как ситуация имело место несколько раз)’ как результат последовательного применения двух операторов повторности (и тогда видеть здесь рекурсивное употребление двойного рефактива) или как особую разновидность рефактивного (и тогда трактовать употребление двойного рефактива как избыточное).

В пользу последней возможности говорит тот факт, что похожее значение (‘сделать, как всегда, как обычно’, «нереферентный» рефактив, см. [Стойнова 2013: 62—68]) встречается и у одиночных показателей рефактива, ср. пример из нанайского языка (тунгусо-маньчжурские, Хабаровский край):

- (39) *čemana mii pokto-i ele-go-j-du-ja-wa pokto xoldon-do-a-ni*
 завтра 1SG дорога-REFL.SG стоять-REP-PC.NPST-DAT-1SG-OBL дорога сторона-DAT-OBL-3SG
ao-ra min-či xukču-xəri
 спать-CONV.NSIM 1SG-DIR напасть-IMP
 ‘Завтра, когда я (как обычно) буду стоять на тропе, ляг рядом с тропой и напади на меня!’
 [Аврорин 1986: текст 38.165].

Отметим еще раз, что отсутствие четкой границы между рекурсивным и избыточным прочтением вытекает из семантики рефактива и не является свойством любого двойного показателя. Можно, однако, предположить, что эта семантическая особенность создает определенные предпосылки для того, чтобы стратегия двойного маркирования была типологически востребована для данного значения (очень похожую ситуацию можно наблюдать на материале диминутивов).

4.2. Конкуренция между рекурсивной и избыточной интерпретацией

В некоторых случаях для одной и той же комбинации рефактивных показателей оказывается доступна как рекурсивная, так и избыточная интерпретация. Возникает вопрос, чем это обусловлено, и шире: от чего в принципе может зависеть выбор интерпретации двойного рефактива (в том числе и если он однозначен).

В монографии [Стойнова 2013: 223—226] некоторые самые общие предположения на этот счет делаются на материале сочетаний русского префикса *пере-* с одним из лексических рефактивов (*еще раз, опять, снова, заново* и др.). Здесь перечислим их кратко.

1. Степень семантической близости рефактивных показателей. Естественно предположить, что выбор избыточной интерпретации тем более вероятен, чем ближе друг к другу исходные значения рефактивного аффикса и рефактивного наречия. Только такую интерпретацию допускают предложения с наречием *заново*, которое, как и приставка *пере-*, содержит семантический компонент изменения результата исходной ситуации (об этом сочетании подробно выше). Нейтральные же репетитивные *опять* и *снова* допускают обе интерпретации или только рекурсивную, ср.:

- (40) — *Перепиши заново эту строчку, Мышка! И старайся быть внимательной!* [В. Осеева. Динка (1959), НКРЯ] = ‘повторно напиши’ / ‘повторно [повторно напиши]’;
 (41) *Минфин опять переписывает правила налогового контроля за ценами* [Интернет] = ‘повторно [повторно пишет]’.

2. Степень идиоматизации аффиксального показателя рефактива при соответствующем глаголе. Форсировать рекурсивную интерпретацию может значительная степень

идиоматизации одного из показателей (морфологического) при данном глаголе. Сравним глаголы *переписать* (*переписывать*) и *перечитать* (*перечитывать*). Менее композиционный *переписать* дает в контексте наречий *снова* и *опять* рекурсивную интерпретацию ‘повторно [переписать]’. Более прозрачный *перечитать* свободно допускает обе интерпретации, примеры на оба глагола см. выше.

- (42) *Отпустив его, Аратов перечел письмо, бросил его на пол... Но погода немного поднял и опять перечел...* [И. С. Тургенев. Клара Милич (1882), НКРЯ] — ‘повторно [повторно прочитал]’.
- (43) *Прочитала всё и вернулась ещё раз сюда, чтобы опять перечитать* [Интернет] — ‘повторно прочитал’.

3. Линейная / синтаксическая / коммуникативная позиция рефактивных показателей. Выбор той или иной из интерпретаций может зависеть от линейной позиции рефактивных показателей и, соответственно, стоящей за этим синтаксической и/или коммуникативной позиции. Так, в русском языке гораздо легче допускается избыточная интерпретация в случае, когда рефактивное наречие занимает не характерную позицию перед глаголом, а финальную и является носителем фразового акцента, ср.:

- (44) *Но я решила написать тебе, во что бы то ни стало и без всяких черновиков — слишком сильно то, что я испытала сегодня ночью! Переписывать снова я не смогу — меня не хватает* [С. Осипов. Страсти по Фоме (1998), НКРЯ].

5. Употребление рефактива с семантическим сдвигом («иконичное»)

Комбинация рефактивов может производить ожидаемый иконичный семантический сдвиг (см. выше раздел 1.1), давая значение **многократного повторения**, возможно с дополнительным эмфатическим компонентом. Такой сдвиг можно проиллюстрировать сочетаниями *опять и опять, снова и снова, вновь и вновь* из русского языка или аналогичным *again and again* из английского¹³:

- (45) *Мне снова и снова (≈ постоянно) вспоминается папа, больничная койка, последний разговор* [Сати Спивакова. Не всё (2002), НКРЯ].

Интересный случай, связанный с многократным значением двойного рефактива, представлен в языке гуниянди (бунаба, Австралия) [McGregor 1990: 464]. В гуниянди есть рефактивная клитика *=nyali* и рефактивное наречие *ngambiddi*. Клитика, присоединяясь не к глаголу, а к самому этому наречию, производит застывшее выражение с хабитуальным значением *ngambiddi=nyali* ‘каждый день’.

Близкое к итеративному **интенсивное** значение двойного рефактива можно проиллюстрировать идиоматизированным употреблением из языка киваи (Папуа Новая Гвинея, трансновогвинейские) [Ray 1931]: рефактивный показатель *mina* в редулицированном варианте выражает в сочетании с глаголом ‘говорить’ — *minamina arogo* — значение ‘настаивать’.

Важно отметить, что в приведенных выше примерах двойной рефактив выражает значение многократности (и/или интенсивности) не в дополнение к исходному значению одиночного показателя (как мы видели в примере на двойной пассив в разделе 1.1 или как это может происходить с двойным каузативом по свидетельству [Kulikov 1993]), а сам по себе. И не вполне очевидно, откуда это значение берется — из иконизма редуликации (как в случае с пассивом и каузативом) или из рефактивного значения. Можно считать, что такие употребления на самом деле реализуют своеобразный идиоматизированный вариант

¹³ Строго говоря, в обоих случаях речь идет о сочинении лексических показателей, а не о простом повторе.

рекурсивного значения двойного рефактива: ‘еще раз’+‘еще раз’= ‘много раз’. Интересно, кстати, что нами не обнаружено еще одного из логически возможных «иконических» значений двойного показателя — дистрибутивного (зафиксированного, например, в тех же каузативах [Kulikov 1993]). Это аргумент в пользу того, что в случае рефактива мы имеем дело не с простым иконичным употреблением, а с многократным применением оператора однократного повторения (который не даст дистрибутивного значения с той же легкостью, что и итеративное).

6. Заключение

Итак, в работе — на типологическом материале и более детально по отдельным темам на примере русского языка — были рассмотрены двойные рефактивные показатели (показатели однократного повторения) в более общей перспективе дублирования деривационных показателей. Для двойных рефактивов оказываются возможны все три логически возможные интерпретации:

- рекурсивная (когда значение применяется дважды);
- избыточная (multiple exponence в широком смысле: когда значение двойного показателя тождественно или близко к значению одиночного);
- интерпретация с (иконичным) семантическим сдвигом.

Особенностью рефактива с этой точки зрения является подвижность границ между этими тремя интерпретациями: между рекурсивной и избыточной (‘повторить повторно’ или ‘повторить неоднократно происходившее’?); между иконичной и рекурсивной (‘совершить многократно’ — иконизм редупликации или повторное применение значения ‘опять’?).

Что же касается общих свойств двойных показателей, которые можно наблюдать на примере рефактива, следует повторить несколько важных замечаний. Избыточность применительно к двойным деривационным показателям — это не избыточность в строгом смысле: значение двойного показателя сложным образом складывается из (обычно близких, но не идентичных) значений исходных одиночных.

В этом процессе наблюдаются следующие закономерности. На материале рефактивов можно выделить два основных случая.

- 1) Интерпретация одного из одиночных показателей в составе двойного «побеждает». И тогда это показатель с, как правило, более абстрактным значением и значением, возникающим на более поздних стадиях грамматикализации (ср. редитив + репетитив).
- 2) Результирующая интерпретация двойного показателя одновременно отражает семантические особенности обоих одиночных (ср. редитив + реститутив, репетитив + осложненный репетитив, ?репетитив + аддитив).
- 3) На материале рефактивов не была нами в явном виде обнаружена, но в принципе кажется возможной и ситуация, когда двойной показатель дает значение соответствующей семантической зоны, заметно отличное от значений обоих одиночных.

С точки зрения позиции одиночных показателей в составе двойного внешним (занимающим позицию дальше от корня/от глагола/с более автономным морфологическим статусом) в случае 1 оказывается одиночный показатель, чье значение копирует двойной. В случае 2 это может быть тот из одиночных показателей, который семантически более сложен (в частности, его значение может полностью включать в себя значение второго из одиночных показателей).

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

1, 2, 3 — 1-е, 2-е, 3-е лицо	IMP — императив	PERI — участник с периферийной ролью
A — показатель субстантивации	IN — локализация 'внутри'	PF — перфект
C — согласный сегмент	IND — индикатив	PFV — перфектив
CAUS — каузатив	INF — инфинитив	PL — множественное число
CONV — дееспричастие	INS — инструменталис	RED — редитив
COP — бытийная связка	INTJ — междометие	REFI — рефлексив
DAT — датив	IPF — имперфектив	REP — рефактив
DEC — декларатив	NOM — номинатив	RPT — репортатив
DEM — указательное местоимение	NPST — непрочешшее время	SG — единственное число
DIR — директив	NSIM — неодновременность	SUPER — локализация 'на поверхности'
ELAT — элатив	OBJ — объект	S — ситуация
EXCL — эксклюзив	OBL — косвенный падеж	V — глагол
F — женский род	PASS — пассив	VOL — волитив
	PC — причастие	

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ / REFERENCES

- Авдорин 1986 — Авдорин В. А. Материалы по нанайскому языку и фольклору. Л.: Наука, 1986. [Avdorin V. A. *Materialy po nanaiskomu yazyku i fol'kloru* [Materials on the Nanai language and folklore]. Leningrad: Nauka, 1986.]
- Киселева, Пайар 1998 — Киселева К. Л., Пайар Д. (ред.). Дискурсивные слова русского языка: опыт контекстно-семантического описания. М.: Мета-текст, 1998. [Kiseleva K. L., Paillard D. (eds). *Diskursivnye slova russkogo yazyka: opyt kontekstno-semanticheskogo opisaniya* [Discourse words in Russian: An essay on contextual semantic description]. Moscow: Meta-tekst, 1998.]
- Летучий 2009 — Летучий А. Б. Двойной реципрок в русском языке: значение и употребление // Киселева К. Л., Плунгян В. А., Рахилина Е. В., Татевосов С. Г. (ред.) Корпусные исследования по русской грамматике. М.: Пробел-2000, 2009. С. 335—361. [Letuchij A. B. Double reciprocals in Russian: Meaning and usage. *Korpusnye issledovaniya po russkoi grammatike*. Kiseleva K. L., Plungian V. A., Rakhilina E. V., Tatevosov S. G. (eds.). Moscow: Probel-2000, 2009. Pp. 335—361.]
- Лютикова 2002 — Лютикова Е. А. Когнитивная типология: рефлексивы и интенсификаторы. М.: ИМЛИ РАН, 2002. [Lyutikova E. A. *Kognitivnaya tipologiya: refleksivy i intensifikatory* [Cognitive typology: Reflexives and intensifiers]. Moscow: Institute of World Literature, Russian Academy of Sciences, 2002.]
- Недялков 1987 — Недялков В. П. Начинательность и средства ее выражения в языках различных типов // Бондарко А. В. (ред.). Теория функциональной грамматики: Введение. Аспектуальность. Временная локализованность. Таксис. Л.: Наука, 1987. С. 180—195. [Nedyalkov V. P. Inchoative meaning and the means of its expression in languages of different types. *Teoriya funktsional'noi grammatiki: Vvedenie. Aspektual'nost'. Vremennaya lokalizovannost'. Taksis*. Bondarko A V. (ed.). Leningrad: Nauka, 1987. Pp. 180—195.]
- НКРЯ — Национальный корпус русского языка // <http://www.ruscorpora.ru>. [Natsional'nyi korpus russkogo yazyka [Russian National Corpus]. Available at: <http://www.ruscorpora.ru>.]
- Рахилина 2014 — Рахилина Е. В. Грамматика ошибок: в поисках констант // Даниэль М. А., Лютикова Е. А., Плунгян В. А., Татевосов С. Г., Фёдорова О. В. (ред.) Язык. Константы. Переменные. Сборник памяти А. Е. Кибрика. СПб.: Алетея, 2014. С. 87—95. [Rakhilina E. V. Grammar of mistakes: In search of constants. *Yazyk. Konstanty. Peremennye. Sbornik pamyati A. E. Kibrika*. Daniel' M. A., Lyutikova E. A., Plungian V. A., Tatevosov S. G., Fedorova O. V. (eds.). St. Petersburg: Aleteiya, 2014. Pp. 87—95.]
- Рожанский 2011 — Рожанский Ф. И. Редупликация. Опыт типологического исследования. М.: Знак, 2011. [Rozhanskii F. I. *Reduplikatsiya. Opyt tipologicheskogo issledovaniya* [Reduplication. A typological study]. Moscow: Znak, 2011.]
- Русакова 2013 — Русакова М. В. Русские диминутивы: морфологический, синтаксический, лексический анализ // Русакова М. В. Элементы антропоцентрической грамматики русского языка. М.: Языки славянской культуры, 2013. С. 354—370. [Rusakova M. V. Russian diminutives: Morphological,

- syntactic, lexical analysis. Rusakova M. V. *Elementy antropotsentricheskoj grammatiki russkogo yazyka*. Moscow: Yazyki Slavyanskoi Kul'tury, 2013. Pp. 354—370.]
- Стойнова 2013 — Стойнова Н. М. Показатели рефактива. М.: АСТ-Пресс Книга, 2013. [Stoynova N. M. *Pokazateli refaktiva* ['Again'-markers]. Moscow: AST-Press Kniga, 2013.]
- Татевосов 2009 — Татевосов С. Г. Множественная префиксация и анатомия русского глагола // Киселева К. Л., Плунгян В. А., Рахилина Е. В., Татевосов С. Г. (ред.). Корпусные исследования по русской грамматике. М.: Пробел-2000, 2009. С. 92—156. [Tatevosov S. G. Multiple prefixation and the anatomy of the Russian verb. *Korpusnye issledovaniya po russkoi grammatike*. Kiseleva K. L., Plungian V. A., Rakhilina E. V., Tatevosov S. G. (eds.). Moscow: Probel-2000, 2009. Pp. 92—156.]
- Anderson 2005 — Anderson S. R. Morphological universals and diachrony. *Morphology and Linguistic Typology. On-line Proceedings of the Fourth Mediterranean Morphology Meeting, Catania, 21—23 September 2003*. Booij G., Guevara E., Ralli A., Sgroi S., Scalise S. et al. (eds.). Bologna: Università degli Studi di Bologna, 2005. Pp. 45—58.
- van der Auwera 2009 — van der Auwera J. The Jespersen cycles. *Cyclical change*. Van Gelderen E. (ed.). Amsterdam: John Benjamins, 2009. Pp. 35—71.
- Beck 2005 — Beck S. There and back again: A semantic analysis. *Journal of Semantics*. 2005. Vol. 22. Issue 1. Pp. 3—51.
- Caballero, Harris 2012 — Caballero G., Harris A. A working typology of multiple exponence. *Current Issues in Morphological Theory*. Kiefer F., Ladányi M., Siptár P. (eds.). Amsterdam: John Benjamins, 2012. Pp. 163—188.
- Carlson 1972 — Carlson B. F. *A grammar in Spokane: A Salish language of eastern Washington*. Ann Arbor: UMI, 1972.
- Daeleman 2003 — Daeleman J. *Notes grammaticales et lexique du Kiholu*. München: Lincom, 2003.
- Dammann 1957 — Dammann E. *Studien zum Kwangali: Grammatik, Texte, Glossar*. Hamburg: De Gruyter, 1957.
- Dammann 1959 — Dammann E. Inversiva und Repetitiva in Bantusprachen. *Afrika und Übersee*. 1959. Vol. 43. Ss. 116—127.
- Dixon, Vogel 2004 — Dixon R. M. W., Vogel A. R. *The Jarawara language of Southern Amazonia*. Oxford: Oxford Univ. Press, 2004.
- Duff-Tripp 1997 — Duff-Tripp M. *Gramática del idioma yanesha' (amuesha)*. Lima: Inst. Lingüístico de Verano, 1997.
- Elders 2008 — Elders S. *Grammaire kulango (parler de Bouna, Côte d'Ivoire)*. Köln: Köppe, 2008.
- Epps 2008 — Epps P. *Grammar of Hup*. Berlin: Mouton de Gruyter, 2008.
- Fabricius-Hansen 2001 — Fabricius-Hansen C. Wi(e)der and again(st). *Audiatur Vox Sapientiae. A Festschrift for Arnim von Stechow*. Fery C., Sternefeld W. (eds.). Berlin: Mouton de Gruyter, 2001. Pp. 101—130.
- Flier 1984 — Flier M. S. Syntactic constraints on the Russian prefix *pere-*. *Issues in Russian Morphosyntax*. (UCLA Slavic Studies. Vol. 10.) Flier M. S., Brecht R. D. (eds.). Columbus, Ohio: Slavica, 1984.
- Guillaume 2008 — Guillaume A. *A grammar of Cavineña*. Berlin: Mouton de Gruyter, 2008.
- Harris 2015 — Harris A. *Multiple exponence in historical perspective: Typology and explanation*. Talk presented at the 22nd International conference on historical linguistics. Naples, 27—31 July 2015.
- Heath 1999 — Heath J. *A grammar of Koyraboro (Koroboro) Senni: The Songhay of Gao, Mali*. Köln: Köppe, 1999.
- Jäger, Blutner 2000 — Jäger G., Blutner R. Against lexical decomposition in syntax. *Israeli Association for theoretical linguistics proceedings*. Vol. 15. Wyner A. Z. (ed.) Haifa: Haifa University, 2000. Pp. 113—137.
- Jespersen 1917 — Jespersen O. *Negation in English and other languages*. (Konelige Danske Videnskabernes Selskab. Historisk-filologiske Meddelelser I, 5.) Copenhagen: Høst, 1917.
- Johnston 1980 — Johnston R. L. *Nakanai of New Britain: the grammar of an Oceanic language*. Canberra: Dept. of Linguistics, Research School of Pacific Studies, Australian Natl. Univ., 1980.
- Kabuta 1998 — Kabuta N. S. *Het Cilubà werkwoord: Morphologie*. Gent: RECALL, 1998.
- Kamp, Rossdeutscher 1994 — Kamp H., Rossdeutscher A. DRS-construction and lexically driven inference. *Theoretical linguistics*. 1994. Vol. 20. No. 2/3. Pp. 165—236.
- Kemmer 1993 — Kemmer S. *The middle voice*. Amsterdam: John Benjamins, 1993.
- Kulikov 1993 — Kulikov L. The «second causative»: A typological sketch. *Causatives and Transitivity*. Comrie B., Polinsky M. (eds.). Amsterdam: John Benjamins, 1993. Pp. 121—153.
- Kulikov 1999 — Kulikov L. Remarks on double causatives in Tuvan and other Turkic languages. *Journal de la Société Finno-Ougrienne*. 1999. Vol. 88. Pp. 49—58.

- Kulikov 2009 — Kulikov L. Evolution of case systems. *The Oxford Handbook of Case*. Malchukov A., Spencer A. (eds.). Oxford: Oxford Univ. Press, 2009. Pp. 439—457.
- Kung 2007 — Kung S. S. *A descriptive grammar of Huehuetla Tepehua*. Ann Arbor: UMI, 2007.
- Larrivée, Ingham 2011 — Larrivée P., Ingham R. (eds.). *The evolution of negation*. Berlin: Mouton de Gruyter, 2011.
- Lyutikova, Bonch-Osmolovskaya 2006 — Lyutikova E., Bonch-Osmolovskaya A. A very active passive. *Case, Valency and Transitivity*. Kulikov L., Malchukov A., de Swart P. (eds.). Amsterdam: John Benjamins, 2006.
- Maisak, Merdanova 2011 — Maisak T., Merdanova S. *Repetitive prefix in Agul and its areal/genetic background*. Talk delivered at conference on Caucasian languages, 2011. Mai 13—15, Leipzig, 2011.
- Matthews 1974 — Matthews P. H. *Morphology*. Cambridge: Cambridge Univ. Press, 1974.
- McGregor 1990 — McGregor W. B. *A functional grammar of Gooniyandi*. Amsterdam: John Benjamins, 1990.
- Nikolaeva et al. 2003 — Nikolaeva I., Perekhvalskaya E., Tolskaya M. *Udeghe texts*. Osaka: ELPR, 2003.
- Nikolaeva, Tolskaya 2001 — Nikolaeva I., Tolskaya M. *A grammar of Udihe*. Berlin: Mouton de Gruyter, 2001.
- Olawsky 2006 — Olawsky K. J. *A grammar of Urarina*. Berlin: Mouton de Gruyter, 2006.
- Ray 1931 — Ray S. H. *A grammar of the Kiwai language, Fly Delta, Papua: With a Kiwai vocabulary*. Port Moresby: Baker, 1931.
- Rosemeyer 2014 — Rosemeyer M. *The development of iterative verbal periphrases in Romance*. Talk delivered at 47th Annual meeting of the Societas Linguistica Europaea. Poznań, 2014.
- Schadeberg 1982 — Schadeberg Th. C. Les suffixes verbaux séparatifs en Bantou. *Sprache und Geschichte in Afrika*. 1982. Vol. 4. Ss. 55—66.
- Smeets 2008 — Smeets I. *A grammar of Mapuche*. Berlin: Mouton de Gruyter, 2008.
- von Stechow 1996 — von Stechow A. The different readings of *wieder* 'again': A structural account. *Journal of Semantics*. 1996. Vol. 13. Pp. 87—138.
- Stolz et al. 2011 — Stolz T., Stroh C., Urdze A. *Total reduplication: The areal linguistics of a potential universal*. (Studia tipologica, 8.) Berlin: Mouton de Gruyter, 2011.
- Soukka 2000 — Soukka M. *A descriptive grammar of Noon: A Cangin language of Senegal*. München: Lincom, 2000.
- Tovena, Donazzan 2008 — Tovena L. M., Donazzan M. On ways of repeating. *Recherches linguistiques de Venciennes*. 2008. Vol. 37. Pp. 85—112.
- van der Voort 2004 — van der Voort H. *A Grammar of Kwaza*. Berlin: Mouton de Gruyter, 2004.
- Wälchli 2006 — Wälchli B. Typology of light and heavy 'again', or The eternal return of the same. *Studies in Language*. 2006. Vol. 30. No. 1. Pp. 69—113.
- Xu, Aronoff 2011 — Xu Zh., Aronoff M. A Realization Optimality Theoretic approach to blocking and extended morphological exponence. *Journal of Linguistics*. 2011. Vol. 47. Pp. 673—707.
- Young 2000 — Young R. W. *The Navajo verb system: An overview*. Albuquerque: Univ. of New Mexico Press, 2000.

Статья поступила в редакцию 19.06.2015.

ОТ ПРАСЛАВЯНСКОГО ЯЗЫКА К СТАРОСЛАВЯНСКОМУ: О ПЕРФЕКТИВНОМ ИМПЕРФЕКТЕ*

© 2016 г. Олег Феофанович Жолобов

Казанский (Приволжский) федеральный университет, Казань, 420008, Российская Федерация
ozolobov@mail.ru

В статье рассматривается функционирование перфективного имперфекта и масштабы его использования. Перфективный имперфект употреблялся прежде всего в повествовании о хабитуальных ситуациях, когда произошедшие события принимали ритуализированный характер или шли заведенным порядком. Он обозначал главным образом кратко-законченные действия в прошлом, хотя не исключался и дистрибутивный компонент его семантики. Приводятся доказательства далеко не единичного использования перфективного имперфекта в старославянском языке. Эти факты позволяют по-новому взглянуть на эволюцию перфективного имперфекта, поскольку считалось, что он не имел праславянского происхождения. Появление перфективного имперфекта обусловлено развитием категории вида у презентных основ, с которыми имперфект коррелировал, в праславянском языке.

Ключевые слова: глагольный вид, древнерусский язык, кратность, памятники письменности, перфективный имперфект, праславянская реконструкция, старославянский язык

FROM PROTO-SLAVIC TO OLD CHURCH SLAVONIC: ON PERFECTIVE IMPERFECT

Oleg F. Zholobov

Kazan Federal University, Kazan, 420008, Russian Federation
ozolobov@mail.ru

The article deals with the functioning of Perfective Imperfect and the dimensions of its usage. Perfective Imperfect was mainly used in habitual situations, when the events acquired a ritualized character or had an established order. It denoted mainly a multiplicity of completed actions in the past, though the distributive component of its semantics was completely not excluded. The paper presents some evidence of quite a widespread usage of Perfective Imperfect in Old Church Slavonic. These facts help us to have a fresh look at the evolution of Perfective Imperfect, as it has been considered before that Perfective Imperfect didn't have a Proto-Slavic origin. The appearance of Perfective Imperfect is determined by the development of aspect as a category in the Present tense stems, with which the Imperfect correlated, in Proto-Slavic.

Keywords: ancient manuscripts, Old Church Slavonic, Old Russian, Perfective Imperfect, Proto-Slavic reconstruction, multiplicity, verbal aspect

Мы конечно привыкли к обыкновенному значению имперфекта, но едва ли оно всегда было в той же исключительности присуще ему. Если имперфект всегда выражал только то, что теперь соединяется с формами его, то становится трудно понятным, как могли образовать имперфект глаголы совершенного вида? [Ягич 1883: 458].

1. В последнее время имперфект в древнерусских источниках разного происхождения привлекает особое внимание исследователей в связи с двумя типами образований — так

* Исследование проведено при поддержке РГНФ (проект № 15-04-00283).

называемым аугментным имперфектом и перфективным имперфектом; см. [Тимберлейк 1997; Макеева, Пичхадзе 2004: 23; Живов 2006: 200—224; Зализняк 2008: 94—106; Жолобов 2010; 2014: 134—135; Крысько 2011: 827—829; Страхова 2011; Мишина 2012; 2015; Шевелева 2015; Stoll 2000]¹. Оба типа имперфектных образований зачастую характеризуются как яркие восточнославянизмы или восточнославянские регионализмы, однако вопрос об их происхождении и диалектной принадлежности остается предметом научной дискуссии. Еще жива в памяти острая полемика О. Б. Страховой [2008: 219—225] и А. А. Гиппиуса [2009: 255—257], ставшая вехой в изучении имперфектной проблематики. В новейший интернет-сборник, посвященный юбилею А. А. Зализняка, свою лепту в полемические заметки по теме перфективного имперфекта внесли Е. А. Мишина [2015] и М. Н. Шевелева [2015]². Интересны приведенные П. В. Петрухиным [2003: 5—10] доказательства нарративной самодостаточности имперфекта, хотя они не имеют прямого отношения к отмеченным направлениям исследований.

После известной работы Ю. С. Маслова принято считать, что перфективный имперфект (или имперфект совершенного вида) в старославянском языке не представлял сколько-нибудь значимого самостоятельного явления, а следовательно, таким же было положение в праславянском языке; см. [Маслов 1954]³. В настоящей статье будут приведены факты, которые позволяют существенным образом скорректировать данные выводы. Речь пойдет о генезисе перфективного имперфекта, масштабах его распространения и функционировании в старославянском языке и древнерусско-церковнославянских памятниках, тесно связанных со старославянской традицией⁴. В работе использованы материалы наиболее обширной электронной библиотеки древнеславянской письменности, располагающей модулями онлайн-указателей и поиска, — портала <http://manuscripts.ru>.

2. Если аорист у славян является индоевропейским архаизмом, то имперфект, напротив, представляет собой инновацию. Вместе с тем его возникновением управлял, по-видимому, тот же механизм, что и развитием вторичного претерита — имперфекта — в индоевропейском праязыке. Предполагается, что в индоевропейском праязыке двучленная оппозиция презенса и первичного претерита, известного позднее как аорист, была преобразована в трехчленное противопоставление после образования претерита от основы презенса: **bhúge-ti* ‘бежит’ vs. **(é)-bhugé-t* ‘бежал’ > **bhúge-ti* : **(é)-bhúge-t* : **(é)-bhugé-t*; см. [Семереньи 1980: 322—323; Poldauf 1956: 160]. Источником развития вторичного претерита стал перенос значения текущего действия презенса в прошедшее время, что нашло непосредственное отражение в формальном плане преобразований, указанных выше.

Образование нового славянского имперфекта диктовалось, по-видимому, сходными причинами и было обусловлено растворением невыразительных форм старого имперфекта в аористных образованиях. Так, имперфектное происхождение, по-видимому, имеет архаичный аорист *бѣ* < **bhuē-t* [Фасмер, I: 141]. К индоевропейскому имперфекту возводят древнеславянские формы простого аориста 1 л. ед. ч. *могъ*, *падъ* и т. п., 2—3 л. ед. ч. *ведѣ*, *несѣ* и т. п., 3 л. мн. *могъ*, *обрѣтъ* и т. п. [Мейе 2000: 199—203]. Более того, с индоевропейским имперфектом, как указывает Мейе, могут быть связаны и аористы 2—3 л. ед. ч. типа *пѣтъ*, *хвали*, судя по их ударению в сербском, противопоставленному ударению в суффиксальных формах

¹ Мы признательны Т. И. Афанасьевой, А. А. Гиппиусу, А. А. Пичхадзе, М. Н. Шевелевой за указание на ряд работ по данной проблематике.

² Е. А. Мишина оспаривает оценку юбиларом отрицательных конструкций с перфективным имперфектом, а М. Н. Шевелева убедительно доказывает, отталкиваясь от новгородского Жития Андрея Юродивого, что новгородской письменности такой тип форм также был свойствен.

³ «Как установил Ю. С. Маслов, старославянские памятники существенно отличаются в данном отношении от ранних древнерусских: имперфект совершенного вида встречается здесь очень редко. Так, в Маринском евангелии таких форм просто нет...» [Зализняк 2008: 98].

⁴ Понятно, что старославянская традиция далеко выходит за рамки собственно старославянского языка.

аориста и родственному ударению в презенсе. Поскольку, однако, претеритальное значение в индоевропейском, кроме того, выражалось препозиционным аугментом, а у славян аугмент был утрачен, точнее было бы определить указанные формы как инъюнктивные. В индоевропейском инъюнктив образовывали претеритальные формы с вторичными окончаниями без аугмента, которые, таким образом, теряли значение реального, референтного прошедшего времени; см. [Елизаренкова 1982: 281—283; Иванов 1981: 34—36]. Вероятно, инъюнктивное употребление безаугментного имперфекта в индоевропейском могло также стать одной из причин его замены новой системой имперфектных форм в праславянском языке.

Формирование нового славянского имперфекта стало своего рода возвращением к исходному индоевропейскому состоянию вследствие размытия морфологических характеристик индоевропейского имперфекта-инъюнктива в праславянском. Этот процесс можно сравнить с восстановлением корреляции количественных и порядковых числительных и развитием склонения у неизменяемых количественных числительных после утраты морфологической корреляции в ходе фонетических преобразований: **septm̥* ‘семь’ : **septm̥-o-s* ‘седьмой’ > **setb̥* : **sedm-b̥* > **setb̥* + **sedm-b̥* = **sedm-b̥* : **sedm-b̥-jb̥*; см. [Жолобов 2001: 97]. Толчком к новому удвоению претеритальных форм также стало затемнение морфологической структуры и корреляции словоформ. Позднее уже в старославянских источниках вновь фиксируется неразличение имперфекта и аориста после так называемого стяжения гласных в целом ряде претеритальных образований: глаголаахъ > глаголахъ, вѣдѣасте > вѣдѣсте и т. п. Образование новой омонимии претеритальных форм явилось одной из причин ранней утраты имперфекта в большинстве славянских языков (кроме болгарского, серболоужицкого и сербохорватского) в письменный период их истории. В то же время в таком архаичном источнике, как старославянская Саввина книга, встречаются только так называемые стяженные имперфекты [Вайан 1952: 268; Ван-Вейк 1957: 320], что может свидетельствовать об исконном характере форм идѣше, плетѣхомъ, ведѣхъ и т. п.

Новый имперфект как форма прошедшего времени развивался вначале, по-видимому, в качестве разновидности сигматического аориста — фактического прошедшего, поскольку сохранял морфологическую связь с аористом, судя по консонантной основе суффикса **-x-/*-š-/*-s-*. Вокалические компоненты суффикса внешним образом совпадают с эмфатическим удвоением суффиксального гласного основы длительных глаголов: **dēlā-āx-*, откуда **sēdē-āx-* и далее **nes-ē-āx-* и т. п. Однако многочисленные основы типа **nes-ē-*, **wed-ē-* могут рассматриваться также как основы презенса с продленной тематического гласного [Vondrák 1912: 510], откуда далее в новом типе *i*-глаголов **nosi-ē-* > **nosja-* > *ноша-*, **wodi-ē-* > **wodja-* > *вожда-* и т. п. В пользу последнего предположения свидетельствуют многочисленные случаи образования имперфекта от основы настоящего времени в древнеславянских памятниках письменности. А. Вайан [1952: 271—272] приводит массу подобных примеров из Супрасльской рукописи: *зовѣаше* (при *зъвати*), *женѣахъ* (при *гънати*), *мелѣаше* (при *млѣти*), *примѣлааше* (при *примати*), *овраштаахъ* (при *овръсти*), *мештаахъ* (при *метати*), *бесѣдоуаше* (при *бесѣдовати*), *красоуаше* (при *красовати*) и др.

В связи с этим становятся понятными и кажущиеся фантастическими и искусственными формы с тремя гласными графемами в русских евангелиях, наследующих старославянские формы: не съмѣлааху ЕвМст 97г22—23; знаааше ЕвТип 469; възпиаашете 40а16—17; знаааше ЕвПант 216а14; виааахути и 144в4 и т. п. Если в свете вышеизложенного знаааше < **znājē-āx-e-t* < **znājē-* (модифицированная основа презенса) < **znāje-* (тематическая основа презенса), то подобные формы, напротив, закономерны.

В противовес сигматическому аористу новые экспрессивные формы получили тематическое спряжение простого аориста, восходящего к формам имперфекта-инъюнктива. Аномальные формы Супрасльской рукописи и Изборника 1073 г. воспроизводят, кроме того, другую модель обобщения суффиксального гласного -ѣ-: *начѣнѣхомъ* Супр 37, 9; *прѣстанѣше* 258, 18 и т. п.; *бѣѣста* Изб 1073, 212в20; *живѣше* 259а23. Обычно подобные формы объясняют ассимилятивными изменениями, хотя их можно было бы рассматривать в качестве архаизмов, имея в виду древнее происхождение источников.

Если исходить из модификации презентной основы и образования новой имперфектной основы типа **wed-e-* > **wed-ē-*, то нужно признать, что в значении нового славянского имперфекта важное место стало принадлежать обозначению внутреннего времени или структуры действия — иными словами, вида глагола, получившего особую форму морфологического выражения. Значение текущего, длящегося действия презенса, перенесенное в прошедшее, стало внутренним — аспектуальным — временем глагола. Как можно заключить из наблюдений над эволюцией славянского имперфекта, скепсис по отношению к развитию начальной стадии категории вида в индоевропейском не имеет под собой оснований. Славянские языки развили категорию, которая в зародышевом состоянии уже существовала в материнском языке.

3.1. О развитии славянского имперфекта в рамках складывающейся категории вида свидетельствуют древние формы перфективного имперфекта с рядом обособленных значений.

Ю. С. Маслов установил, что перфективный имперфект имел значение «многократно повторявшегося в прошлом действия, каждый отдельный акт которого достиг завершения» [Маслов 1954: 81]. После исследования Маслова принято считать, что ранние древнерусские памятники, в которых перфективный имперфект был обычным явлением, существенно отличаются как от старославянских источников, в которых данные формы практически отсутствуют, так и от древнерусских списков ранних южнославянских переводов [Зализняк 2008: 98]. Напротив, В. Б. Крысько [2011: 827—829; 2014: 123—124], ссылаясь на отдельные примеры перфективного имперфекта в источниках южнославянского происхождения, скептически оценивает восточнославянскую природу подобных форм и отмечает неизученность этого специфического явления «на широком материале различных по происхождению источников».

В издании перевода «Истории Иудейской войны» Иосифа Флавия, который считают выполненным в Древней Руси в XI—XII вв., употребление форм перфективного имперфекта характеризуется как «регулярное» и связывается с одним из доказательств восточнославянского происхождения перевода [Макеева, Пичхадзе 2004: 23]⁵. Авторы отметили, что на фоне «Истории Иудейской войны» перфективный имперфект отсутствует в другом раннедревнерусском переводе — Житии Феодора Студита (ЖФС). Однако оказалось, что ЖФС также содержит перфективные имперфекты в немалом количестве — 11, как, впрочем, и входящее в Выголексинский сборник вместе с ЖФС Житие Нифонта (сокращенная версия пространной редакции южнославянского происхождения)⁶. Таким образом, перевод ЖФС должен был бы попасть в середину списка источников с перфективными имперфектами, опубликованного Зализняком, рядом с Житием Андрея Юродивого.

А. А. Зализняк [2008: 97] впервые установил количественные характеристики перфективных имперфектов на фоне общего числа имперфектов в целом ряде древнерусских памятников. «История Иудейской войны» Иосифа Флавия занимает в этом перечне четвертое место по количеству перфективных имперфектов в абсолютном выражении, однако на фоне общего большого числа имперфектов и количества слов в тексте абсолютные данные несколько теряют свою значимость. Тем не менее, имеет смысл прежде всего исходить именно из абсолютных чисел, поскольку употребление перфективных имперфектов диктуется типом дискурса и прагматикой текста. Согласно статистическим данным Зализняка, своеобразный рейтинг 12 древнерусских источников по абсолютному количеству «имперфектов

⁵ Правда, нужно заметить, что в Указателе издания имперфекты вполне вероятного несовершенного вида *възвѣщахѹтсѧ* и т. п. нередко попадают в леммы с инфинитивами совершенного вида *възвѣратитисѧ* и т. п.

⁶ Ср., в частности: и всюдоу преходѧ · всѧ ѿ троудовъ *объльзѹиашеть* ЖФС 46 об., 1—3; и инѧ книгѧ дивнѧ *послѹшашеть* · и многу сласть ѿ кѧхъ кажды нхъ · *примашеть* 53, 11—14 и др. Зачастую здесь кратнопредикативное значение сочетается с объектной плюральной дистрибутивностью. Наша статья, посвященная Выголексинскому сборнику, в который входит ЖФС, находится в печати.

совершенного вида» выглядит следующим образом (сокращения даны по [Зализняк 2008: 97]; см. Список сокращений).

Таблица 1

Памятник	Количество имперфектов СВ	Общее количество имперфектов
1. ПВЛ по Лавр.	56	около 650
2. Житие Феодосия (нач. XII в.)	44	около 380
3. ПВЛ по Ипат.	42	около 620
4. Флав. (XI—XII вв.)	25	около 1800
5. Житие Андрея Юрод. (XI—XII вв.)	13	около 760
6. Гал.-Волын. лет. (XIII в.)	9	около 450
7. «Александрия» (XI—XII вв.)	6	около 300
8. Киев. лет. (автор) (XII в.)	6	около 780
9. Увар. лет. за XII в.	3	около 330
10. Сузд. лет. (XII—XIII вв.)	2	около 300
11. Увар. лет. за XIII—XIV вв.	1	около 590
12. Увар. лет. за XV в.	1	около 310

Установленные Зализняком статистические показатели — прежде всего абсолютные данные — имеют большое значение: это показательный ориентир для оценки употребительности имперфектов совершенного вида в старославянских памятниках и других источниках. Менее важны и показательны относительные, процентные данные. Приведем один яркий пример, свидетельствующий о малой информативности относительных данных. Это бере-стная грамота № 136 XIV в.:

се доконьцаху мзисловѣ дѣтѣ
 труфане з братъю давати
 оусповѣ ·ѣ· коровѣ ржи да коровѣ
 а пшеници ·г· солоду · дару ·г· ку-
 ници · да пудъ меду · дѣтемъ · по бѣ
 лки ·г· і ·г· горсти лену ·
 воранъ оу новину [Зализняк 2004: 594—595].

В грамоте встречается всего одна спрягаемая форма, и эта форма — имперфект с кратноперфективным значением ‘договорились’. Ее появление здесь вполне уместно: предметов договора было много, как и самих актов договоренности. Нельзя здесь также исключать встречающуюся в подобных случаях дистрибутивность деятелей. А. А. Зализняк полагает, что здесь представлена окказиональная форма 3 л. мн. ч. аориста с окончанием имперфекта. Если же исходить из перфективного имперфекта, а имперфекты совершенного вида представлены в новгородском Житии Андрея Юродивого в списке XIV—XV вв.⁷, то остается усматривать здесь стопроцентную реализацию отношения «количество перфективных имперфектов к общему числу имперфектов». Ситуация эта вполне реалистична и может относиться к любому числу встретившихся в тексте имперфектов совершенного вида. Поэтому оперировать относительными данными не во всех случаях полезно, а иногда просто рискованно.

3.2. В старославянских евангелиях перфективный имперфект встречается очень редко, и это определяется типом текста. В [SJS] в каждой глагольной статье есть пометы, указывающие на вид глагола — совершенного («pf.») и несовершенного («imp.»). В статье

⁷ См. [Шевелева 2015], где автор полемизирует с А. А. Зализняком, который считал, что в Новгороде имперфектов совершенного вида не было.

назырѣти с пометой «pf.» приводится пример имперфекта совершенного вида из Мариинского евангелия: назырѣахъ и кънижъници ... аште въ соботѣ исцѣлѣти-и L 6,7 Mar (назыраахъ Zogr As Ostr) [SJS, II: 292]. Показательно, что в других евангелиях здесь представлен глагол несовершенного вида, в то время как в Мариинском евангелии подчеркнута многократность и постоянность действия, отражающего дистрибутивную множественность деятеля (см. также влияние этого фактора в приводимом ниже контексте с глаголом истрадати в Супрасльской рукописи и процитированной выше грамоте № 136). Аналогичный пример из Саввиной книги обнаруживается в статье проити с пометой «pf.», где обозначена многократность, привычность и исчерпанность действия полным охватом объектной направленности — в этом случае семантика дистрибутивности относится к объекту действия: проидѣше ꙗкоу(ъ) градъ вса Mt 9,35 Sav (прохождааше Zogr Mar As Ostr) [SJS, III: 352]. В отрицательных конструкциях с перфективным имперфектом не дадѣаше Е. А. Мишина, пользуясь термином А. А. Зализняка для презенса, видит значение «напрасного ожидания»: «...сѣдалишта продаѣшѣхъ голъби испровъже · ꙗ не дадѣаше никомуже мимонести създъ ꙗкоу(ъ) цркъвъ (Mar.=Zogr., Марк 11:15—16) — несмотря на сопротивление торговцев, Христос не дал / не позволил никому пронести сосуд» [Мишина 2015: 4]. Конечно, такое толкование контекста допустимо. Если же иметь в виду не контекст, а категориально-грамматическое значение глагольной формы, то оно остается прежним, отрицательная приставка / частица ничего в нем не меняет: ‘многократно, всякий раз, ни разу не дал / не позволил’. Если же говорить о контекстуальном значении данного чтения, то в истолковательно-экзегетическом ключе здесь подчеркивается, как и в Саввиной книге выше, непреложная сила действий Христа.

3.3. А. Вайан [1952: 379] упоминает пример имперфекта совершенного вида из Сборника Клоца и отмечает, что имперфекты совершенного вида довольно часто встречаются в Супрасльской рукописи, где они обозначают возможность, обычность или кратность действия в прошлом.

По нашим подсчетам, в Супрасльской рукописи представлено 17 имперфектов от глаголов, которые охарактеризованы как перфективные в [SJS, I—IV] и [CCC]: дадѣаше 104, 15⁸; задѣхъаше са 233 об., 13; истрадаахъ 46 об., 4; исцѣхъаше 238 об., 24; ицѣлѣаше 248 об., 16; нахънѣвахомъ 37, 9; обраштахъ м’ са 36 об., 26; обраштаахъ 256, 21; останѣахъ 207, 18; подвижнѣаше 173 об., 12; помолѣахомъ 36 об., 23; порадоумѣахъ 256, 20; просиаше са 256, 26; прѣмьчѣаше 206 об., 23; прѣстанѣаше 258, 18; снидѣаше 248 об., 10; снидѣаше 248 об., 16. Обращает на себя внимание большое количество имперфектов от основ настоящего времени.

Несомненно, 17 форм — это существенная величина. Общее число имперфектов здесь около 1250 словоформ — намного меньше, чем в «Истории Иудейской войны» Иосифа Флавия. Только в четырех древнерусских источниках представлено большее число имперфектов совершенного вида. Супрасльская рукопись в целом оказывается по этому параметру близкой древнерусским переводным памятникам письменности. В большей части контекстов данные формы имеют отчетливое кратно-перфективное значение. Целый ряд форм входит в целостные пассажи, образуя предикативные цепи. В переводе кратно-перфективное значение приходится передавать описательно или с помощью форм простого будущего — так называемого настоящего совершенного вида. Например, следующий ниже контекст может быть переведен таким образом.

1—2. ꙗгда во въ ратехъ обрѣтахомъ са · ꙗ помолѣахомъ ба · то помагаше намъ ꙗ дѣлѣваахомъ · ꙗ въси похѣгаахъ · ꙗ мзи ѣдини м · п’сѣдоу ꙗхъ обраштахъ са Супр 36 об., 22—26 (в интернет-издании: 36.2, т. е. лист 36 об. в рукописи).

Когда же мы в ратях обретались и всякий раз, как помолим Бога (всякий раз, как молили Бога), Он помогал нам и мы одолевали, и все убегали, и мы одни числом сорок посреди них всякий раз оказывались (бывало, очутимся).

⁸ Указывается лист и строка рукописи по интернет-изданию на сайте manuscripts.ru.

Такое же законченное неопределенно-кратное действие обозначено имперфектами в других контекстах.

3. не вѣсѣгда ли иѣгда научыѣхомъ сѧ брати · глаголаахомъ ѱалмоса сего Супр 37, 9—10 (37.1 в интернет-издании, т. е. необоротный лист в рукописи).
Не всегда ли, как начнем бороться, произносим этот псалом?
4. аште сѧ сѧлоуѣааше не имѣти ѣмоу ниѣсоже дати ѣмоу · то котыгъ съвѣкъ сѧ себе дадаше ништоуѣмоу · тако же тѣрааше вѣса лѣта житиѧ своѣго Супр 104, 12—14.
Если же случалось, что нечего было дать ему, то, сняв нижнюю одежду, даст нищему; так же поступал во все годы своей жизни.
- 5—7. сѣнидаше тамо рече ангелъ и възмѣштааше вода · и иже би вѣлѣзъ по възмѣштении воды · наслаждааше сѧ ицѣлены · сниде ангельскѣи владыка въ йорданскѣи воды · и свативъ водьное иѣство вѣкъ вселенѣи ѣсѣвилъ · сего ради · тамо оубо · иже снидаше по прѣвѣтвѣ · оуже не ицѣлѣаше Супр 248 об., 10—16.
Сойдет там всякий раз, сказал, ангел и возмутит воду; и кто бы ни вошел в волнующуюся воду, насладится исцеления; сошел Владыка ангелов в Иорданские воды и, освятив природу воды, весь мир исцелил; сего ради там, кто ни сойдет после первого в воду, уже не исцелится.

Имперфекты с амбивалентной видовой характеристикой възмѣштааше и наслаждааше сѧ, которые вне контекста скорее нужно было бы считать формами несовершенного вида при глаголах възмѣштати и наслаждати сѧ, в данном отрывке реализуют в большей степени вторую сторону своей видовой природы при глаголах совершенного вида възмѣстити и насладити сѧ. Тем не менее эти формы ввиду двусмысленности не включены в число перфективов. Ср. ставшее источником этого фрагмента известное евангельское чтение: ангълъ бѣ гнѣ на всѧ лѣта съжодааше въ кѣпѣль · и възмѣцааше вода · и иже пьрѣне възлаааше по възмѣцении вода · сѣравъ бѣвааше · иацѣмъже недоугъмъ удържимъ бѣвааше ЕвТит 144в6—15 (Иоанн 5:4).

Строго говоря, в этом пассаже мы наблюдаем колоссальную концентрацию перфективных имперфектов: 3 из 5 или даже 5 из 5 — от 60 до 100 %!

См. следующий отрывок, где вспоминается апостол Фома, увидевший впервые воскресшего Христа и перстами испытующий Его гвоздйные язвы.

- 8—10. ржжж же плѣтъ дръжаахъ · а доушъ бѧ поразоумѣахъ · и вѣнѣдѣ обраштаахъ чюдесно · а жѣрѣдѣ страшно · и іавѣаемо сѧ велико и дръжино чюдно Супр 256, 20—23;
Рукою я плоть ощущал, а душою Бога всякий раз разумел; и вне обрел чудесно, а внутри страшно...
- жжжство просѣвѣтааше сѧ · и божѣство просиаше сѧ · и ношено овѣшааше сѧ · и носѧ славыаше сѧ Супр 256, 25—27.
Родство просвещалось, и Божество всякий раз сияло...

В последнем отрывке появление перфективного имперфекта обусловлено греческим первоисточником. Действительно здесь обнаруживается: а) соответствие приставки-перфективатора про- греческой приставке, б) соответствие имперфекта греческому имперфекту, в) хотя приставка могла быть иной, и нет соответствия для сѧ (просиаше — ἐξήστραπτε [SJS, III: 375]). Помимо собственно греческого влияния нужно признать определенную гармонию уже собственно славянских форм под рукой славянского переводчика. Вместе с тем нужно иметь в виду, что для читателя минеи, каковой являлась Супрасльская рукопись, греческий текст не имел никакого значения. Нельзя также забывать о том, что в большинстве случаев славянский переводчик имел возможность использовать имперфективную основу вместо перфективной (ср. обраштаахъ vs. обрътаахъ; сѣнидаше vs. съжодааше и др.). Главенство славянского материала, а не давление греческого первоисточника доказывается следующим чтением, в котором имперфектом прѣстанѣше переведен греческий аорист οὐκ ἠτέσχετο [SJS, III: 486]⁹. В пассаже описывается классический сюжет христианской

⁹ Ср. также с имперфективным глаголом прѣстааше ‘переставать’.

литературы, в котором пребывающего в ночной молитве отшельника пытается отвлечь от молитвенного подвига невесть откуда взявшаяся женщина. Здесь имеется и евангельская аллюзия: *тацѣтѣ ѿ отверзетъ сѧ вамъ* Mt 7,7 Zogr Mar As Sav [SJS, IV: 461]. В отличие от Е. А. Мишиной, для нас отрицательная конструкция не означает коренных изменений в категориально-грамматической семантике перфективного имперфекта. Многократность лишь получает отрицательный характер — ‘много раз не’ или ‘ни разу’. К тому же в данном случае отрицание попадает и в презумпцию «не перестала = постоянно».

11. *многѡу же чѧстоу минѣвъшѡу · ѿ ношти ѡуже прѣполовашѣ сѧ · не прѣстанѣвшѣ тацѣжшті ѿ великомъ гла-
сомъ въпыѣшти · помилоу ѿ ма рабе бжѣи ѣда како звѣрьми ѿзвѣдена бждѣ прѣдъ главоу твоѣѡу* Супр 207, 17—21.

Когда минуло много времени и ночь уже преполовилась, не остановилась ни разу, постоянно стуча и крича громким голосом...

Сходным образом говорится об отношениях Христа и Иуды, которого Христос явно не обличал, но и многократно не промолчал о нем, чтобы Иуда не утратил страха согрешить предательством, полагая, что о предательстве никому не известно. Категориально-грамматическое значение многократности дублируется контекстуально: *чѧсто глаголаашѣ...*

12. *тоже ни ѡвѣ ѿго бѡлачуашѣ прѣдъ въсьми да не вѣстоу дѣнѣиша ѿго сътворитъ · не прѣмѣчуашѣ да не мѧ
сѧ гонѣжѣти невѣстѣи · бе-страха начѣнетъ прѣдѣлѣти · чѧсто глаголаашѣ · ѿдинъ ѡтъ всѣхъ прѣдастъ
мѧ · нѣ не ѡвѣ ѿго показа* Супр 206 об., 21—26.

...ни разу не промолчал, чтобы [Иуда], думая, что избежит огласки скрытностью, не стал бы предавать без страха...

В следующем отрывке толкуется образ смоковницы как любого бесплодного дела, к которому приступили без мысли о Господе. В этом случае значение многократности у ключевого глагола включает также дистрибутивный компонент — отсылку к многочисленным воплощениям образа смоковницы — бесплодным деяниям. Утверждается, что ни одно дело не может быть успешно, если оно не подвигло ум к приятию небесного.

13. *чѣи образъ принесѣ смокви · не бо вѣ никоѣже христосомъ бзвѣдѣмое дѣло · ѿже ѿ не ѡмѣашѣ таѣнаго
чловѣкъ дѣлама творимаа бзвѣжѣи во ни ѿдно же вѣ ѡтъ ѿго · сътворено дѣло · ѿже нѣветъ дѣло ѡсѣгѣжѣи ·
ни ѿдно ѿже не въпиашѣ ѿстинъ · ни ѿдино ѿже не кз невѣсьноу ѡумѡу прѣятѣи подвигнѣашѣ ѡумъ* Супр 173 об., 5—12.

...ничто, что к приятию небесного всякий раз подвигнет (подвигало) ум.

В связи с этим следующий контекст теряет семантику однократности, приобретая характер потенциальной многократности, наглядно-примерное значение.

14. *силѣнъ дѣломъ · проклѣнаашѣ смокъвницѣ ѿ исъхнѣашѣ · силѣнъ словомъ · брѣнѣиъмъ помазаашѣ ѡчи ѿ
просвѣтаашѣ зрака* 238 об., 23—25.

...проклинал смоковницу, и засохла...

Во всех случаях имперфектами совершенного вида обозначено многократно совершенное, регулярное действие, в некоторых случаях соотнесенное с сакральной непреложностью осуществления. Поиск контекстуальных значений перфективного имперфекта можно признать рискованным занятием, если он препятствует выявлению центральных инвариантных значений. Кроме кратно-перфективного значения, другим инвариантным компонентом категориально-грамматической семантики может выступать более или менее отчетливо выраженная дистрибутивность либо деятеля, либо объекта или адресата.

Перфективный имперфект может появляться в дистрибутивной цепи субъектов действия с имперфектными предикатами, не обозначая при этом как будто бы многократного действия, а имея типичное для глаголов на -нѣ значение однократности. Кратно-перфективное значение в этом случае диктуется отвлеченной типичностью всей ситуации. В то же время нужно заметить, что перевод в этом месте, вероятно, ошибочен: *απελύοντο* — имперф.

медиио-пассивн. от *ἀνα-πύρνυμι* ‘прокалывать’, ‘протыкать’, ‘распинать’. Таким образом, значение ‘распинался, был распят’ было смешано с *ἀνα-πνέω* ‘вдыхать’, ‘выдыхать, извергать’. В [SJS, I: 635] *ζαδζхнѣти са* переводится ожидаемо как ‘задохнуться’.

15. *ѡвѣ ѡхъ зѣа стоѣаше · ѡвѣ же колѣнома лице покрывааше · ѡ другъзи ниць задѣхнѣаше са · ѡ инъ ѡко мрътвѣ ѡцѣпааше · ѡ другъзи ѡжжасомъ дръжимъ бѣ · ѡ ѡбѣдѣвѣ лежааше · ѡ другъзи въ жѣрѣнихъ приѣжишѣхъ ѡштажааше* Супр 233 об., 12 — 17.
...а другой ниц задохнулся...

Наконец, обобщенный субъект мыслится как собирательно-многосоставный, и перфективный имперфект в таком случае передает неопределенно-кратное завершенное действие, а его кратность задается дистрибутивной многосоставностью субъекта¹⁰: Вместе с тем для данной словоформы существует и другое объяснение: она калькирует греческую глагольную форму *διαθλεῖν* — *истрадати* ‘претерпе(ва)ть (мученичество)’ [SJS, I: 821].

16. *ѡзеро же бѣ ѡ немѣже ѡ градъ сътворенъ възъѣ · въ немѣже си истрадаахъ стѣи* Супр 46 об., 3—5.
... в котором си претерпели мученичество святые.

В [SJS, I: 821] статья *истрадати* ‘претерпе(ва)ть (мученичество)’ с пометой «pf.?» иллюстрируется единственным приведенным выше примером с греческой параллелью: *ταῦτα διήθλουv οἱ ἄγιοι*.

Такой же характер дистрибутивности деятеля имеет предикативная многократность в следующем контексте.

17. *ѡлма же ѡ сице не ѡстанѣахъ са стѣидости · воленѣ самъ са прѣда ѡдинъ* Супр 207, 18—19.
Поскольку все они и так не оставили бесстыдства, своею волей сам собой пожертвовал.

4.1. «Генетическая соотнесенность большинства древнерусских рукописей с южнославянской книжностью обуславливает их огромное значение для палеославистики» [Крысько 2003: 339]. Безусловно, для того чтобы составить полное представление об употреблении перфективных имперфектов в старославянском языке, необходимо учесть свидетельства церковнославянских памятников древнерусского извода. Анализ этих данных еще более убеждает в том, что перфективный имперфект был довольно обычным явлением в старославянском языке, а мера частотности его форм определялась дискурсивно-прагматической природой текста.

4.2. В древнеболгарском Симеоновом изборнике, сохранившемся в древнерусском списке 1073 г., нами обнаружено девять имперфектов с кратно-перфективным значением — немалая величина (при общем числе имперфектов около 480 словоформ). Все они не противоречат узальному раннедревнерусскому типу, а часть носит отчетливо русифицированный характер: *приважааше* Изб 1073, 151г2¹¹; *подъложаше* 151г4; *испростърааше са* 151г5—6; *воудаше* 151г9—10; *възнааше* 151г11; *воудаше* 151г19; *придѣваху* 257б16; *придѣваше* 257б18; *придѣваху* 257б20. Все формы сосредоточены лишь в двух нарративных пассажах, в которых говорится о многократных завершенных действиях в прошлом, представленных последовательной их цепью, когда действия сменяют друг друга установленным порядком, имеющим таинственную, сакральную природу¹². Подобная прикреплённость к особого рода прагматико-дис-

¹⁰ Соотносительность значений собирательности vs. исчисляемости и аспектуальной семантики признается в исследовании по глагольному виду; см. [Mehlig 2013].

¹¹ Согласно [SJS, III: 264], *приваждати* — двувидовой глагол, но в приведенном ниже контексте предпочтительнее видеть перфективное употребление.

¹² См. в связи с этим замечание В. А. Плунгяна: «Наиболее справедливой представляется поэтому гипотеза, согласно которой дискурсивное использование грамматических механизмов в естественных языках в основном осуществляется с целью разграничить разные типы пассажей» [Плунгян 2008: 20].

курсивным формам доказывает сугубую функциональную направленность имперфектных словоформ совершенного вида. В первом пассаже представлены стяженные формы, а во втором нестяженные, что не является редкостью в компиляциях. См. описание регулярной последовательности действий при гаданиях:

- 1—6. да ꙗгда оубо хоташе · сватитель възпрашати ба о коен любо рѣчи · привазаше ꙗ на раменьици посредоу прьсини и подъложаше роуцѣ подъ не · и испросъраше са на дланиѣ · акы дъска · и зъра на ѿфѣдъ възпрашаше ба · о възпросѣ · и аште боудаше боу годѣ възпросъ тоу абие взсинаше адамазъ · и свѣтоу блискаше са · аште ли не бѣаше годьно · прѣвзѣвааше въ своємъ чиноу · камзыкъ · аште ли хоташе бѣ на мечъ прѣдати люди · боудаше крѣвавъ · аште ли сѣмрътъ наити хоташе чрьнъ Изб 1073, 151в28—151г21.

На примере этого пассажа вновь можно видеть какой огромной концентрации достигали перфективные имперфекты в определенного типа текстах в старославянской традиции: 6 к 13 — 46%.

Удивительно, что в следующем фрагменте имеется стечение трех перфективных имперфектов одного глагола прити.

- 7—9. да ꙗгда оубо придѣахоу иноплемьници почурпаты не придѣаше вода · ꙗгда ли иждѣи придѣахоу прихощааше и вода · да тѣмъ и нзыгъ напрасно исходи вода · да са ѿви таина бжѣа Изб 1073, 257б15—24.

4.3. В Синайском патерике, который был переписан со старославянского кодекса в конце XI в. (или, возможно, в начале XII в.), нами обнаружено еще большее количество имперфектов совершенного вида — 22 (при общем количестве около 840 имперфектных словоформ). Это весьма значительная величина даже на фоне древнерусских памятников с высокой относительной частотностью перфективных имперфектов. Среди них много так называемых стяженных, а кроме того, русифицированных форм, а также форм от основ презенса: възьмаше СинП к. XI, 4 об., 2; възьмаше 175 об., 1—2; възьмаше 149, 18; възсклепааше 71, 18; възсклепахоу 89 об., 19—20; истааше 176 об., 1; обрацахъ 112, 11; обрацаше 10 об., 7—8; обрацаше 117 об., 16; обрацаше 124, 3; обрацаше 167, 19—20; повелахоу 37 об., 7; покрьзаше 116 об., 12—13; положиаше 116 об., 14; придаахоу 37 об., 6—7; придаше 154, 4; придашете 165, 7; пристуаплаше 4 об., 3; прѣбоудахъ 71, 17; прѣбоудахъ 90, 1; речаше 92, 8; сзконецъааше 28 об., 10—11.

Большое число перфективных имперфектов в Синайском патерике естественно вытекает из дискурсивно-прагматической природы текста, повествующего о жизни монашествующих с ее неизменным, раз и навсегда заведенным порядком, с регулярной последовательностью цепи завершенных действий. Приведенный ниже контекст, например, может быть переведен следующим образом.

- 1—2. и ꙗгда сзѣздохъ степень възсѣхъ · тоу прѣбоудахъ доидеже възсклепа било · кланѣа са и молитвоу твора · и ꙗгда възсклепааше било · тѣгда хожахъ на слоужьбоу СинП к. XI, 71, 16—19.
И когда я преодолел все ступени, пребывал (пребуду) здесь всякий раз, пока не wsklepало било, кланяясь и совершая молитву; и когда даст знак било, я отправлялся на службу.

Приведем ниже ряд контекстов с подобными формами. Во всех случаях здесь со всей очевидностью выступает кратно-перфективное значение, как в следующем примере:

3. и многашьдзи охода · и прѣвзѣваа въ братниихъ · стѣо иерѣдана · идеже обрацаше ложе львово тоу сзпаше СинП к. XI, 10 об., 6—8.
...где, бывало, найдет логовище льва, там и спал.

См. аналогичные контексты.

- 4—5. и ꙗгда възьмаше помзшлшение да възь отъшлъ · пристуаплаше же къ [...]моу · прѣкъ иоанъ глѣ · тѣрѣи и облыгѣю та отъ брани СинП к. XI, 4 об., 2—5.

6. и ꙗгда възсѡжаше слѣще · и съзконѹдаше канонъ · и сѣдаше ѹтъзи стѡе еванѣлие · доидеже са възша събърали на гѣнии СинП к. XI, 28 об., 10—13.
- 7—8. и на въсакоу соуботѣ хождаахъ къ нѣмоу · да бѣи възсоушалаъ пища · имааху бо вси се же · ꙗко въз нъже ѹасъ аще придааху къ нѣмъ нѣщии · повелааху и мѣтежъ сътворити · онѣмъ же мѣтѡу тѡрацѣмъ · сини трапезѡу поставлааху · и аниѣ пища възсоушааху СинП к. XI, 37 об., 6—10.
- 9—10. Повѣдаше намъ тако же амѣа дамианини и се глѹици · ꙗко на вѣа патъкъи прѣже даже не въсклепаху · хожашъ къ стоумоу козѣмъ и дамианоу · тоу же прѣвѡудахъ вѣо ноцѣ СинП к. XI, 89 об., 18 — 90, 1.
11. аще когда реѹаше нѣмоу братъ · ꙗко хоцѣ ти реци мѣсль своѣ · глѣше нѣмоу съ кротъкомъ гласомъ · приди въз крѹвѹклионъ · и хожаше на другоуѣмъ страну стѣла СинП к. XI, 92, 8—11.
- 12—13. ꙗгда же гѣвѣкъ покрѹише оуже ѹ вѣтра · дръжаше роукоѹмъ же истрашасе · и пакъи положаше на земли · и тако по нѣмоу хож[а...] СинП к. XI, 116 об., 12—15.
14. нѣгъсоже имаше тѣщѣиъ единъ стихарь и фелонъ · и мало кнѣиъ · съпаше же на столѣ древанъ · въз неиже обрашае црѣкви СинП к. XI, 117 об., 14—17.
15. бѣ же нѣкѣо говѣиъ бѣльць въз вси нѣкои · и принимаше него вѣроѹмъ ꙗкоже придаше въз въз СинП к. XI, 154, 2—4.
16. имѣаше же въз констанѣиѣи градъ дръга санъ великъ дръжаща · оуноу женоу имѣща · да ꙗгда придашете въз домъ свои принимаше него · и ѣдаше съ ним[...] и съ женоѹмъ него СинП к. XI, 165, 5—9¹³.

Опускаем здесь часть контекстов из соображений экономии. Все они принадлежат определенным типам повествования: неординарные формы выступают в цепях однородных словформ, как было в свое время установлено Ю. С. Масловым [1954: 81], который выделял три типа цепей с разным характером содержательных внутренних отношений: 1) кратно-парный, 2) кратно-цепной, 3) кратно-предельный. По-видимому, это закон глагольной грамматической системы — глагольного морфосинтаксиса, который проявляется у разных типов форм. Так, Е. А. Мишина [2002] установила, что в предикативных цепях у перфективного презенса реализуется модальное значение потенциальности. Согласно О. Ф. Жолобову [2014], так называемые нулевые формы презенса также выступают в полипредикативных цепях, где, как правило, только и могло реализоваться значение нефективного, возможного действия. Трудно согласиться с Масловым в другом — в том, что именно внутренними темпоральными отношениями в цепях диктовалось появление перфективных имперфектов. Кратно-перфективное значение как категориально-грамматический феномен существует само по себе и реализуется в полипредикативных цепях, но вовсе не продуцируется ими.

Приведенные факты доказывают, что перфективные имперфекты как категориально-грамматическое явление наблюдаются в старославянском языке, однако, как и в древнерусских памятниках, они ассоциированы с особым типом повествования.

Большое количество перфективных имперфектов (въстанѣаше, изидѣаше и т. п.) представлено в другом архаичном источнике такого же типа, что и Синайский патерик, — Скитском патерике, древний перевод которого предположительно может принадлежать Мефодию; см. [Крысько 2014: 123].

5. Ю. С. Маслов придавал большое значение следующему факту:

...можно было бы думать, что имперфект совершенных глаголов возникает в поздний общеславянский период, когда начинает складываться современная система вида. Но рассмотренный фактический материал в одном пункте несколько противоречит такому предположению и заставляет внести в него некоторую поправку. Дело в том, что, как мы видели, согласованные показания древнерусского, древнечешского, старохорватского и современного болгарского языков противостоят отсутствию кратно-перфективного значения и вообще подлинных случаев имперфекта

¹³ В издании придаше те, а в примечании дается греч. параллель ἐκεῖ ‘туда’. В данном случае можно предположить архаичную форму 3 л. дв. ч. либо русифицированную форму 3 л. ед. ч. придашеть с опиской по инерции (ср. описки в строке 3 не възъмъть и строке 14 итити).

совершенных глаголов в старославянском переводе евангелия и слабому развитию этой категории в других старославянских текстах. Учитывая это положение вещей, мы, вероятно, должны будем допустить некоторую задержку, некоторый разрыв во времени между возникновением совершенного вида и возникновением имперфекта совершенных глаголов [Маслов 1954: 137].

Судя по всему, данное противоречие в действительности является мнимым, потому что перфективный имперфект уже присутствует в старославянских источниках, а значит, восходит к языку-предку. Старославянская традиция не исчерпывается классическими памятниками, будучи отраженной в более поздних списках старославянских переводов, которые еще изучены далеко не в полной мере.

Таким образом, наличие перфективного имперфекта в источниках старославянского происхождения доказывает, что славянский вид в основных своих чертах сложился уже в языке-предке, а существование перфективного имперфекта как категориально-грамматического явления свидетельствует о том, что новое удвоение претеритальных форм и развитие нового славянского имперфекта является отражением видового противопоставления в системе праславянского презенса, с которым имперфект коррелирует. Перфективный имперфект в древнерусском языке является праславянским архаическим наследием. Необычайно широкое использование перфективно-имперфектных словоформ в ранних древнерусских памятниках составляет особую черту языка восточных славян в XI—XII вв., хотя нельзя утверждать, что древнерусские источники не испытали влияния южнославянских письменных памятников.

В действительности вес перфективных имперфектов в древнеславянских источниках может оказаться еще выше, если будет установлено контекстуальное значение словоформ, которые допускают двойное истолкование. Так, имперфект *оукрѣплаше* и т. п. может интерпретироваться и как форма глагола *оукрѣплати*, и как форма глагола *оукрѣпити*, и как двувидовая форма. В. Б. Крысько [2011: 828] приводит контекст с цепью из четырех подобного рода форм в древнерусском Софийском прологе XII—XIII вв., которые с большой долей вероятности имеют кратно-перфективное значение:

идоста [Адриан и Еввул] въ кесарю · да посѣтита соуца · въ тѣмницѣхъ · моущаю братию нашу · и шъдѣша посѣща · ѿ · и оутѣща · и оукрѣпла · ѿ · нъ · и ѿедини оучаста словоу · бгю · и мнози ѿ нихъ оубо крѣста ПрС XII/XIII, 13669—19
много раз оба посетили их, и утешили, и укрепили их, ...и многих же из них крестили.

В древнерусских списках старославянских памятников не только сохраняются перфективные имперфекты, но, по-видимому, вводятся и новые их формы. Так, если в новгородском Захаринском паримейнике 1271 г. форма имперфекта с кратно-перфективным значением *вънидааху* отражает первоначальный кирилло-мефодиевский перевод, судя по параллелям в списках разных редакций, приведенным в издании Р. Ф. Брандта (Стеф. -даху, Белгр. -дѣху, Лобк. -дохъ) [Брандт 1894, 3: 173], то формы имперфекта с тем же значением *въвозможаху* и *согорташе* не имеют поддержки в других списках паримейника. Ср.:

Таблица 2

Захаринский паримейник 1271 г.	Троицкий паримейник второй половины XIV в.	Григоровичев паримейник XII—XIII вв.
споли же вѣдаху по земли въ тѣи дѣни и по томъ же акоже <u>вънидааху</u> снова бѣни · къ дѣцѣремъ ѣвѣчьскымъ · и раждаху себѣ си · и ти баху · споли ѿ вѣка ѣвѣчи имении Прм 1271, 67611—67в3 ¹⁴	тоже исполнени вѣдаху по земли также <u>въвозможаху</u> снова бѣни ко дѣцѣремъ ѣвѣчьскымъ · і рожю себѣ сыи · і не вѣша бо исполнени ѣвѣци іменити Прм XIV ₂ , 27615—27в2	плоди же вѣхъ по земли въ тѣи дѣни · и по томъ · въкоже <u>въвозмодахъ</u> снова бѣни · къ дѣцѣремъ ѣвѣчьскымъ · и раждахъ са вѣси · они же вѣхъ исполи · ѿ вѣка ѣвѣци іменити Григ XII/XIII, 29v11—14

¹⁴ Бытие 6:4.

Продолжение табл. 2 со с. 75

Захарининский паримейник 1271 г.	Троицкий паримейник второй половины XIV в.	Григоровичев паримейник XII—XIII вв.
ѣлми же ѣа сѣмѣраахѹ толми же воле бѣвадохѹ и <u>вѣзмогадохѹ</u> зѣло · и мѣрзадохѹ егѣуптаномѣ снове · и́злєви · и насилавадохѹ егѣуптане на снѣи излєтєскѣ · ноуждею Прм 1271, 174a18—174b12 ¹⁵	ѣлми же ѣа смѣрахѹ і тольми вни паѹ̃ множахѹса · і <u>возмагахѹ</u> зѣло · і мѣрзахѹ егѣуптаномѣ снове и́злєви і насилавахѹ егѣуптане на снѣи и́злєви Прм XIV ₂ , 80в6—13	елѣко же мѣрѣхѹ а ÷ толико болѣши бѣвахѹ ÷ и <u>вѣзмахѹ</u> [sic] зѣло ÷ мѣрзахѹ егѣуптаномѣ снове и́злєви ÷ и насилавахѹ на снѣи и́злєви егѣуптане нѣждеа Григ XII/XIII, 69, 21—25 ¹⁶
и видѣ ѣако коупина горѣащѹ [sic] вгнемѣ · коупина же <u>не</u> <u>сѣгорааше</u> ре̃ же монси · минмошєдѣ вижю видѣние се великое · ѣако не сѣгараєть коупина Прм 1271, 235г13—236a5 ¹⁷	и видѣ ѣако купина горѣаше вгнемѣ · купина же горѣаше и <u>сѣгарааше</u> · ре̃ же монси минмошєдѣ видѣхѹ видѣние се велико ѣако не сѣгарааше купина Прм XIV ₂ , 127г11—19	и видѣ ѣако кѣпина горѣаше вгнемѣ ÷ кѣпина же <u>не</u> <u>сѣгарааше</u> ÷ ре̃ же монси ÷ минмошєдѣ виждѣ видѣние се великое · ѣко не сѣгараєть кѣпина Григ XII/XIII, 103, 5—9 ¹⁸

Приведенные факты подтверждают аутентичность и функциональное родство как старославянских, так и древнерусских форм перфективного имперфекта, унаследованных из языка-предка. Имперфекты с кратно-перфективным значением фиксируют внимание в повествовательных текстах на особого рода реальности — хабитуальных завершенных ситуациях как мере и свидетельстве упорядоченности, неслучайного характера и причинной обусловленности событий. Возможность употребления перфективного имперфекта, как можно предполагать, были отправной точкой в разнонаправленном развитии перфективных и имперфективных глаголов в разных славянских языках, в результате чего в «западных» славянских языках хабитуальные ситуации по-прежнему могут описываться перфективными глаголами; см. [Fortuin, Kamphuis 2015]. В то же время развитие перфективного имперфекта доказывает соотнесенность категории вида с категорией исчисляемости vs. собирательности, поскольку, как было установлено выше, плюрально-дистрибутивный тип деятеля или объекта и адресата провоцировал употребление перфективного имперфекта. Это второе по значимости мотивационное основание использования перфективного имперфекта.

Надеемся, что представленные новые материалы и комментарии к ним оживят научную дискуссию по данной проблематике.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

Гал.-Волын. лет. (XIII в.) — Галицко-Волынская летопись (XIII в.).

ГИМ — Государственный исторический музей.

Житие Андрея Юрод. (XI—XII в.) — Житие Андрея Юродивого (XI—XII вв.).

ИАС — Информационно-аналитическая система.

Киев. лет. (автор) (XII в.) — Киевская летопись (автор) (XII в.).

ПВЛ по Ипат. — Повесть временных лет по Ипатьевской летописи.

ПВЛ по Лавр. — Повесть временных лет по Лаврентьевской летописи.

РГБ — Российская государственная библиотека.

РНБ — Российская национальная библиотека.

Сузд. лет. (XII—XIII вв.) — Суздальская летопись (XII—XIII вв.).

Увар. лет. за XII в. — Уваровская летопись за XII в.

¹⁵ Исход 1:12—13.

¹⁶ В параллели по Лобковскому списку вѣзмахѹ.

¹⁷ Исход 3:2—3.

¹⁸ В Лобковском паримейнике не сѣгарааше. Параллель из Захарининского паримейника в издании Григоровичева паримейника приведена неточно: не вгораше.

Увар. лет. за XIII—XIV вв. — Уваровская летопись за XIII—XIV вв.

Увар. лет. за XV в. — Уваровская летопись за XV в.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

- Григ XII/XIII — Григоровичев паримейник XII—XIII вв. РГБ, Григ. 2. 104 л. Изд.: Брандт Р. Ф. Григоровичев паримейник в сличении с другими паримейниками // ЧОИДР. 1894. Кн. 1, 3; Рибарова З., Хауптова З. Григоровичев паримейник, I. Текст со критички апарат. Скопје: Македонската академија на науките и уметностите, 1998.
- ЕвМст — Мстиславо евангелие, до 1117 г. (ГИМ, Син. 1203), 213 л. Интернет-издание подг. Корнилова Д. С., при поддержке ИАС «Манускрипт» // http://manuscripts.ru/mns/main?p_text=82016377 (свободный доступ после регистрации).
- ЕвПант — Пантелеймоново евангелие, XII—XIII вв. (РНБ, Соф. 1), 224 л. Интернет-издание подг. Зуга О. В., при поддержке ИАС «Манускрипт» // http://manuscripts.ru/mns/main?p_text=35294270.
- ЕвТип — Типографское евангелие, XII в. (РГАДА, Тип. 1), 193 л. Интернет-издание подг. Рябова Е. В., при поддержке ИАС «Манускрипт» // http://manuscripts.ru/mns/main?p_text=54366871.
- ЖФС — Житие Феодора Студита // Выголексинский сборник / Изд. подгот. Дубровина В. Ф., Бахтурина Р. В., Голышенко В. С.; Котков С. И. (ред.). М.: Наука, 1977.
- Изб 1073 — Изборник 1073 г. ГИМ, Син. 1043. 266 л.; Интернет-издание подг. Кокорина Т. В., Соколова А. А., при поддержке ИАС «Манускрипт» // http://manuscripts.ru/mns/main?p_text=42519074.
- Прм 1271 — Захариинский паримейник 1271 г. РНБ, Q.п.I.13. 264 л.; Интернет-издание подг. Жолобов О. Ф., Кузовенкова А. И., при поддержке ИАС «Манускрипт» // http://manuscripts.ru/mns/main?p_text=93729005.
- Прм XIV₂ — Паримейник второй половины XIV в. РГБ, Тр. 4. 142 л.; цифровая фотокопия рукописи на сайте Свято-Троицкий лавры: <http://old.stsl.ru>; Интернет-издание подг. Жолобов О. Ф., Кузовенкова А. И., при поддержке ИАС «Манускрипт» // http://manuscripts.ru/mns/main?p_text=88206084.
- ПрС XII/XIII — Пролог Софийский XII—XIII вв. РНБ, Соф. 1324. 317 л.; Славяно-русский Пролог по древнейшим спискам. Синаксарь (житийная часть Пролога краткой редакции) за сентябрь-февраль. Т. 1: Текст и комментарии / Изд. подгот. Прокопенко Л. В., Желязкова В., Крысько В. Б., Шевчук О. П., Ладыженский И. М. М.: Издательский центр «Азбуковник», 2010.
- СинП к. XI — Синайский патерик / Изд. подгот. Голышенко В. С., Дубровина В. Ф. М.: Наука, 1967; ГИМ, Син. 551. 184 л. Интернет-издание подг. Кокорина Т. В., Соколова А. А., Зуга О. В., при поддержке ИАС «Манускрипт» // http://manuscripts.ru/mns/main?p_text=44386403.
- Супр — Супрасльская рукопись XI в. (Народ. библ. Варшавы, собр. Зам. № 21 — 151 л.; Универ. библ. Люблины, Cod. Кор. 2 — 118 л.; РНБ, Q.п.72 — 16 л.) 285 л. Интернет-издание подг. Рябова-Чернова Е. В., при поддержке ИАС «Манускрипт» // http://manuscripts.ru/mns/main?p_text=85179364.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ / REFERENCES

- Брандт 1894 — Брандт Р. Ф. Григоровичев паримейник в сличении с другими паримейниками / Чтения в Императорском Обществе Истории и Древностей Российских. 1894. Кн. 1, 3. [Brandt R. F. *Grigorovichev parimeinik v slichenii s drugimi parimeinikami* [Grigorovich book of paroemias compared with other book of paroemias]. *Chiteniya v Imperatorskom Obshchestve Istorii i Drevnostei Rossiiskikh*. 1894. Books 1, 3.]
- Вайан 1952 — Вайан А. Руководство по старославянскому языку. М.: Изд-во иностранной литературы, 1952. [Valliant A. *Rukovodstvo po staroslavjanskomu yazyku* [A handbook of Old Church Slavonic]. Moscow: Izd-vo Inostrannoi Literatury, 1952.]
- Ван-Вейк 1957 — Ван-Вейк Н. История старославянского языка. М.: Изд-во иностранной литературы, 1957. [van Wijk N. *Istoriya staroslavjanskogo yazyka* [History of the Old Church Slavonic language]. Moscow: Izd-vo Inostrannoi Literatury, 1957.]
- Гиппиус 2009 — Гиппиус А. А. «Рекоша дружина Игорев...—3». Ответ О. Б. Страховой (Еще раз о лингвистической стратификации Начальной летописи) // *Palaeoslavica*. 2009. Т. XVII. №2. С. 248—287. [Gippius A. A. «Druzhina said to Igor...—3». An answer to O. B. Strakhova (Linguistic stratification of the Primary chronicle revisited). *Palaeoslavica*. 2009. Vol. XVII. No. 2. Pp. 248—287.]
- Елизаренкова 1982 — Елизаренкова Т. Я. Грамматика ведийского языка. М.: Наука, 1982. [Elizarenkova T. Ya. *Grammatika vediiskogo yazyka* [Vedic grammar]. Moscow: Nauka, 1982.]

- Живов 2006 — Живов В. М. Восточнославянское правописание XI—XIII века. М.: Языки славянской культуры, 2006. [Zhivov V. M. *Vostochnoslavjanskoe pravopisanie XI—XIII veka* [East Slavic orthography of the XI—XIII centuries. Moscow: Yazyki Slavyanskoi Kul'tury, 2006.]
- Жолобов 2001 — Жолобов О. Ф. Древнеславянские числительные как часть речи // Вопросы языкознания. 2001. № 2. С. 94—109. [Zholobov O. F. Old Slavonic numerals as a part of speech. *Voprosy jazykoznanija*. 2001. No. 2. Pp. 94—109.]
- Жолобов 2010 — Жолобов О. Ф. Древнерусский имперфект в корпусе учительных сборников // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. 2010. № 4 (42). С. 5—11. [Zholobov O. F. The Old Russian imperfect in the homiletic compilations corpus. *Drevnyaya Rus'*. *Voprosy medievistiki*. 2010. No. 4 (42). P. 5—11.]
- Жолобов 2014 — Жолобов О. Ф. О рефлексах *ti*- и *t*-форм глаголов в древнерусском языке // Russian Linguistics. 2014. Vol. 38. No. 1. Pp. 121—163. [Zholobov O. F. On the reflexes of *ti*- and *t*-forms of verbs in Old Russian. *Russian Linguistics*. 2014. Vol. 38. No. 1. Pp. 121—163.]
- Зализняк 2004 — Зализняк А. А. Древненовгородский диалект. 2-е изд., перераб. с учетом материала находок 1995—2003 гг. М.: Языки славянской культуры, 2004. [Zaliznyak A. A. *Drevnenovgorodskii dialekt* [Old Novgorod dialect]. 2nd ed., revised in the light of 1995—2003 material. Moscow: Yazyki Slavyanskoi Kul'tury, 2004.]
- Зализняк 2008 — Зализняк А. А. «Слово о полку Игореве»: взгляд лингвиста. М.: Рукописные памятники Древней Руси, 2008. [Zaliznyak A. A. «*Slovo o polku Igoreve*»: *vzglyad lingvista* [The Tale of Igor's Campaign from the viewpoint of a linguist]. Moscow: Rukopisnye Pamyatniki Drevnei Rusi, 2008.]
- Иванов 1981 — Иванов Вяч. Вс. Славянский, балтийский и раннебалканский глагол. Индоевропейские истоки. М.: Наука, 1981. [Ivanov Vyach. Vs. *Slavyanskii, baltiiskii i rannebalkanskii glagol. Indoevropskie istoki* [The Slavonic, Baltic and Early Balkan verb. Indo-European origins]. Moscow: Nauka, 1981.]
- Крысько 2003 — Крысько В. Б. Русско-церковнославянские рукописи XI—XIV вв. как источник по истории старославянского и русского языков: новые данные // Славянское языкознание. XIII Международный съезд славистов. Любляна, 2003 г. Доклады российской делегации. М.: Индрик, 2003. С. 339—355. [Krys'ko V. B. Russian-Church Slavonic manuscripts of the XI—XIV centuries as a source in the history of the Old Church Slavonic and Russian languages: new data. *Slavyanskoe jazykoznanie. XIII Mezhdunarodnyi s"ezd slavistov. Lyublyana, 2003. Doklady rossiiskoi delegatsii*. Moscow: Indrik, 2003. Pp. 339—355.]
- Крысько 2011 — Крысько В. Б. Морфологические особенности житийной части Софийского пролога // Славяно-русский Пролог по древнейшим спискам. Синаксарь (житийная часть Пролога краткой редакции) за сентябрь-февраль. Т. II: Исследования. Изд. подгот. Крысько В. Б., Прокопенко Л. В., Желязкова В., Ладыженский И. М., Пентковский А. М. М.: Издательский центр «Азбуковник», 2011. С. 798—837. [Krys'ko V. B. Morphological characteristics of the hagiographic part of St. Sophia Prolog. *Slavyano-russkii Prolog po drevneishim spiskam. Sinaksar' (zhitiinaya chast' Prologa kratkoi redaktsii) za sentyabr'-fevral'*. Vol. II: *Issledovaniya*. Prepared by Krys'ko V. B., Prokopenko L. V., Zhelyazkova V., Ladyzhenskii I. M., Pentkovskii A. M. Moscow: Azbukovnik, 2011. Pp. 798—837.]
- Крысько 2014 — Крысько В. Б. Об издании Скитского патерика // Вопросы языкознания. 2014. № 5. С. 122—148. [Krys'ko V. B. On the edition of the Scete patericon. *Voprosy jazykoznanija*. 2014. No. 5. Pp. 122—148.]
- Макеева, Пичхадзе 2004 — Макеева И. И., Пичхадзе А. А. Грамматические особенности древнерусского перевода // «История Иудейской войны» Иосифа Флавия: Древнерусский перевод / Отв. ред. Молдован А. М.; Изд. подгот. Пичхадзе А. А., Макеева И. И., Баранкова Г. С., Уткин А. А.. Т. I. М.: Языки славянской культуры, 2004. С. 19—26. [Makeeva I. I., Pichkhadze A. A. Grammar peculiarities of Old Russian translation. «*Istoriya Iudeiskoi voyny*» *Iosifa Flaviya: Drevnerusskii perevod*. Moldovan A. M. (ed.); prepared by Pichkhadze A. A., Makeeva I. I., Barankova G. S., Utkin A. A. Vol. I. Moscow: Yazyki Slavyanskoi Kul'tury, 2004. Pp. 19—26.]
- Маслов 1954 — Маслов Ю. С. Имперфект глаголов совершенного вида в славянских языках // Вопросы славянского языкознания. Вып. 1. М.: Изд-во АН СССР, 1954. С. 68—138. [Maslov Yu. S. The imperfect of perfective verbs in Slavic languages. *Voprosy slavyanskogo jazykoznanija*. No. 1. Moscow: Academy of Sciences of the USSR, 1954. Pp. 68—138.]
- Мейе 2000 — Мейе А. Общеславянский язык. М.: Издательская группа «Прогресс», 2000. [Meillet A. *Obshcheslavyanskii yazyk* [Common Slavic language]. Moscow: Progress, 2000.]
- Мишина 2002 — Мишина Е. А. Настоящее узусное и потенциальное в восточнославянских памятниках XI—XV вв. // Молдован А. М., Калугин В. В. (ред.). Лингвистическое источников-

- ведение и история русского языка — 2001: Сб. статей. М.: Дрeвлехранилище, 2002. С. 199—228. [Mishina E. A. Usual and potential present tense in East Slavic XI—XV centuries manuscripts. *Lingvisticheskoe istochnikovedenie i istoriya russkogo yazyka* — 2001: Sb. statei. Moldovan A. M., Kalugin V. V. (eds.). Moscow: Drevlekhranilishche, 2002. Pp. 199—228.]
- Мишина 2012 — Мишина Е. А. «Ситуация напрасного ожидания» и отрицание // Русский язык в научном освещении. 2012. № 2 (24). С. 219—241. [Mishina E. A. «Situation of futile expectation» and negation. *Russkii yazyk v nauchnom osveshchenii*. 2012. No. 2 (24). Pp. 219—241.]
- Мишина 2015 — Мишина Е. А. Несколько наблюдений над употреблением перфективного имперфекта в древнерусском и старославянском (в напрасном ожидании редких форм) // <http://www.inslav.ru/zaluzniak80/congratulations/Mishina.pdf>. [Mishina E. A. *Neskol'ko nablyudenii nad upotrebleniem perfektivnogo imperfakta v drevnerusskom i staroslavjanskom (v naprasnom ozhidanii redkikh form)* [Some observations of the perfective imperfect usage in Old Russian and Old Church Slavonic (in futile expectation of rare forms)]. Available at: <http://www.inslav.ru/zaluzniak80/congratulations/Mishina.pdf>.]
- Петрухин 2003 — Петрухин П. В. Лингвистическая гетерогенность и употребление прошедших времен в древнерусском летописании. Автореф. дис. ... канд. филол. наук. М.: Институт русского языка им. В. В. Виноградова, 2003. [Petrukhin P. V. *Lingvisticheskaya geterogennost' i upotreblenie proshedsikh времен v drevnerusskom letopisanii*. Avtoref. kand. diss. [Linguistic heterogeneity and the use of past tenses in Old Russian chronicle writing. Author's abstract of the cand. diss.]. Moscow: Vinogradov Institute of the Russian Language, 2003.]
- Плунгян 2008 — Плунгян В. А. Предисловие: дискурс и грамматика // Плунгян В. А., Гусев В. Ю., Урманчиева А. Ю. (ред.). Исследования по теории грамматики. Вып. 4: Грамматические категории в дискурсе. М.: Гнозис, 2008. С. 7—36. [Plungian V. A. Preface: discourse and grammar. *Issledovaniya po teorii grammatiki*. No. 4: *Grammaticheskie kategorii v diskurse*. Plungian V. A., Gusev V. Yu., Urmanchieva A. Yu. (eds.). Moscow: Gnozis, 2008. Pp. 7—36.]
- Семереньи 1980 — Семереньи О. Введение в сравнительное языкознание. М.: Прогресс, 1980. [Szeмерényi O. *Vvedenie v sravnitel'noe yazykoznanie* [Introduction to comparative linguistics]. Moscow: Progress, 1980.]
- ССС — Старославянский словарь (по рукописям X—XI веков) / Под ред. Цейтлин Р. М., Вечерки Р., Благовой Э. М.: Русский язык, 1999. [*Staroslavjanskii slovar' (po rukopisyam X—XI vv.)*] [The Old Church Slavonic dictionary (based on manuscripts of the X—XI centuries)]. Tseitlin R. M., Veчерka R., Blagova E. (eds.). Moscow: Russkii Yazyk, 1999.]
- Страхова 2008 — Страхова О. Б. Рекоша дружина Игорев... К статье А. А. Гиппиуса о лингвотекстологической стратификации Начальной летописи // *Palaeoslavica*. 2008. Т. XIV. № 2. С. 217—258. [Strakhova O. B. Druzhina said to Igor... To the article by A. A. Gippius on linguotextological stratification of the Primary chronicle. *Palaeoslavica*. 2008. Vol. XIV. No. 2. Pp. 217—258.]
- Страхова 2011 — Страхова О. Б. Аугментный имперфект и две нормы: новый взгляд в свете статистических данных // *Palaeoslavica*. 2011. Т. XIX. № 2. С. 240—293. [Strakhova O. B. The augment imperfect and two norms: A new approach in the light of statistical data. *Palaeoslavica*. 2011. Vol. XIX. No. 2. Pp. 240—293.]
- Тимберлейк 1997 — Тимберлейк А. Аугмент имперфекта в Лаврентьевской летописи // Вопросы языкознания. 1997. № 5. С. 66—86. [Timberlake A. The augment of the imperfect in the Laurence chronicle. *Voprosy jazykoznanija*. 1997. No. 5. Pp. 66—86.]
- Фасмер — Фасмер М. Этимологический словарь русского языка. Т. I—IV. М.: Прогресс, 1986—1987. [Fasmer M. *Etimologicheskii slovar' russkogo yazyka* [The Russian etymological dictionary]. Vol. I—IV. Moscow: Progress, 1986—1987.]
- Шевелева 2015 — Шевелева М. Н. Заметка об имперфекте совершенного вида // <http://www.inslav.ru/zaluzniak80/congratulations/Sheveleva.pdf> [Sheveleva M. N. *Zametka ob imperfekte sovershennogo vida* [A note on the perfective imperfect]. Available at: <http://www.inslav.ru/zaluzniak80/congratulations/Sheveleva.pdf>]
- Ягич 1883 — Памятник глаголической письменности. Мариинское четвероевангелие с примечаниями и приложениями. Труд И. В. Ягича. СПб.: Тип. имп. Академии наук, 1883. [*Pamyatnik glagolicheskoi pis'mennosti. Mariinskoe chetveroevangelie s primechaniyami i prilozheniyami. Trud I. V. Yagicha* [An ancient glagolitic manuscript. Codex Marianus with notes and appendices. Prepared by I. V. Yagich. St. Petersburg: Tip. Imp. Akademii nauk, 1883.]
- Fortuin, Kamphuis 2015 — Fortuin E., Kamphuis J. The typology of Slavic aspect: A review of the East-West theory of Slavic aspect. *Russian Linguistics*. 2015. Vol. 39. No. 2. Pp. 163—208.

- Mehlig 2013 — Mehlig H. R. Неисчисляемая собирательность в области глагольных предикатов. О конативности в русском языке // Nilsson M., Zorikhina Nilsson N. (eds.). Семантический спектр славянского вида. IV Конференция Комиссии по аспектологии Международного комитета славистов. Гётеборгский университет, 10—14 июня 2013 г. Göteborg, Göteborgs Universitet, 2013. Ss. 102—104. [Mehlig H. R. Noncount collective meaning with regard to verbal predicates. On conativity in Russian. *Semanticheskii spektr slavyanskogo vida. IV Konferentsiya Komissii po aspektologii Mezhdunarodnogo komiteta slavistov. Goteborgskii universitet, 10—14 iyunya 2013 g.* Nilsson M., Zorikhina Nilsson N. (eds.). Göteborg, Göteborgs Universitet, 2013. Pp. 102—104.]
- Poldauf 1956 — Poldauf I. Indo-European personal endings. A study of the channels of morphological development. *Zeitschrift für Phonetik und allgemeine Sprachwissenschaft*. 1956. Vol. 9 (2). Pp. 156—168.
- SJS — *Slovník jazyka staroslověnského*. T. I—IV. Praha: Academia, 1956—1997.
- Stoll 2000 — Stoll S. On the desinence {-t^(*)} of the Early East Slavic imperfect. *Russian Linguistics*. 2000. Vol. 24. Pp. 265—285.
- Vondrák 1912 — Vondrák W. *Altkirchenslavische Grammatik*. Berlin: Weidmannsche Buchhandlung, 1912.

Статья поступила в редакцию 20.08.2015.

СТРУКТУРА И ИНТЕРПРЕТАЦИЯ НЕНЕЦКОГО ГЛАГОЛА: АКТАНТНО-АКЦИОНАЛЬНЫЕ КЛАССЫ И ТИПЫ СПРЯЖЕНИЯ*

© 2016 г. Сергей Георгиевич Татевосов

МГУ им. М. В. Ломоносова, Москва, 119991, Российская Федерация; Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Москва, 101000, Российская Федерация
tatevosov@gmail.com

В статье предлагается актантно-акциональная классификация непроизводных глаголов ненецкого языка и выявляются особенности взаимодействия событийной структуры глагольной основы с доступным для нее типом спряжения.

Ключевые слова: актантная структура, акциональный класс, вид, время, глагольная деривационная морфология

STRUCTURE AND INTERPRETATION OF TUNDRA NENETS VERBS: EVENTUALITY TYPES AND CONJUGATION CLASSES

Sergei Tatevosov

Lomonosov Moscow State University, Moscow, 119991, Russian Federation; National Research University «Higher School of Economics», Moscow, 101000, Russian Federation
tatevosov@gmail.com

The paper explores the actionality and argument structure of non-derived verbs in Tundra Nenets and identifies the mechanisms of interaction between the event structure specified for a verb stem and the conjugation types licensed for that stem.

Keywords: argument structure, actionality, aspect, tense, verbal derivational morphology

1. Введение

В этой статье излагается первая часть результатов проекта, цель которого — дать общую характеристику ненецкого глагола¹.

* Исследование, результаты которого изложены в этой статье, выполнено за счет гранта Российского научного фонда (проект №16-18-02081) на МГУ имени М.В. Ломоносова.

¹ Статья опирается на данные по малоземельскому говору тундрового диалекта ненецкого языка в варианте п. Нельмин Нос (Ненецкий автономный округ), собранные в ходе экспедиций отделения теоретической и прикладной лингвистики филологического факультета МГУ в 2003—2005 гг. В экспедициях в разные годы участвовали Лев Блюменфельд, Екатерина Волович, Николай Воронцов, Филипп Дудчук, Павел Иосад, Наталья Зевахина, Денис Иванов, Михаил Иванов, Дарья Кавицкая, Екатерина Лютикова, Ирина Николаева, Анна Пазельская, Петр Староверов, Сергей Татевосов, Мария Цюрупа, Андрей Шлуинский, Елена Ханина, Ольга Ханина. Наблюдения и обобщения, изложенные здесь, стали возможны благодаря совместным усилиям всех участников экспедиции, в особенности тех, кто занимался сбором материала для базы данных по деривационной морфологии

В ненецком языке есть система спряжений, которые называются: субъектное, объектное и возвратное. В отличие от индоевропейских языков, где спряжение — словоклассифицирующий признак, разбивающий глагольные лексемы на непересекающиеся группы, в ненецком глагол в общем случае может спрягаться более чем по одному спряжению. В (1) иллюстрируются три спряжения, доступные для глагола *мадър(ць)* [madər] 'лаять'.

(1) **Субъектное спряжение**

wen'eko madlŋa²
wenyeko madər-nga
собака лаять-GFS.3SGS
'Собака лает'.

(2) **Объектное спряжение**

wen'eko ŋlɕ'ekim madlŋada
wenyeko ngɔcyeki°-m madər-nga-da
собака мальчик-ACC лаять-GFS.3SGO
'Собака облаяла мальчика'.

(3) **Возвратное спряжение**

wen'eko madlŋj²
wenyeko madər-y°-q
собака лаять-SFS.3SGF
'Собака залаяла'.

Выбор спряжения имеет семантические последствия для актантной структуры и акционально-видовой характеристики предикации. (1)–(3) показывают наименее морфологически маркированную форму Аориста³ в каждом из спряжений. У глагола *мадър(ць)* [madər] 'лаять' в объектном и возвратном спряжениях она предельна и перфективна, а в субъектном спряжении — непредельна и имперфективна. В субъектном и возвратном спряжениях создается непереходная клауза с единственным актантом, в объектном спряжении — переходная

ненецкого языка (см. Приложение 1). Мыслью о том, что занятия ненецким полевым языкознанием не лишены содержания и не полностью безнадежны, автор обязан совместной работе с Екатериной Лютиковой, Денисом Ивановым, Михаилом Ивановым, Дарьей Кавицкой, Анной Пазельской и Андреем Шлуинским.

Автор выражает искреннюю и бесконечно глубокую благодарность информантам-переводчикам А. Г. Апицной, Е. Н. Ардеевой, М. И. Канюковой, В. П. Марюевой, К. П. Талеевой, Е. Н. Тайбарей и М. К. Тайбарю, общение с которыми навсегда останется источником надежды и оптимизма.

Автор признателен анонимному рецензенту «Вопросов языкознания» за внимательное отношение к статье.

² Здесь и далее мы придерживаемся следующих принципов представления материала. Примеры предложений, такие, как (1), состоят из четырех строк: фонетической записи, фонематической записи, которая следует принципам и описательным решениям Т. Салминена [Salminen 1997; 1998], подстрочной поморфемной глоссы, русского перевода. Фонетическая запись опирается на описание фонетики исследуемого говора, предложенное в [Kavitskaya, Staroverov 2010]. Отдельные ненецкие слова и морфемы, упоминаемые в тексте, приводятся с словарной форме по [Терещенко 1965]; в квадратных скобках дается запись Т. Салминена, например, *мадър(ць)* [madər]. Показатель модального герундия -сь [syø] (вар. -ць, -зь), используемый в словарном представлении ненецких глаголов в [Терещенко 1965], приводится в скобках, но только в кириллической записи. Дистрибуция вариантов -сь, -зь и -ць определяется фонологически, см. [Salminen 1997]. Условные сокращения см. в разделе Список сокращений.

³ Здесь и далее мы придерживаемся соглашения, предложенного Б. Комри. С заглавной буквы записываются названия конкретно-языковых форм и категорий (Аорист в ненецком языке, Перфект в немецком языке и т. п.). Написание со строчной буквы практикуется при обозначении межъязыковых категориальных значений, известных также как элементы универсального грамматического набора (перфектив, комплетив, эксаугустив и т. п.).

клауза с аккузативным прямым дополнением⁴. У других глаголов те же формы могут иметь другие актантные свойства и акциональную интерпретацию.

Дальнейшее изложение организовано следующим образом. В разделе 2 мы опишем предмет и приемы актантно-акциональной классификации для ненецкого языка. Разделы 3 и 4, центральные для этого исследования, целиком посвящены определению актантно-акциональных классов производных глагольных основ и описанию их взаимодействия с тремя спряжениями. Основные обобщения суммированы в разделе 5.

2. Лексическая классификация производных глаголов

Актантно-акциональная классификация, предлагаемая в этом разделе, — это классификация глаголов, не содержащих в своем составе ни одного из продуктивных деривационных показателей — Инхоатива, Фреквентатива, Дуратива, Имперфектива, Каузатива, см. [Терещенко 1965; Salminen 1997; 1998; Шлуинский 2004; Буркова 2010; Татевосов 2015a] среди прочих. Такие глаголы далее называются **непроизводными**. Глагольная выборка, на которую опираются последующие обобщения, представлена в Приложении 2. Большая часть глаголов выборки — непроизводные глаголы в узком смысле. Кроме них туда включены глаголы с непродуктивными деривационными показателями, модификаторами структуры события [Татевосов 2015b] и отыменные глаголы. Это решение отражает интуицию, согласно которой интерес для классификации представляют все глагольные лексические единицы, семантика которых невыводима по регулярным правилам из семантики других глагольных лексических единиц, а лексические ограничения непредсказуемы. Отыменные глаголы удовлетворяют этому критерию благодаря своей деривационной истории: на предшествующем шаге деривации они представляют собой не глаголы, а имена. Глаголы с непродуктивной деривационной морфологией попадают в эту же категорию в силу того, что в общем случае характеристики дериватов нельзя предугадать, исходя из свойств производящего глагола. Глаголы, содержащие модификаторы структуры события [Татевосов 2015a], отличаются большей семантической предсказуемостью, однако лексические ограничения на их присоединение пока не удалось сформулировать. Таким образом, непроизводность, о которой идет речь, — это семантическая непроизводность, оторванность глагола от регулярных для исследуемого языка процессов семантической деривации.

2.1. Лично-числовое согласование: три спряжения и показатели основ

Первое впечатление о ненецких спряжениях можно составить по таблице 1, в которой представлена лично-числовая парадигма Аориста глаголов *те-* ‘брать’ и *те-* ‘течь’ [Salminen 1997].

⁴ И. А. Николаева вслед за Т. Салминым (в частности, [Salminen 1997]) пишет, что с точки зрения типа спряжения имеется четыре класса глаголов: непереходные с субъектным спряжением, непереходные с возвратным спряжением, переходные с субъектным и объектным спряжениями, «лабильные» с объектным и возвратным спряжениями [Nikolaeva 2014: 78—79]. Это обобщение верно, однако, лишь с очень большой долей огрубления. Например, в описываемой И. А. Николаевой системе нет места для глаголов типа *мадър(ць)* [madər] ‘лаять’. В действительности, как мы увидим ниже, у ненецкого глагола могут быть представлены любые спряжения в почти любых комбинациях. Информацию о системе ненецких спряжений можно также найти в [Терещенко 1956; 1960; 1973; Ristinen 1973a; 1973b; Hajdú 1988; Körtvély 2005].

Таблица 1

Личные окончания Аориста глаголов *те-* ‘брат’ и *те-* ‘течь’

	SG	DU	PL
Субъектное спряжение			
I лицо	me=dm / me=m? <i>meø=d°m / meø=m°h</i>	me=nī? <i>me°=nyih</i>	me=wa? <i>me°=waq</i>
II лицо	me=n <i>meø=n°</i>	me=dī? <i>me°=dyih</i>	me=da? <i>me°=daq</i>
III лицо	me <i>me°=Ø</i>	meŋa=x? <i>menga=x°h</i>	me=? <i>me°=q</i>
Объектное спряжение с объектом в единственном числе			
I лицо	me=w <i>meø=w°</i>	me=mī? <i>me°=myih</i>	me=wa? <i>me°=waq</i>
II лицо	me=r <i>meø=r°</i>	me=rī? <i>me°=ryih</i>	me=ra? <i>me°=raq</i>
III лицо	me=da <i>me°=da</i>	me=dī? <i>me=dyih</i>	me=do? <i>me°=doh</i>
Объектное спряжение с объектом в двойственном числе			
I лицо	meŋa=xju=n <i>menga=xøyu=n°</i>	meŋa=xju=nī? <i>menga=xøyu=nyih</i>	meŋa=xju=na? <i>menga=xøyu=naq</i>
II лицо	meŋa=xju=d <i>menga=xøyu=d°</i>	meŋa=xju=dī? <i>menga=xøyu=dyih</i>	meŋa=xju=da? <i>menga=xøyu=daq</i>
III лицо	meŋa=xju=da <i>menga=xøyu=da</i>	meŋa=xju=dī? <i>menga=xøyu=dyih</i>	meŋa=xju=do? <i>menga=xøyu=doh</i>
Объектное спряжение с объектом во множественном числе			
I лицо	mejΛ=n <i>mejø=n°</i>	mej=nī? <i>mej°=nyih</i>	mej=na? <i>mej°=naq</i>
II лицо	mejΛ=d <i>mejø=d°</i>	mej=dī? <i>mej°=dyih</i>	mej=da? <i>mej°=daq</i>
III лицо	mej=da <i>mej°=da</i>	mej=dī? <i>mej°=dyih</i>	mej=do? <i>mej°=doh</i>
Возвратное спряжение			
I лицо	tejΛ=w? <i>tejø=w°q</i>	tej=nī? <i>tej°=nyih</i>	tej=na? <i>tej°=naq</i>
II лицо	tejΛ=n <i>tejø=n°</i>	tej=dī? <i>tej°=dyih</i>	tej=da? <i>tej°=daq</i>
III лицо	tej=? <i>tej°=q</i>	tejΛ=x? <i>tejø=x°h</i>	tejΛ=d? <i>tejø=d°q</i>

Как видно из таблицы, выбор лично-числовых показателей (в таблице они отделены от основы символом «=») определяется: в объектном спряжении — лицом и числом подлежащего и числом прямого дополнения⁵, в субъектном и возвратном спряжениях — лицом

⁵ Как видно из таблицы, согласовательный показатель в объектном спряжении кумулятивно кодирует информацию и о подлежащем и о прямом дополнении. Этим ненецкий язык отличается от так называемых языков с полиперсональным спряжением, где за основными синтаксическими актантами зарезервированы отдельные показатели.

и числом подлежащего. Например, словоформа объектного спряжения *мэр* [*meθ=r^o*] ‘ты взял один предмет’ уместна в предложении, где подлежащее — местоимение второго лица единственного числа, а прямое дополнение — именная группа в единственном числе любого лица (кроме, естественно, второго, которое совпадает с лицом подлежащего). Словоформа субъектного спряжения *мэ* [*me^o=q*] сообщает нам, что в предложении представлено подлежащее третьего лица множественного числа, но ничего не сообщает о свойствах прямого дополнения. Это не означает, что прямого дополнения нет. В ненецком языке, как и в русском, глагол ‘взять’ переходен, однако в субъектном спряжении не согласуется с дополнением даже по числу. Согласование только с подлежащим наблюдается и в возвратном спряжении. Подробнее о согласовании в ненецком языке см. [Терещенко 1947] и обширную последующую литературу.

Согласовательные показатели присоединяются к одной из трех основ, называемых **общей финитной, специальной финитной и основной двойственного объекта**. Клетки парадигмы, в которых представлена специальная финитная основа, в таблице выделены более густым затемнением, клетки с основой двойственного объекта заштрихованы, в формах из остальных клеток используется общая финитная основа. Выбор основы, таким образом, зависит от типа спряжения и значений признаков лица и числа для данной словоформы.

Способов образования для каждой из основ существует в общем случае более одного. Например, в таблице 1 общая финитная основа глагола ‘брать’ представлена в двух вариантах: *мэ-* [*me-ø*] и *мэңа-* [*me-nga*]. Основа двойственного объекта этого глагола образуется от общей финитной посредством суффикса *-хаю-* [*xəy*]. Показатель специальной финитной основы: *-й-* [*yø*]. Кроме того, способ образования основы варьирует в зависимости от морфологического класса глагола. Мы не будем входить в дальнейшие морфологические подробности и отсылаем читателя к работам Т. Салминена и последующей литературе.

В следующих разделах мы обратимся к семантическим различиям ненецких спряжений.

2.2. Акциональность и ненецкие спряжения

Для языков среднеевропейского стандарта обычно предлагаются семантические классификации глаголов, опирающиеся на их акциональные характеристики. Такие классификации разбивают глагольные лексемы на группы, известные как семантические типы предикатов, акциональные классы, таксономические категории глагола, типы ситуаций, событийные типы и т. п. (см. обзор имеющихся классификаций в [Татевосов 2010]). Членство глагола в том или ином классе имеет решающие последствия для его грамматического поведения. Наиболее известна классификация З. Вендлера, выделяющая состояния, деятельности, свершения и достижения. Примеры соответствующих классов в английском языке, для которых эта классификация была впервые предложена, приводятся в (4)–(7).

- (4) **States (состояния):** *desire* ‘желать’, *want* ‘хотеть’, *love* ‘любить’, *believe* ‘верить’, *own* ‘владеть’, *resemble* ‘быть похожим’, *be in New York* ‘быть в Нью-Йорке’.
- (5) **Activities (деятельности):** *run* ‘бежать’, *walk* ‘ходить, гулять’, *write letters* ‘писать письма’, *push a cart* ‘толкать тележку’, *breathe* ‘дышать’.
- (6) **Accomplishments (свершения):** *run a mile* ‘пробежать милю’, *walk to the car* ‘дойти до машины’, *write a letter* ‘написать письмо’, *recite a poem* ‘продекламировать стихотворение’, *grow up* ‘вырасти’, *recover from illness* ‘выздороветь’.
- (7) **Achievements (достижения):** *recognize* ‘узнать, опознать’, *realize* ‘осознать, понять’, *spot* ‘обнаружить’, *identify* ‘идентифицировать’, *find* ‘найти’, *reach the summit* ‘достичь вершины’, *win the race* ‘выиграть гонку’, *cross the border* ‘пересечь границу’, *stop* ‘остановиться, прекратить’, *resume* ‘возобновить’, *be born* ‘родиться’.

Наша цель — выделить семантические типы предикатов, или **актантно-акциональные классы**, в ненецком языке. Перенесение вендлеровских классов (или их модифицированных

вариантов) на ненецкий язык, однако, невозможно ввиду наличия в нем спряжений. Как мы видели, формы спряжений одного и того же глагола могут различаться и актантной структурой и акциональными свойствами. Субъектное спряжение в (1) неопределенно и имперфективно, а объектное и возвратное в (2)—(3) — предельны и перфективны. К какому из вендлеровских классов следует отнести глагол ‘лаять’, становится непонятно.

Картина осложняется тем, что подавляющее большинство глаголов совместимо не с тремя, а с двумя или только с одним типом спряжения, что значительно осложняет их сопоставление и классификацию. В отличие от ‘лаять’, например, глагол *тәна(сь)* [təna] ‘подниматься’ допускает только возвратное спряжение⁶:

- (8) was'a xojʔ n̄iʔ t̄əneʔ
 wasya xoy^o-h nyih t̄əne-y^o-q
 Вася гора-GEN на подниматься-SFS-3SGF
 ‘Вася поднялся на гору’.

- (9) *was'a xojʔ n̄iʔ t̄əna
 wasya xoy^o-h nyih t̄əna-^o
 Вася гора-GEN на подниматься-GFS.3SGS
 ‘Вася поднялся на гору’.

Классификация глаголов, соответственно, сталкивается с дополнительной проблемой: как корректно сравнивать глаголы, у которых состав доступных спряжений не совпадает.

В языках средневропейского стандарта ничего подобного не наблюдается. Чтобы выделить классы ненецких глаголов, членство в которых предопределяет их грамматическое поведение, процедуру классификации необходимо видоизменить. Следуя идеологии акциональной классификации, предложенной в [Татевосов 2016], мы будем исходить из того, что выделение глагольных классов должно опираться на семантическое поведение их словоформ в составе полностью развернутых предикаций.

Прежде чем перейти к изложению приемов классификации, введем важное вспомогательное понятие — понятие **тривиального и нетривиального субъектного спряжения**. Как мы уже видели, в ненецком языке субъектное спряжение морфологически противопоставлено объектному. Для них верно следующее обобщение, проиллюстрированное примерами (11)—(12):

- (10) Если глагол переходен и допускает образование клаузы, в которой он представлен в объектном спряжении, он допускает и образование такой клаузы в субъектном спряжении, которая идентична первой с точки зрения актантной структуры и акциональных характеристик⁷.

- (11) was'a peʔam jūta
 wasya peʔa-m yūt̄o-^o
 Вася Петя-ACC бить-GFS.3SGS
 ‘Вася избил Петю’.

- (12) was'a peʔam jūt̄ada
 wasya peʔa-m yūt̄o-^o-ta
 Вася Петя-ACC бить-GFS-3SGO
 ‘Вася избил Петю’.

⁶ Согласно [Терещенко 1965], этот глагол допускает и субъектное спряжение. Носители исследуемого диалекта, однако, квалифицируют (9) как неграмматичное.

⁷ Это не значит, что два типа клауз идентичны и в прочих отношениях. Напротив, синтаксис тех и других существенно различается. В субъектном спряжении, в частности, прямое дополнение размещается перед финитным глаголом и не может отделяться от него никаким другим материалом. По всей вероятности, это указывает на то, что возможность передвижения прямого дополнения из исходной позиции в глагольной группе коррелирует с наличием согласования, но не с его морфологическим оформлением. См. обсуждение в [Nikolaeva 2014].

В (11) представлено субъектное спряжение, в (12) — объектное. И там и там мы видим тождественный состав актантов с одинаковым морфологическим оформлением. И в том и в другом случае предложение предельно, а форма Аориста описывает кульминирующую ситуацию в прошлом. Формы субъектного спряжения, которые подчиняются обобщению в (10), мы называем **тривиальными** — в том смысле, что как их наличие, так и свойства тривиально предсказываются формами объектного спряжения.

Существуют и **нетривиальные** формы субъектного спряжения. У переходных глаголов они отличаются от форм объектного спряжения с точки зрения актантной структуры и/или предельности. Как наличие таких форм, так и их характеристики в общем случае из форм объектного спряжения невыводимы. У глагола 'лгать' в (1), например, субъектное спряжение, в отличие от объектного, непереходно и непредельно.

У непереходных глаголов субъектное спряжение всегда нетривиально — в том смысле, что его наличие и свойства нельзя предсказать, опираясь на формы объектного спряжения, ввиду отсутствия последнего.

Для исследования лексических классов ненецкого глагола и его событийной структуры интерес представляют именно нетривиальные формы субъектного спряжения, и именно они обсуждаются в последующих частях этого раздела. Когда мы говорим об отсутствии у глагола субъектного спряжения, мы имеем в виду отсутствие нетривиального субъектного спряжения. Если речь идет о свойствах субъектного спряжения, то это опять-таки свойства нетривиального спряжения.

2.3. Приемы классификации

Основанием для отнесения глаголов к одному классу мы будем считать тождество их **акциональной матрицы**. Формат акциональной матрицы показан в (13):

(13) **Формат акциональной матрицы**

Спряжение	S	sO	R
Предельность	[...]	[...]	[...]

В (13) S соответствует нетривиальному субъектному, sO — тривиальному субъектному и объектному, R — возвратному спряжению. Многоточия в строке «Предельность» могут принимать три значения: [T] — предельность (telicity), [A] — непредельность (atelicity), [—] — словформа отсутствует. Например, глагол 'лгать', с которого мы начали обсуждение, имеет матрицу в (14):

(14) **Акциональная матрица глагола 'лгать'**

Спряжение	S	sO	R
Предельность	[A]	[T]	[T]

Матрица содержит в сжатом виде основную информацию об акциональности и актантной структуре глагола. Мы видим, что глагол способен создавать и переходную клаузу (поскольку у него нет прочерка в столбце sO) и непереходные (поскольку заполнены столбцы S и R). Кроме того, для каждого из спряжений известно, будет ли клауза предельной или непредельной (и, тем самым, перфективной или имперфективной⁸).

Опираясь на акциональную матрицу как на единственное основание для классификации, мы выделяем 12 классов непроеизводных глаголов, которые перечислены в (15)—(16):

⁸ В этом отношении ненецкий глагол похож на русский. Как и в русском, предельность сцеплена с видом, а вид — с временной интерпретацией. Наименее морфологически маркированная форма, которую в грамматиках обманчиво называют Аористом, имеет временную референцию к прошлому в перфективных предельных предикациях. Имперфективные непредельные предикации в Аористе описывают ситуации, длящиеся в момент речи.

- (15) **Непереходные**
- предельные S-глаголы
 - непредельные S-глаголы
 - (предельные) R-глаголы
 - ингрессивно-непредельные S-R-глаголы
 - ингрессивно-предельные S-R-глаголы
 - предельные S-R-глаголы
- (16) **Переходные**
- непредельные sO-глаголы
 - предельные sO-глаголы
 - предельные sO-R-глаголы
 - ингрессивно-непредельные sO-R-глаголы
 - ингрессивно-предельные sO-R-глаголы
 - S-sO-R-глаголы

В разделах 3 и 4 классы обсуждаются по порядку; основные обобщения о непереходных глаголах приводятся в разделе 3, о переходных — в разделе 4.

3. Непереходные глаголы

3.1. Классификация

Непереходные глаголы характеризуются, как следует из названия, невозможностью использовать их в составе переходной клаузы, что обуславливает отсутствие у них форм объектного спряжения. Первые три класса в списке (15) имеют формы только одного спряжения — субъектного или возвратного, остальные — формы обоих непереходных спряжений.

Непереходные непредельные S-глаголы имеют акциональную матрицу, которая показана в (17):

- (17) **Непереходные непредельные S-глаголы**

Спряжение	S	sO	R
Предельность	[A]	[—]	[—]

В этот класс входят глаголы *ядă(сь)* [yadø] ‘гулять’, *хонё(сь)* [xonyo] ‘спать’, *йбе(ць)* [yĩbyeq] ‘быть умным’, *со(сь)* [so] ‘быть слышимым’, *ңадй(сь)* [ngødyø] ‘быть видимым, виднеться’⁹. Они имеют только форму субъектного спряжения и обозначают ситуации, не предполагающие кульминации, причем как состояния, так и непредельные процессы, в том числе агентивные. В вендлеровской терминологии такие глаголы относятся к состояниям и деятельности. Их Аорист описывает длящуюся ситуацию в настоящем, как показано в (18) для глагола *ңадй(сь)* [ngødyø] ‘быть видимым, виднеться’:

- (18) was'a ɲad'i
 wasya ngødyi
 Вася быть.видимым.GFS.3SGS
 ‘Васю видно’.

Непереходные предельные S-глаголы также имеют только формы субъектного спряжения, однако отличаются тем, что обозначают ситуации, достигающие кульминации:

⁹ Краткость/долгота гласного, отмечаемая в словаре Н. М. Терещенко [1965] при помощи бревиса или его отсутствия соответственно, например, *ңадй*, в отдельных случаях не соответствует данным Т. Салминена [Salminen 1998], например, [ngødyø]. В дальнейшем такие случаи специально не оговариваются.

(19) **Непереходные предельные S-глаголы**

Спряжение	S	sO	R
Предельность	[T]	[—]	[—]

В нашей выборке в группу предельных S-глаголов входят *хэ(сь)* [xæ] ‘уходить’, *мо(сь)* [to] ‘приходить’, *тю(сь)* [tyu] ‘входить’, *ха(сь)* [xa] ‘умирать’, *пи(сь)* [pyi] ‘вариться’, *лохом(зь)* [loxoŋ] ‘закипать’, *мăльё(сь)* [møly°yo] ‘ломаться’, *ёхо(сь)* [yoxo] ‘теряться’, то есть и агентивные и пациентивные одноместные глаголы. Как всегда в комбинации с предельной основой, Аорист описывает наступление кульминации и имеет временную референцию к прошлому. Две иллюстрации показаны в (20)—(21).

- (20) was'a ха
 wasya ха-°
 Вася умирать-GFS.3SGS
 ‘Вася умер’.

- (21) was'a školan? to
 wasya škola-n°h to-°
 Вася школа-DAT приходить-GFS.3SGS
 ‘Вася пришел в школу’.

Непереходные R-глаголы могут быть только предельными. Их акциональная матрица показана в (22):

(22) **Непереходные R-глаголы**

Спряжение	S	sO	R
Предельность	[—]	[—]	[T]

В нашей выборке такой акциональной матрицей характеризуются глаголы *ңамдă(сь)* [ŋamtø] ‘садиться’, *тăна(сь)* [tøna] ‘подниматься, взбираться’, *ңохол(ць)* [ŋoxøl] ‘начинать плыть’, *тум(зь)* [tum] ‘загораться’¹⁰, *мăйм(зь)* [møym] ‘начинать радоваться’, *сара(сь)* [sara] ‘лопаться, прорываться’, *панă(сь)* [paŋø] ‘наполняться’, *тăрпă(сь)* [tørpø] ‘выходить’, *хона(сь)* [xona] ‘засыпать, ложиться спать’, *сăлць* [søl] ‘возвращаться’. Как и среди предельных S-глаголов, в этом списке представлены и агентивные (‘садиться’, ‘подниматься’, ‘выходить’, ‘возвращаться’, ‘ложиться спать’) и пациентивные предельные процессы (‘наполняться’), к которым примыкают пунктивные глаголы ‘лопаться’ и ‘загораться’, а также глагол ‘начинать радоваться’, описывающий вхождение в состояние ‘радоваться’. С точки зрения градуальности изменения состояния непереходные R-глаголы также не образуют естественного класса. Среди них мы видим и ‘лопаться’, предполагающий дискретный переход из исходного состояния в результирующее, и ‘взбираться’, у которого приближение к результирующему состоянию, наступающему при достижении конечной точки пути, происходит градуально. (23) показывает пример Аориста глагола *панă(сь)* [paŋø] ‘наполняться’.

- (23) ńęgalnzı'a paŋi?
 ńyerøncyø paŋi-q
 ведро наполняться.SFS-3SGF
 ‘Ведро наполнилось’.

Распределение предельных глаголов между S- и R-классами, по-видимому, следует признать словарным. Во всяком случае, оснований для того, чтобы сгруппировать такие глаголы в естественные классы по какому-либо отчетливому семантическому (агентивность,

¹⁰ В [Терещенко 1965: 675] глагол *тум(зь)* [tum] ‘загораться’ приводится в форме субъектного спряжения. В нашей базе данных такая возможность отмечена у одного из носителей, но и у него она сосуществует с формой возвратного спряжения. В идиоме таких носителей глагол, соответственно, попадает в класс предельных S-R-глаголов, обсуждаемых ниже.

пунктивность, характер результирующей ситуации) или морфосинтаксическому (неаккузативность, неэргативность) параметру не просматривается. В этом смысле особенно характерна пара идентичных с точностью до вектора перемещения глаголов ‘входить’ и ‘выходить’, реализующих себя в составе клаузы с помощью разных спряжений.

- (24) was'a komnatan? t̪u
 wasya komnata-n^oh t̪u-^o
 Вася комната-DAT войти-GFS.3SGS
 ‘Вася вошел в комнату’.
- (25) was'a xardxanən t̪rpi?
 wasya xar^odō-xōna-n t̪rpi-q
 Вася дом-LOC-1SG выйти.SFS-3SGT
 ‘Вася вышел из моего дома’.

Если три предыдущих класса непереходных глаголов отличались тем, что допускали лишь одно из двух непереходных спряжений, следующие три класса реализуют обе возможности. Как **ингессивно-непредельные**, так и **ингессивно-предельные** глаголы приемлемы и в субъектном и в возвратном спряжениях. Различие связано с интерпретацией субъектных форм.

Ингессивно-непредельные S-R-глаголы в субъектном спряжении непредельны. Аорист субъектного спряжения описывает длящийся в момент речи процесс или состояние. Аорист возвратного спряжения вводит в рассмотрение вхождение в этот процесс/состояние. Акциональная матрица таких глаголов дается в (26):

- (26) **Ингессивно-непредельные S-R-глаголы**
 Спряжение S sO R
 Предельность [A] [—] [T]

Представленные в нашей выборке ингессивно-непредельные S-R-глаголы глаголы перечислены в (27), где показаны также интерпретации Аориста в формах обоих спряжений.

С точки зрения стативности/динамичности класс неоднороден. Непредельное субъектное спряжение содержит описания и процессов (например, ‘есть суп’, букв. ‘суповать’ от *евэй* [yewey^o] ‘суп’) и состояний (например, ‘быть опухшим’). Во всех случаях, однако, значение субъектного спряжения — это ситуация, наступающая после кульминации другой ситуации, той, которую вводит в рассмотрение возвратное спряжение, и представляющая собой ее результат. Класс ингессивно-непредельных S-R-глаголов иллюстрируется в (28a—b).

(27) Глагол	Лексическое значение	Интерпретация S	Интерпретация R
<i>евэйн(зь)</i> [yeweyəh]	‘есть суп’	‘ест суп’	‘начал есть суп’
<i>енер(ць)</i> [enyer]	‘стрелять,
начинать стрелять’	‘стреляет’	‘начал стрелять’
<i>иле(сь)</i> [yilye]	‘жить, быть живым’	‘живет, [есть] живой’	‘ожил’
<i>инзеле(сь)</i> [yincyelye]	‘слушать’	‘слушает’	‘начал слушать’
<i>лахана(сь)</i> [laxəno]	‘говорить, заговаривать’	‘говорит’	‘заговорил’
<i>мйә(сь)</i> [møyə]	‘радоваться,
обрадоваться’	‘радуется’	‘обрадовался’ ¹¹

¹¹ Основы на *o*, согласно Т. Салминену, бывают альтернирующими и неальтернирующими. Соответственно, они подчиняются разным правилам образования общей и специальной финитной основ. В случае «альтернирующего *o*», общая и специальная финитная основы совпадают. Обе образуются «заменой конечного гласного на *i*» [Salminen 1998: 532]. Если *o* не альтернирует, общая финитная основа, как и у любых глаголов на гласный, образуется присоединением еще одного *o*. Специальная финитная основа для неальтернирующего *o*, однако, образуется отдельным правилом, которое предписывает заменить *o* на *i* и только после этого добавить еще один *o* [Ibid.: 533]. В результате у таких основ в ауслауте общей финитной основы в составе 3sg Аориста фонетически реализуется *l*, а в специальной финитной основе — *i*. Специальная финитная основа для альтернирующего

Глагол	Лексическое значение	Интерпретация S	Интерпретация R
<i>ңамдѐ(сь)</i> [ngamtyo]	‘сидеть’	‘сидит’	‘сел’
<i>ңохолѐ(сь)</i> [ngoxoɬo]	‘плыть, начинать плыть’	‘плывет’	‘поплыл’
<i>пае(сь)</i> [paye]	‘быть опухшим’	‘[есть] опухший’	‘опух’
<i>пйнѐ(сь)</i> [pyino]	‘бояться, пугаться’	‘боится’	‘испугался’
<i>писян(зь)</i> [pyisyoh]	‘смеяться’	‘смеется’	‘засмеялся’
<i>сюрѐ(сь)</i> [syúyo]	‘быть спрятанным’	‘[есть] спрятан’	‘спрятался’
<i>ти(сь)</i> [tyi]	‘лететь, взлетать’	‘летит’	‘взлетел’
<i>тэбѐлѐ(сь)</i> [teboɬo]	‘быть редким, редеть’	‘[есть] редок, редет’	‘начал редеть’
<i>хойда(сь)</i> ¹² [xoɥ°dø]	‘махать, замахать’	‘машет’	‘замахал’
<i>хойса(сь)</i> [xoɥ°sa]	‘махать’	‘машет’	‘замахал’

- (28) a. was'a sarmikaxɬd pñɬɬ
 wasya sarmikø-xød° pyino-°
 Вася волк-ABL бояться-GFS.3SGS
 ‘Вася боится волка’.
- b. was'a sarmikaxɬd pñni?
 wasya sarmikø-xød° pyini-°-q
 Вася волк-ABL бояться-SFS-3SGI
 ‘Вася начал бояться / испугался волка’.

и неальтернирующего *ø* тем самым фонетически (хотя и не фонологически) совпадает (*i* в обоих случаях), а общая различается (*ɬ* vs. *i*).

Имея в виду этот факт, мы можем прийти к выводу, что, по крайней мере, у некоторой части ненецких глаголов с основой на *ø* его альтернирующий статус варьирует. Для глагола *мѐй(сь)* [møɥø] ‘радоваться’ носители допускают два фонетических варианта 3SG Аориста субъектного спряжения: *мая-* [mɬɬ] и *маи* [mɬji] и один вариант возвратного — *маи* [mɬjiq]. Ровно такая дистрибуция и ожидается, если *ø* может интерпретироваться и как альтернирующий и как неальтернирующий:

(i)	Основа
с неальтернирующим <i>ø</i>	Основа
с альтернирующим <i>ø</i>
Аорист 3SG субъектного спряжения	mɬɬ [møɥø-°]	mɬji [møji]
Аорист 3SG возвратного спряжения	mɬjiq [møji-°-q]	mɬjiq [møji-q]

Как видно из (i), форма возвратного спряжения mɬjiq реализует две различные фонологические структуры: [møɥi-q] (SFS с альтернирующим *ø*) и [møɥi-°-q] (SFS с неальтернирующим *ø*).

Проблема, однако, состоит в том, что формы субъектного спряжения *мая* [møɥø-°] (от основы с неальтернирующим *ø*) и *маи* [møɥi] (от основы с альтернирующим *ø*) различаются семантически. Первая неопредельна — ‘обрадован, радуется’, вторая предельна — ‘обрадовался’. Это видно, в частности, благодаря тесту на сочетаемость с кванторными обстоятельствами типа ‘каждое утро’:

- (ii) (xusuwej xūw?) was'a mɬɬɬ
 xusuwey° xūw°h wasya møɥø-°
 каждый утро Вася радоваться-GFS.3SGS
 ‘(Каждое утро) Вася радуется’.
- (iii) (*xusuwej xūw?) was'a mɬji
 xusuwey° xūw°h wasya møɥi
 каждый утро Вася радоваться.GFS.3SGS
 ‘(Каждое утро) Вася обрадовался’.

Становится очевидно, что «альтернация» имеет семантические последствия и не может анализироваться как (морфо-)фонологическая операция. Перед нами морфологически маркированная семантическая деривация, а значит, модификация событийной структуры в ненецком языке устроена еще более многоступенчато, чем предполагалось до сих пор.

Практическое последствие для классификации также просматривается: перед нами возникают две основы, попадающие в разные классы. Основа с неальтернирующим *ø*, которая реализуется в неопредельном предложении в (ii), отправляется в ингессивно-неопредельный S-R-класс, тогда как альтернирующий *ø*, создающий предельное предложение в (iii), ведет ее в ингессивно-предельный.

¹² Глагол не представлен в [Терещенко 1965] и [Salminen 1998].

Класс **ингессивно-предельных S-R-глаголов**, акциональная матрица которого показана в (29), отличается от предыдущего интерпретацией форм субъектного спряжения. Они описывают кульминацию процесса, начало которого вводится в рассмотрение возвратным спряжением. Глаголы этого класса и их интерпретации показаны в (30) и проиллюстрированы в (31).

(29) **Ингессивно-предельные S-R-глаголы**

Спряжение	S	sO	R
Предельность	[T]	[—]	[T]

(30) Глагол	Лексическое значение	Интерпретация S	Интерпретация R
<i>ёрем(зь)</i> [yoryem] ¹³	‘углубляться’	‘углубился’	‘начал углубляться’
<i>тыра(сь)</i> [tira]	‘сохнуть’	‘высох’	‘начал сохнуть’
<i>хъним(зь)</i> [xõnyim]	‘замерзать’	‘замерз’	‘начал замерзать’
<i>нъдара(сь)</i> [ngõdarõ]	‘рваться’	‘порвался’	‘начал рваться’

(31) a. <i>tec'a?</i> <i>tira</i>	b. <i>tec'a?</i> <i>tirej?</i>
<i>tæcyah tira-°</i>	<i>tæcyah tire-y°-q</i>
полотенце сохнуть-GFS.3SGS	полотенце сохнуть-SFS-3SGT
‘Полотенце высохло’.	‘Полотенце начало сохнуть’.

Примечательная особенность этих глаголов состоит в том, что, описывая две кульминации, «начальную» и «конечную», непроеизводный глагол не в состоянии ввести в рассмотрение процесс, ведущий от первой ко второй. В (32) это собственно процесс ‘сохнуть’, для описания которого требуется построить Имперфектив:

(32) <i>tec'a?</i> <i>tiran</i>
<i>tæcyah tira-nø-°</i>
полотенце сохнуть-IPFV-GFS.3SGS
‘Полотенце сохнет’.

Это еще одно отличие ингессивно-предельных S-R-глаголов от ингессивно-непредельных. У последних соответствующий процесс или состояние (например, ‘бояться’ в (28a)) обозначается субъектным спряжением непроеизводного глагола, а имперфективные дериваты (в (33) — Дуратив) предпочитают хабитуальную интерпретацию, ср. (28a) и (33):

(33) <i>was'a</i> <i>sarmikaxad</i> <i>p'ĩnamb'i</i>
<i>wasya sarmikø-xød°</i> <i>pyĩnø-mpyi</i>
Вася волк-ABL бояться-DUR.GFS.3SGS
‘Вася боится волков’.

Не менее примечательно и то, что в рассматриваемый класс (насколько можно, конечно, судить по его представителям в (30)) входят исключительно такие глаголы, которым в других языках соответствуют названия предельных процессов. У трех из них лексическое значение требует, а у глагола ‘рваться’ — допускает отсутствие пунктивности: изменение состояния занимает интервал, длительность которого заметно отлична от нуля.

Последний класс непреходных глаголов — **предельные S-R-глаголы** — содержит лексические единицы, имеющие такую же акциональную матрицу, как ингессивно-предельные глаголы в (29):

(34) **Предельные S-R-глаголы**

Спряжение	S	sO	R
Предельность	[T]	[—]	[T]

Однако, в отличие от последних, у которых в субъектном и возвратном спряжениях вводятся в рассмотрение две различающиеся кульминации, у предельных глаголов формы двух спряжений синонимичны. Обе описывают вхождение в новое состояние. Это глаголы

¹³ В [Терешенко 1965] и [Salminen 1998] зафиксирован как *ёрәм(зь)* [yõrøm].

ямбум(зѣ) [yampum] ‘удлиниться’, пѣда(сѣ) [peda] ‘установить’, хѣвѣ(сѣ) [xəwə] ‘падать’, хѣмдум(зѣ) [xəmtum] ‘проливаться’, тим(зѣ) [tɨm] ‘гнить, сгнивать’, ѣдим(зѣ) [ɲədɨm] ‘показываться’. Аорист в обоих случаях интерпретируется как ‘устал’, ‘упал’, ‘пролился’, ‘женился’, ‘сгнил’ и ‘показался’ соответственно. Глагол ‘гнить’ показан в (35a—b):

(35)	a.	xaʎa	tɨmʎa	b.	xaʎa	tɨmjʔ
		xaʎa	tɨmʎ-a		xaʎa	tɨm-y ^o -q
		рыба	гнить-GFS.3SGS		рыба	гнить-SFS-3SGF
		‘Рыба сгнила’.			‘Рыба сгнила’.	

Интуиция носителей языка по поводу примеров, в которых глаголы рассматриваемого класса представлены в двух спряжениях, как в (35), не очень отчетлива. Некоторые рассматривают их как полностью синонимичные. Другие склонны связывать с субъектным и возвратным спряжениями различные импликатуры. В наших данных представлены импликатуры четырех типов, которые перечислены в (36a—b):

- (36) a. Импликатуры возвратного спряжения:
 Описываемая ситуация осуществилась одновременно и быстро.
 Описываемая ситуация осуществилась недавно.
 Описываемая ситуация осуществилась неожиданно.
- b. Импликатура субъектного спряжения:
 Результирующее состояние сохраняется в точке отсчета.

Как и любые импликатуры, (36a—b) можно отрицать, не вызывая логического противоречия. Предложение (35b), например, вне контекста носители склонны интерпретировать так, как показано в (37a). Импликатура, однако, снимается, если в контексте эксплицитно представлена противоречащая ей информация, как в (37b):

- (37) a. K₁: ∅. (35b): Рыба сгнила мгновенно.
 b. K₂: Рыба несколько дней лежала на жаре. В конце концов... (35b): рыба сгнила.

Благодаря примерам типа (37) становится понятно, что указание на скорость протекания, временное расстояние от точки отсчета и т. п. не являются элементом значения соответствующих форм. Поскольку типология грамматических значений в данный момент не располагает устойчивыми данными о том, какие компоненты семантики способны вызывать такие импликатуры и именно в таком составе, мы пока оставляем вопрос о семантическом контрасте в примерах типа (35a—b) открытым.

Следует, наконец, заметить, что в отнесении глаголов к предельному либо ингрессивно-предельному классу наблюдается внутриязыковое варьирование. Например, в то время как большинство опрошенных нами носителей относит глагол хѣмдум(зѣ) [xəmtum] ‘проливаться’ к предельному классу (с интерпретацией Аориста возвратного спряжения ‘пролился’), есть и такие, для которых он попадает в ингрессивно-предельный класс, поскольку та же самая форма обозначает ситуацию ‘политься, начать литься’.

3.2. Обобщения о непереходных глагольных классах

Подведем итоги обсуждения непереходных глаголов. Материал, представленный выше, подводит нас к нескольким обобщениям.

Во-первых, глаголы, которые в других языках обычно относятся к вендлеровским классам состояний или деятельности, в ненецком распределены по двум классам: неопредельных и ингрессивно-неопредельных S-глаголов. Распределение это, по всей видимости, лексически непредсказуемо¹⁴. Характерологическим свойством этих классов выступает неопредельная интерпретация

¹⁴ В этом отношении ненецкий язык, впрочем, не уникален. Как обсуждается в [Татевосов 2016], в тюркских, северокавказских и многих финно-угорских языках распределение между неопредельным

Аориста субъектного спряжения. Верно и более сильное обобщение: неопределенность непереходных глаголов дает о себе знать исключительно в формах субъектного спряжения. Формы возвратного спряжения всегда предельны: они описывают вхождение в состояние или в процесс.

Глаголы, соответствующие вендлеровским непереходным свершениям и достижениям, распределяются между четырьмя оставшимися классами: предельными S-глаголами, (предельными) R-глаголами, предельными S-R-глаголами и ингрессивно-предельными S-R-глаголами. Выше мы отметили, что попадание глагола в предельный R-класс или S-класс выглядит семантически немотивированным. Не просматривается и закономерностей, регулирующих приписывание класса в других случаях. Предельный S-R-глагол 'удлиняться' и ингрессивно-предельный S-R-глагол 'углубляться', например, обозначают процессы со сходной темпоральной и аргументной структурой: и в том и в другом случае происходит изменение параметрического свойства, связанного с пространственными измерениями объекта (соответственно, 'длинный' и 'глубокий'); обоим свойствам соответствуют шкалы, не имеющие максимального значения. Тем не менее Аорист возвратного спряжения у этих глаголов имеет разную интерпретацию ('углубиться' vs. 'начать удлиняться'), что определяет их принадлежность к разным классам.

- (38) a. to jori'emj? b. n'eda jambumj?
 to yoryem-y^o-q nyeda yampum-y^o-q
 озеро углубляться-SFS-3SG дорога удлиняться-SFS-3SG
 'Озеро начало углубляться'. 'Дорога удлинилась'.

Примеры типа (38) не исключают, конечно, возможности того, что приписывание класса все-таки подчиняется семантическим закономерностям. Но они показывают, что, если эти закономерности существуют, их вряд ли стоит искать среди самых очевидных параметров глагольного значения.

Отношения между классами можно представить в виде графа на схеме 1, где стрелка связывает классы отношением «различаться ровно на один параметр». Ингрессивно-непредельные S-R-глаголы, например, устроены как неопределенные S-глаголы с одним отличием: у них есть формы возвратного спряжения с предельным значением. В то же время глаголы этого класса похожи на R-глаголы — с той разницей, что у них есть неопределенные формы субъектного спряжения.

Схема 1. Непереходные глаголы

и ингрессивно-непредельным классами (в терминологии [Татевосов 2015a] — соответственно <P, P> и <EP P, P>) в значительной степени произвольно.

На схеме пунктирной линией обведены две группы глаголов, которые в более привычных языках типа английского соответствуют предельным и непредельным вендлеровским классам — состояниям и деятельности vs. свершениям и достижениям¹⁵.

С учетом того, что распределение предельных непереходных глаголов между тремя классами (S-предельным, R-предельным, S-R-предельным), по-видимому, лексически произвольно, можно сделать следующий шаг. Объединим эти три класса в макроклас непереходных предельных глаголов. После этого схема 1 преобразуется в схему 1' (новый макроклас выделен курсивом).

Схема 1'. Непереходные глаголы

Выстраиваются ли какие-либо обобщения по поводу семантического содержания субъектного и возвратного спряжений? Когда речь заходит о языковых выражениях, проявляющих вариативное семантическое поведение, литература по предмету обычно обсуждает два вопроса: вопрос об инварианте и вопрос об исходности/производности.

На вопрос об инварианте субъектного спряжения, по всей видимости, можно дать отрицательный ответ. Глаголы в субъектном спряжении, которые мы видели, имеют слишком мало общего, чтобы можно было задумываться о положительном ответе, оставаясь в рамках строгих рассуждений. Глаголы в возвратном спряжении, напротив, подчиняются простому семантическому обобщению: всякий раз мы имеем дело с отношением между исходной и результирующей ситуацией, состоянием или процессом. Содержание всех глаголов в Аористе возвратного спряжения состоит в том, что они описывают переход от первой ко второй, совершающийся до момента речи. Все прочие особенности возвратного спряжения представляются вторичными.

Мы склонны ответить отрицательно и на вопрос об исходности и производности. Среди непереходных глаголов есть такие, у которых представлено только субъектное или только возвратное спряжение. Допустив, что одно деривируется от другого, мы оказались бы

¹⁵ Какой теоретический вес имеет тот факт, что внутри этих двух групп распределение глаголов по актантно-акциональным классам в значительной степени не мотивировано их лексическим значением? Анонимный рецензент справедливо отмечает, что образующаяся в результате классификация — это не в полной мере **семантическая** классификация предикатов. С этим невозможно спорить. Мы, однако, не видим, чтобы это могло иметь неприятные последствия для содержательных обобщений о грамматическом поведении ненецких глаголов и их семантической интерпретации. То, что для многих глаголов информация о спряжении невыводима из лексического значения и должна быть элементом словарной спецификации, — не артефакт предлагаемой классификационной процедуры. Это факт, с которым приходится иметь дело любому описанию ненецкой глагольной системы.

в ситуации, когда часть глаголов имеет производную форму, не имея исходной. Это не невозможно. Однако есть более простой анализ, который ничем не хуже: оба деривируются независимо. В отсутствие каких-либо явных свидетельств в пользу деривационной асимметрии двух спряжений мы принимаем этот последний в качестве рабочей гипотезы.

Некоторые грамматические семантисты, возможно, усмотрели бы в представленных выше примерах разные значения «перфективной семантической зоны». О (39) они бы сказали, что Аорист возвратного спряжения описывает начальную фазу ситуации ‘гореть’, то есть имеет «инхоативное» значение, а в (40) — завершающую стадию ситуации ‘наполняться’, то есть имеет, скажем, «комплетивное» значение. (Возможно, впрочем, что в (40), с точки зрения иных грамматических семантистов, представлено «пунктивное» значение, когда речь идет о «свертывании ситуации в точку»). Как на практике отличить «комплетив» от «пунктива», — вопрос довольно запутанный.)

- (39) *pja tumj?*
pya tum-y^o-q
 дерево загораться-SFS-3SG
 ‘Дерево загорелось’.

- (40) *nʲeglanʲɪl pani?*
nyerønɕyø pani-q
 ведро наполняться-SFS-3SG
 ‘Ведро наполнилось’.

Такой подход к делу сталкивается, однако, с многочисленными возражениями.

Решительно против выделения двух значений говорит то, что ни в каком лексическом контексте мы не встречаем их одновременно. (39) не может значить ‘дерево сгорело’, а (40) — ‘ведро начало наполняться’. Однако для по-настоящему неоднозначных граммем это представляется обязательным условием. Таков, например, несовершенный вид в русском языке. Подавляющее большинство глаголов НСВ типа *писать* допускают, по меньшей мере, актуально-длительную (‘пишет в данный момент’) и хабитуальную (‘пишет систематически; характеризуется через участие в ситуации писания’) интерпретации. Ничего подобного не происходит с возвратным спряжением в ненецком языке. «Инхоативность» или «комплетивность» дополнительно распределены по глаголам; ни один не допускает в возвратном спряжении и ту и другую. А дополнительно распределенные единицы / явления — это, как считается, реализации одной и той же сущности.

Есть и более существенное, хотя и менее очевидное семантическое соображение. В (39) мы пытаемся толковать о начальной стадии ситуации горения, а в (40) — о завершающей стадии ситуации наполнения (или о ситуации наполнения, «свернутой в точку»). Это, безусловно, соответствует интуитивному пониманию (39)—(40). Однако именно здесь требуется большая аккуратность в рассуждениях.

С семантической точки зрения как (39), так и (40) — результат применения некоторого оператора из «перфективной семантической зоны» к глагольному предикату. Утверждая, что мы имеем дело с разными операторами («значениями»), назовем их *Inch* и *Compl*, мы утверждаем (41a—b). Согласно исходному предположению, *Inch* выделяет из означаемого предиката «начальные стадии», *Compl* — «конечные».

- (41) a. В (39) оператор *Inch* применяется к предикату *l tum l*.

- b. В (40) оператор *Compl* применяется к предикату *l paŋ l*.

Эмпирическая адекватность анализа в (41) критически зависит от того, что мы знаем о *l tum l* и *l paŋ l*. Если *l tum l* обозначает процесс горения, а *l paŋ l* — процесс наполнения, достигающий кульминации, (41) выглядит правдоподобно. Однако совершенно не из чего не следует, что это так. Вот альтернативный сценарий. *l tum l* обозначает не процесс горения, а вхождение в процесс горения (то есть его значение — не ‘гореть’, а ‘загораться’). *l paŋ l* обозначает вхождение в состояние ‘быть наполненным / полным’. И тот и другой содержат,

по меньшей мере, три компонента: исходную ситуацию, результирующую ситуацию и точку кульминации, разделяющую их. Пока имеет место исходная ситуация, верно, что дерево не горит, а ведро не полно. Как только достигается кульминация, верно, что дерево горит, а ведро полно. И к одному и к другому предикату применяется один и то же оператор, назовем его PFV, смысл которого очень прост: 'кульминация достигнута'¹⁶. Мы получаем ровно тот же результат, что и в (41), не прибегая к размножению операторов из «перфективной зоны». Это неплохо само по себе, имея в виду «лезвие Оккама». Но есть и другое важное преимущество.

PFV лексически не селективен: он соединяется с любым предикатом, который создается на предшествующих стадиях деривации. Напротив, к Inch и Compl, которые дополнительно распределены, должны прилагаться правила, предотвращающие их соединение с «неправильными» предикатами. Inch не должен присоединяться к *!panø!*, а Compl — к *!tum!*. Это ведет теорию к катастрофическому усложнению и делает ее малопривлекательной¹⁷.

Возможен и несколько иной деривационный сценарий, который не предполагает разветвленной номенклатуры значений перфективной семантической зоны. Возвратное спряжение можно представлять себе как морфему, которая, с одной стороны, лицензирует некоторую согласовательную морфологию, а с другой — предъявляет определенные требования к событийной структуре, с которой соединяется. А именно: она желает, чтобы ее аргументом было отношение между двумя ситуациями — исходной и результирующей. Об ингрессивно-непредельных глаголах ('гореть, загореться') мы можем предполагать, что глагольная основа обозначает предикат над состояниями или процессами и не удовлетворяет требованию возвратного спряжения. Вследствие этого исходное значение основы, событийный предикат, любым доступным способом подвергается коэрсии, которая превращает его в отношение между исходными и «инхоативными» ситуациями. Требования возвратного спряжения удовлетворяются, и мы в конечном итоге получаем инхоативную интерпретацию: переход от исходного положения вещей к результирующему ('загореться' и т. п.). Глаголы типа 'наполняться', с другой стороны, имеют то, в чем нуждается возвратное спряжение, с самого начала: они обозначают отношение между изменениями состояния и результирующими состояниями. Как и в первом случае, возвратное спряжение описывает переход от одного к другому¹⁸.

Эксплицитный анализ системы непереходных глаголов потребует, конечно, значительной технической проработки и решения многочисленных содержательных вопросов, возникающих по ходу дела. В пределах этой статьи мы не беремся решать эту задачу и переходим к обсуждению переходных классов.

¹⁶ См. например, [Klein 1995], где предлагается следующая техническая реализация этой идеи: PFV вводит в семантическое представление временной интервал, который одновременно пересекается с исходной и с результирующей ситуациями и тем самым содержит в себе точку кульминации.

¹⁷ Заметим, что в (41) скрывается еще одна логическая ловушка. Говоря, что Inch выделяет начальные стадии из *!tum!*, мы тем самым утверждаем, что эти начальные стадии — компонент семантики *!tum!*. Но если это так, *!tum!* становится акционально неоднозначным: он описывает не только процесс горения, но и вхождение в этот процесс. Следовательно, *!tum!* должен быть способен производить на свет инхоативную интерпретацию и без участия Inch, что, по всей видимости, неверно. В этом месте, во-первых, отношения между аспектуальными граммемами и семантикой глагольного предиката окончательно запутываются, а во-вторых, теория начинает делать сомнительные предсказания о семантике непроизводной глагольной основы.

Разумеется, соображения о «перфективной семантической зоне» верны не только для ненецкого, но и для других языков, в частности, русского. Обсуждение других языков, однако, уведет нас далеко в сторону. Надеемся, читателю уже ясны основные причины нашего скептического отношения к «перфективной семантической зоне», которая, кажется, создает намного больше проблем, чем решает.

¹⁸ При таком взгляде на вещи следует признать, что субъектное спряжение менее требовательно к событийной дескрипции, с которой ему следует соединиться; свойства исходного предиката сохраняются в большей или меньшей неприкосновенности. Именно поэтому в субъектном спряжении мы видим значительно большее событийно-структурное и, в частности, акциональное разнообразие.

4. Переходные глаголы

Определяющее свойство переходных глаголов — наличие у них форм объектного и тривиального субъектного спряжений. Такие глаголы образуют следующие шесть классов, ниже мы повторяем классификацию в (16):

- (16) **Переходные**
- непредельные sO-глаголы
 - предельные sO-глаголы
 - предельные sO-R-глаголы
 - ингрессивно-непредельные sO-R-глаголы
 - ингрессивно-предельные sO-R-глаголы
 - S-sO-R-глаголы

4.1. Классификация

Непредельных sO-глаголов, акциональная матрица которых показана в (42), в выборке относительно немногочисленна.

- (42) **Непредельные sO-глаголы**
Спряжение	S	sO	R
Предельность	[—]	[A]	[—]

Все они — классические вендлеровские состояния и деятельности: *ңате(сь)* [ngøtye] ‘ждать’, *мэне(сь)* [menye] ‘любить’, *тенева́(сь)* [tyenyewø] ‘знать’, *е(сь)* [ye] ‘пасти оленей в ночное время’. Эти глаголы, у которых Аорист объектного спряжения описывает некульминирующие ситуации, имеющие место в точке отсчета, можно рассматривать как переходные аналоги непредельных S-глаголов, показанных в (17)–(18). Глагол *ңате(сь)* [ngøtye] ‘ждать’ иллюстрируется в (43).

- (43)
was'a	mašam	ŋt'ie
wasya	maša-m	ngøtye-°
Вася	Маша-ACC	ждать-GFS.3SGS
- ‘Вася ждет Машу’.

Предельные sO-глаголы — их матрица показана в (44) — образуют более внушительную группу.

- (44) **Предельные sO-глаголы**
Спряжение	S	sO	R
Предельность	[—]	[T]	[—]

К этому классу относятся *ня́”мă(сь)* [nyøqmø] ‘брать, получать’, *мэ(сь)* [me] ‘брать’, *та(сь)* [ta] ‘давать’, *хо(сь)* [xo] ‘находить’, *ё(ць)* [yoq] ‘терять’, *ютă(сь)* [yutø] ‘бить, избивать’, *хăдець* [xødyeq] ‘чесать, царапать’, *мăлă(сь)* [mølyø] и *мăлье(сь)* [mølyøye] ‘ломать’¹⁹, *ңăдă(ць)* [ngødøq] и *ңăдăр(ць)* [ngødøŋ] ‘рвать’, *сарă(ць)* [sarøq] ‘прокалывать’, *есѣда(сь)* [yesyeda] ‘покрывать железом’²⁰. Глагол *мăлă(сь)* [mølyø] иллюстрируется в (45).

- (45)
was'a	s'anakom	mal'ada
wasya	syanako-m	mølyø-°-ta
Вася	игрушка-ACC	ломать-GFS-3SGO
- ‘Вася сломал игрушку’.

¹⁹ Глагол не зафиксирован в [Терещенко 1965] и [Salminen 1998]. Терещенко [1965: 224], однако, приводит дериваты от основы *мăлье-* [mølyøye], в частности, Дуратив *мăльембă(сь)*.

²⁰ В [Терещенко 1965] и [Salminen 1998] глагол представлен как *есѣда(сь)* [yesyada] ‘покрывать железом’. Согласно [Терещенко 1965: 111], допускает также интерпретацию ‘замерзнуть, заледенеть, стать подобным железу’.

Как видно из этого списка, состав класса довольно разнороден. Сюда входят, в частности, глаголы, описывающие изменение обладания ('брать', 'давать'), глаголы поверхностного воздействия ('бить', 'царапать', 'прокалывать'), некоторые глаголы результата в терминологии Б. Левин и М. Раппапорт-Ховав [Rappaport Novav, Levin 1998] ('ломать', 'рвать', 'покрывать железом'), а также глаголы 'находить' и 'терять'.

Межъязыковые аналоги этих глаголов, как правило, также предельны и переходны. Некоторый интерес представляют глаголы результата 'ломать' и 'рвать', которые в других языках систематически допускают образование декаузатива (ср. русск. *рвать* — *рваться*) или участвуют в каузативно-декаузативной альтернации (ср. англ. *tear* 'рвать(ся)'). В ненецком языке большинство таких глаголов относится к другому классу — предельных sO-R-глаголов (см. ниже), у которых переходная клауза реализуется объектным спряжением, а декаузативная — возвратным. Глаголы 'ломать' и 'рвать' такой возможности не допускают. Декаузатив от 'ломать' и 'рвать' реализуется другими дериватами от тех же основ — *мáльĕ(сь)* [møly°yo], *нáдáрĕ(сь)* [ngədøɾø] 'рваться', в которых представлены показатели ĕ [yo] и á [ø], обозначенные в [Татевосов 2015а] как модификаторы структуры события.

Все последующие классы глаголов характерны тем, что помимо форм объектного спряжения, в составе которых глагол входит в переходную клаузу, имеют также формы субъектного и возвратного спряжений, когда клауза непереходна. Рассмотрим их по порядку.

Ингрессивно-непредельные sO-R-глаголы с акциональной матрицей (46) в выборке представлены единственной лексической единицей — *хáрва(сь)* [xøɾwa] 'хотеть'.

(46) **Ингрессивно-непредельные sO-R-глаголы**

Спряжение	S	sO	R
Предельность	[—]	[A]	[T]

Как видно из (47), в объектном спряжении прямое дополнение выступает в аккумулятиве, и предложение описывает состояние. В этом отношении (47а) в точности соответствует непредельным sO-глаголам, см. (42)—(43). Различие связано с тем, что у 'хотеть' есть и форма возвратного спряжения, в котором глагол описывает вхождение в состояние 'хотеть'. Предложение в (47b) непереходно: актанта 'игрушка' фигурирует в косвенно-падежной форме, но не в аккумулятиве.

- (47) a. *ɲac'eki* *s'anakom* *xɛɾwa*
ngacyeki *syanakom* *xøɾwa-°*
ребенок игрушка-ACC хотеть-GFS.3SGS
'Ребенок хочет игрушку'.
- b. *ɲac'eki* *s'anakon?* *xarwej?*
ngacyeki *syanakon-n°h* *xøɾwe-y°-q*
ребенок игрушка-DAT хотеть-SFS-3SGF
'Ребенок захотел игрушку'.

Насколько широко представлены в ненецком языке переходные глаголы ингрессивно-непредельного класса, судить трудно. Во всяком случае, ничто не указывает, что акциональное поведение 'хотеть' уникально и невоспроизводимо у других лексических единиц.

Непредельные, (42), и ингрессивно-непредельные, (46), переходные глаголы с акциональной точки зрения в точности соответствуют непредельным, (17), и ингрессивно-непредельным, (26), непереходным глаголам. Это показано в таблицах 2 и 3.

Таблица 2

Переходные и непереходные непредельные глаголы

	Переходные непредельные sO-глаголы	Непереходные непредельные S-глаголы
Непредельная интерпретация	объектное спряжение	субъектное спряжение

Таблица 3

Переходные и непереходные ингессивно-предельные глаголы

	Переходные ингессивно-непредельные sO-R-глаголы	Непереходные ингессивно-непредельные S-R-глаголы
Непредельная интерпретация	объектное спряжение	субъектное спряжение
Предельная интерпретация	возвратное спряжение	

В таблице 3 возвратное спряжение обозначает вхождение в состояние или процесс, а вторая форма (у непереходных глаголов это субъектное спряжение, у переходных объектное) — само состояние или сам процесс.

Весьма многочислен другой тип глаголов с объектным и возвратным спряжениями — **предельные sO-R-глаголы** с акциональной матрицей в (48):

- (48) **Предельные sO-R-глаголы**
 Спряжение S sO R
 Предельность [—] [T] [T]

Оба спряжения у них предельны. Аорист объектного спряжения описывает изменение состояния внутреннего аргумента под воздействием деятельности внешнего. В возвратном спряжении эти глаголы создают непереходные клаузы, описывающие изменение состояния одного из участников ситуации.

Предельные sO-R-глаголы в (48) распадаются на три группы, определяемые особенностями интерпретации форм возвратного спряжения. У глаголов первой группы претерпевающий изменения актант — внутренний аргумент предиката, тот, который в объектном спряжении выступает прямым дополнением. В (49) показан пример с глаголом *х̣мда(сь)* [x̣m̥da] ‘проливать, разливать, выливать’:

- (49) a. was̥a j̥idm x̣m̥dada b. j̥iʔ x̣m̥dejʔ
 was̥a yid-m x̣m̥ta-°-da yiq x̣m̥te-y°-q
 Вася вода-ACC проливать-GFS-3SGO вода проливать-SFS-3SGF
 ‘Вася пролил воду’. ‘Вода пролилась’.

Помимо *х̣мда(сь)* ‘проливать’, к этой же группе относятся *латра(сь)* [lat̥ra] ‘сдавливать, прищемлять’, *мас̣р(ць)* [maṣɔɾ] ‘мазать, пачкать’, *н̣мд̣а(сь)* [ṇm̥ṭə] ‘слышать’, *неле(сь)* [nyel̥e] ‘женить’, *сюр(ць)* [sy̥ɾ] ‘прятать’, *х̣ре(сь)* [x̣ɾe] ‘пугать’. Такие глаголы мы называем, следуя устоявшемуся обыкновению, **глаголами с сохранением внутреннего аргумента**. Интерпретации Аориста объектного и возвратного спряжения этих глаголов показаны в (50).

- (50) **Глагол Лексическое значение Интерпретация sO Интерпретация R**
 a. *сюр(ць)* ‘прятать’ ‘спрятал’ ‘исчез, спрятался’
 латра(сь) ‘сдавливать, прищемлять’ ‘прищемил’ ‘застрял, прищемился’
 неле(сь) ‘жениться’ ‘женил’ ‘женился’
 мас̣р(ць) ‘мазать, пачкать’ ‘испачкал’ ‘испачкался’
 х̣ре(сь) ‘пугать’ ‘испугал’ ‘испугался’
 b. *н̣мд̣а(сь)* ‘слышать’ ‘услышал’ ‘послышался’

В (50a) две интерпретации соотносятся в первом приближении как каузатив и декаузатив: в возвратном спряжении описывается изменение состояния актанта, а в объектном — внешняя каузация этого изменения.

Несколько иначе устроен экспериенциальный глагол *н̣мд̣а(сь)* [ṇm̥ṭə] ‘слышать’ в (50b), у которого в обоих спряжениях имеются оба актанта. В объектном спряжении экспериенцер реализуется как подлежащее, а стимул — как прямое дополнение (‘он услышал крик’).

В возвратном спряжении подлежащим становится стимул, а экспериенцер представлен дативной именной группой ('ему послышался крик')²¹.

Нельзя исключить, что аналогично ведут себя и некоторые другие экспериенциальные глаголы, не попавшие в выборку. Если это так, следует, видимо, рассматривать их как отдельную подгруппу предельных sO-R-глаголов, тем более что такое поведение имеет отчетливые межъязыковые параллели [Beletti, Rizzi 1988].

Вторая группа представлена глаголами *padā(сь)* [padə] 'писать' и *xāltā(сь)* [xəltə] 'мыть' в (51). В возвратном спряжении у них зарегистрирована интерпретация, напоминающая так называемый потенциальный пассив.

(51)	Глагол	Лексическое значение	Интерпретация sO	Интерпретация R
	<i>padā(сь)</i>	'писать' ²²	'написал'	'(легко/быстро) написался, удалось написать'
	<i>xāltā(сь)</i>	'мыть'	'вымыл'	'(легко/быстро) удалось вымыть'

(52)	<i>was'a</i>	<i>pī'smom</i>	<i>padl'da</i>
	<i>was'ya</i>	<i>pyisy°mo-m</i>	<i>padə°-ta</i>
	Вася	письмо-ACC	писать-GFS-3SGO
	'Вася написал письмо'.		

(53)	<i>pis'mo</i>	(m'ēr?)	<i>padi?</i>
	<i>pyisy°mo</i>	(myer°h)	<i>padi-q</i>
	письмо	(быстро)	писать.SFS-3SGF
	'Письмо (быстро) написалось'.		

В (53) изменение состояния актанта, как и в объектном спряжении, осмысляется как происходящее под внешним воздействием — в отличие от (49b), где изменение наступает без участия каузирующей инстанции. Кроме того, (53) имеет модальный компонент, аналогичный тому, который возникает у русских предложений типа *Письмо написалось* ('письмо удалось написать') и который с наибольшей отчетливостью дает о себе знать в контексте качественных обстоятельств типа 'хорошо', 'с легкостью', 'быстро' и т. п.²³

Важный факт, на который указывают примеры (50)—(51): граница между теми глаголами, которые в возвратном спряжении проявляют декаузативное поведение, и теми, у которых обнаруживается потенциально-пассивное употребление, проходит примерно там же, где и в более изученных языках. Хорошо известно, что глаголы способа типа *(на)писать* не могут образовывать декаузатив. В английском языке они не участвуют в так называемой каузативно-инхоативной альтернации, ср. **A / the letter wrote* 'Письмо написалось'. В русском языке возвратные глаголы типа *написаться* не могут интерпретироваться декаузативно; для них характерны потенциально-пассивные употребления — именно такие, как в (53)²⁴.

²¹ По мнению многих семантистов, начиная с [Dowty 1979], переходные экспериенциальные глаголы не следует рассматривать в каузативных терминах. 'Слышать' — это не каузация 'быть слышным' в том же смысле, в котором 'пачкать' — это каузация 'быть испачканным'.

²² Согласно [Терещенко 1965: 428], глагол *padāсь* [padə] 'писать' имеет также нетривиальное субъектное спряжение со стативной интерпретацией 'быть написанным': *савана пады* 'хорошо написано'. В тех диалектах ненецкого, где это допускается, глагол 'писать' относится к обсуждаемому ниже S-sO-R-классу. Носители языка, с которыми мы работали, однако, последовательно отвергают эту возможность.

²³ Отметим, впрочем, что потенциально-пассивные случаи типа (53) не предполагают, в отличие от настоящего пассива, имплицитного внешнего аргумента. Как и в языках типа русского, это видно благодаря невозможности использовать в таких предложениях агентивно-ориентированные обстоятельства ('Письмо написалось нарочно' и т. п.).

²⁴ Некоторые данные указывают, что потенциально-пассивная и декаузативная интерпретация возвратного спряжения не распределены дополнительно по глаголам, а скорее находятся в отношении множества и подмножества. Для глаголов, имеющих декаузативное прочтение, таких

Третья группа — это глаголы с **сохранением** в возвратном спряжении **агенса**, внешнего аргумента, который в объектном спряжении реализуется как подлежащее. Сюда относятся *мо(сь)* [mo] ‘бросать’, *ладѣ(сь)* [ladø] ‘ударять’, *ембѣ(ць)* [uempøq] ‘одевать’, *нам(зь)* [ngøt] ‘есть’. Общее для всех глаголов — то, что в возвратном спряжении описывается изменение состояния внешнего аргумента. Их интерпретации показаны в (54):

(54)	Глагол	Лексическое значение	Интерпретация sO	Интерпретация R
a.	<i>мо(сь)</i>	‘бросать’	‘бросил’	‘бросился’
	<i>ладѣ(сь)</i>	‘ударять’	‘ударил’	‘ударился’
	<i>ембѣ(ць)</i>	‘одевать’	‘одел’	‘оделся’
b.	<i>нам(зь)</i>	‘есть’	‘съел’	‘наелся’

У глаголов ‘бросить’, ‘ударить’, ‘одеть’ в (54a) возвратное спряжение представляет собой одноместный предикат. Диапазон его интерпретаций в целом соответствует набору возможностей, которые в типологической литературе связывают с так называемым медиум. Глагол *мо(сь)* [mo] ‘бросать’ иллюстрируется в (55):

(55)	a.	<i>was'a</i>	<i>pem</i>	<i>mo</i>	b.	<i>was'a</i>	<i>tjuʔud</i>	<i>mojʔ</i>
		<i>was'ya</i>	<i>pæ-m</i>	<i>mo-°</i>		<i>was'ya</i>	<i>tjuqød°</i>	<i>mo-y°-q</i>
		Вася	камень-ACC	бросать-GFS.3SG		Вася	сверху	бросить-SFS-3SGT
		‘Вася бросил камень’.				‘Вася бросился с высоты’.		

В (55b) с известной долей огрубления можно сказать, что агент и пациент представляют собой одну и ту же сущность — субъекта, который определенным образом перемещает в пространство собственное тело. Интерпретацию такого типа иногда называют автокаузативной.

Глагол *нам(зь)* [ngøt] ‘есть’ (54b) в возвратном спряжении реализован двухместным предикатом. Внутренний аргумент, однако, получает косвеннопадежное — дативное — маркирование. В отличие от исходного предиката в (56), (57) описывает не изменение состояния пациента, уничтожаемого при поедании, а изменение состояния агенса — его насыщение. В этом отношении ‘есть’ сближается с глаголами в (54a). В русском языке прочтения такого типа обеспечиваются разновидностями результитивной совершаемости, образованными, в частности, с помощью префиксов *на-*, *до-*, *об-* и ряда других и постфикса *-ся* (*наелся*, *объелся* и т. п.).

(56)	<i>pida</i>	<i>jablokaṁ</i>	<i>ṇama</i>
	<i>pida</i>	<i>yab°loka-m</i>	<i>ngøt-a</i>
	он	яблоко-ACC	есть-GFS.3SGS
	‘Он съел яблоко’.		
(57)	<i>pida</i>	<i>(jablokonʔ)</i>	<i>ṇamjʔ</i>
	<i>pida</i>	<i>(yab°loka-n°h)</i>	<i>ngøt-y°-q</i>
	он	(яблоко-DAT)	есть-SFS-3SGT
	‘Он наелся/объелся (яблоком)’.		

В целом переходные предельные sO-R-глаголы (за вычетом, возможно, глагола ‘есть’) объединяет в естественный класс следующее семантическое свойство: в возвратном спряжении они описывают кульминацию того же типа, что и в объектном. Возьмем глагол

как ‘проливать/выливать’, потенциально-пассивная интерпретация также допускается, хотя это не первый выбор носителей:

(i)	<i>jiq</i>	<i>slawawna</i>	<i>xamdejʔ</i>
	<i>yiḡ</i>	<i>səwaw°na</i>	<i>xømte-y°-q</i>
	вода	хорошо	проливать-SFS-3SGT
	‘Вода хорошо вылилась’.		

Обратное неверно: глаголы типа ‘писать’ и ‘мыть’ декаузативной интерпретации иметь не могут. Если это так, то такая дистрибуция отражает меньшую лексическую избирательность потенциального пассива по сравнению с декаузативом. Вопрос, впрочем, требует дополнительного изучения.

с сохранением пациенса *х̣амда(сь)* [xəmta] ‘проливать, разливать, выливать’ в (49). Кульминация события, о котором идет речь в возвратном спряжении в (49b), наступает в тот момент, когда вся жидкость покидает вместилище. В (49a) с объектным спряжением говорится о той же самой кульминации. Различие касается лишь приводящего к ней положения дел. В одном случае о каузальной мотивации кульминации не сообщается, в другом это каузирующая деятельность агенса.

Аналогично предложение (55a) в объектном спряжении описывает ситуацию, которая кульминирует в тот момент, когда перемещаемый объект (в (55a) это камень) утрачивает контакт с исходной локализацией (в (55a) это рука бросающего, не реализованная именной группой). Предложение в (55b) описывает такую же кульминацию, с той только разницей, что перемещаемый объект — это тело агенса, а исходная локализация — то место, где оно располагалось в начале ситуации.

В этом отношении переходные предельные sO-R-глаголы похожи на непереходные аналоги — предельные S-R-глаголы, у которых обе формы описывают одну и ту же кульминацию, но которые различаются импликатурами из (36).

Ингрессивно-предельные sO-R-глаголы *нэр(ць)* [nger] ‘пить’, *тола(сь)* [tola] ‘читать’, *сякъл(ць)* [syakəl] ‘кусать’, *нюця(сь)* [nyu°cyɑ] ‘целовать’ имеют такую же акциональную матрицу, как и предельные sO-R-глаголы: и объектное и возвратное спряжения создают предельные клаузы. Отличает их от предельных глаголов то, что вводимые в рассмотрение кульминации различны. Возвратное спряжение описывает вхождение в тот процесс, кульминация которого обозначается объектным спряжением.

(58) Глагол	Лексическое значение	Интерпретация sO	Интерпретация R
<i>нэр(ць)</i> [nger]	‘пить’	‘выпил’	‘начал пить’
<i>тола(сь)</i> [tola]	‘читать’	‘прочитал’	‘начал читать’
<i>сякъл(ць)</i> [syakəl]	‘кусать’	‘укусил’	‘начал кусать’
<i>нюця(сь)</i> [nyu°cyɑ]	‘целовать’	‘поцеловал’	‘начал целовать, полез целоваться’

Внутренний аргумент ингрессивно-предельных sO-R-глаголов в возвратном спряжении синтаксически реализуется дативной падежной формой, так же, как и у остальных глаголов, способных к реализации внутреннего аргумента в возвратном спряжении (например, у глагола ‘есть’ в (57)). Глагол *тола(сь)* [tola] ‘читать’ показан в (59)—(60):

- (59) wasʌ knigam tola
 wasya k°nyiga-m tola-°
 Вася книга-ACC читать-GFS.3SGS
 ‘Вася прочитал книгу’.
- (60) wasʌ knigan? tolej?
 wasya k°nyiga-n°h tole-y°-q
 Вася книга-DAT читать-SFS-3SGF
 ‘Вася начал читать книгу’.

Соотношение интерпретаций объектного и возвратного спряжений у глаголов этого типа соответствует возможностям, которые мы наблюдали у непереходных ингрессивно-предельных S-R-глаголов. Это показано в таблице 4.

Таблица 4

Переходные и непереходные ингрессивно-предельные глаголы

	Ингрессивно-предельные S-R-глаголы	Ингрессивно-предельные sO-R-глаголы
Кульминирующий процесс	субъектное спряжение	объектное спряжение
Вхождение в кульминирующий процесс	возвратное спряжение	

Последний класс в нашей выборке — глаголы, допускающие все три спряжения, то есть переходные **S-sO-R-глаголы**. Таких тоже немного. Кроме упоминавшегося в начале статьи *мадър(ць)* [madɔɾ] ‘лаять’, в выборке отмечены *масă(сь)* [masɔ] ‘мыть, мазать’ и *хăвнă(сь)* [xəwⁿnɔ] ‘идти (о дожде)’. Их акциональная матрица представлена в (61):

- (61) **S-sO-R-глаголы**
 Спряжение S sO R
 Предельность [A] [T] [T]

В (62)–(64) показано поведение глаголов этого класса на примере *хăвнă(сь)* [xəwⁿnɔ] ‘идти (о дожде)’:

- (62) sarʲo хавнл
 saryo хəwⁿnə-^o
 дождь идти-GFS.3SGS
 ‘Идет дождь’.
- (63) num sarʲom хавнлда
 num saryom хəwⁿnə-^o-da
 небо дождь-ACC идти-GFS-3SGO
 букв. ‘Небо полило дождь’.
- (64) sarʲo хавни?
 saryo хəwⁿni-^o-q
 дождь идти-SFS-3SGI
 ‘Пошел дождь’.

S-sO-R-глаголы завершают наш обзор переходных глаголов. Теперь мы готовы сформулировать некоторые обобщения.

4.2. Обобщения о переходных глагольных классах

На схеме 2 показана система классов переходных глаголов. Как и для непереходных глаголов на схеме 1 выше, классы связаны стрелками, которые показывают отношение «различаться ровно на один параметр». Пунктирные двунаправленные стрелки связывают три группы глаголов с одинаковым составом спряжений, которые, однако, различаются акциональными интерпретациями.

sO-непредельные (‘ждать’) и sO-R-ингрессивно-непредельные (‘хотеть, захотеть’) глаголы образуют естественный класс (обведен овалом), определяемый неопредельностью объектного и тривиального субъектного спряжений. Среди этих двух классов представлены традиционные вендлеровские переходные состояния и деятельности. Различие задается наличием возвратного спряжения, описывающего вхождение в процесс или состояние. Распределение между классами следует, по-видимому, признать словарным (см. схему 2, с. 105).

Вторым овалом обведены глаголы, которым в других языках соответствуют переходные свершения и достижения. Эту группу образуют три класса: sO-предельные, sO-R-предельные и sO-R-ингрессивно-предельные. Первые, такие как ‘ломать’, ‘брать’, ‘давать’, имеют только формы объектного и тривиального субъектного спряжений и характеризуются, во-первых, обязательной предельностью, а во-вторых, обязательной переходностью. sO-R-предельные (например, ‘проливать, проливаться’) и sO-R-ингрессивно-предельные (‘читать, начинать читать’) отличаются тем, что у них есть возвратное спряжение, которое создает одноместный или двухместный непереходный предикат.

У sO-R-предельных глаголов в основном реализуется первая возможность. У одной группы (‘проливать, проливаться’, ‘прятать, прятаться’ и т. п.) объектное спряжение соотносится с возвратным так же, как каузатив и декаузатив в языках типа русского. У другой группы мы получаем возвратное спряжение, которое в типологической литературе

Схема 2. Переходные глаголы

обычно характеризуется как медиальное ('бросать, бросаться' и т. п.). Еще одна группа показывает интерпретации, близкие с модально-пассивным ('писать, (легко/хорошо) писаться'). Все эти случаи объединяет то, что в возвратном спряжении перед нами одностепенный предикат.

sO-R-ингессивно-предельные глаголы (например, 'пить, начинать пить') характеризуются двумя параметрами. Во-первых, в возвратном спряжении у них представлены те же актанты, что и в объектном. Сентенциальным подлежащим становится внешний аргумент, а внутренний аргумент реализуется именной группой в косвенном падеже. Во-вторых, с семантической точки зрения в рассмотрение вводится вхождение в тот процесс ('начал пить'), кульминация которого описывается объектным спряжением ('выпил').

Лексическое распределение глаголов между этими тремя классами во многом непредсказуемо, однако определенные тенденции, соответствующие межъязыковым ожиданиям, прослеживаются и здесь. Класс sO-предельных глаголов содержит единицы, имеющие в других языках событийный шаблон свершений, но не участвующие в каузативно-инхоативной альтернативе и не образующие декаузатив (это, например, глаголы изменения обладания, такие как 'давать' и 'брать', ср. англ. *take* и *give* или русск. #*да(ва)ться* или #*браться/взяться*). Глаголы с шаблоном свершений, участвующие в каузативно-декаузативных процессах в других языках, такие как 'проливать, проливаться' или 'прятать, прятаться', образуют самую многочисленную подгруппу в sO-R-предельном классе. Глаголы типа 'пить' и 'мыть', имеющие шаблон деятельности, составляют основное содержимое sO-R-ингессивно-предельного класса. Некоторая их часть ('писать, (легко) писаться'), впрочем, обнаруживается в собственно предельном sO-R-классе в модально-пассивной интерпретации. Таким образом, общие контуры обсуждаемых трех групп глаголов повторяют то, что описано в литературе по структуре глагольного значения и предикатной декомпозиции.

Последний класс — S-sO-R-глаголы — не находит естественных соответствий в вендлеровской системе и составляет интересную особенность ненецкого языка. Он представляет собой своего рода контаминацию ингессивно-непредельного непереходного S-R и переходного sO-R-классов. Нетривиальное субъектное и возвратное спряжения у глаголов типа *хăвнă(сь)* [xəwⁿnə] 'идти (о дожде)' и *мадăр(ць)* [madər] 'лаять' в (65a) соотносятся так же, как у непереходных ингессивно-непредельных S-R-глаголов *лахана(сь)* [laxənə] 'говорить' или *пинă(сь)* [pyñə] 'бояться' в (65b).

(65)	Глагол	S	R
a.	<i>хэвнй(сь)</i> [xəw°nə] ‘идти (о дожде)’ <i>мадър(ць)</i> [madər] ‘лаять’	‘идет дождь’ ‘собака лает’	‘пошел дождь’ ‘собака залаяла’
b.	<i>лахана(сь)</i> [ləxənə] ‘говорить’ <i>пинй(сь)</i> [pɪnə] ‘бояться’	‘мальчик говорит’ ‘мальчик боится’	‘мальчик заговорил’ ‘мальчик испугался’

В то же время соотношение объектного и возвратного спряжений соответствует одному из типов переходных sO-R-глаголов. *Хэвнй(сь)* [xəw°nə] ‘идти (о дожде)’ в этом отношении похож на предельные sO-R-глаголы, (66), а *мадър(ць)* [madər] ‘лаять’ — на ингрессивно-предельные, (67):

(66)	Глагол	sO	R
a.	<i>хэвнй(сь)</i> [xəw°nə] ‘идти (о дожде)’	‘Небо полило дождь’	‘Пошел дождь’
b.	<i>хэмда(сь)</i> [xəmta] ‘проливать’	‘Вся пролил воду’	‘Вода пролилась’
(67)	Глагол	sO	R
a.	<i>мадър(ць)</i> [madər] ‘лаять’	‘Собака облаяла мальчика’	‘Собака залаяла’
b.	<i>тола(сь)</i> [tola] ‘читать’	‘Мальчик прочитал книгу’	‘Мальчик начал читать’

Как и в случае с непереходными глаголами, наблюдения о переходных глаголах вызывают вопрос о многозначности возвратного спряжения. У грамматического семантиста появляется соблазн сказать, что возвратное спряжение выражает широкий диапазон значений из «медиальной» и «пассивной» семантических зон. Мы наблюдаем у него, в частности, декаузативное, автокаузативное и потенциально-пассивное значения, которые, как известно, занимают смежные области на соответствующей семантической карте. Похожее искушение возникало и в связи с аспектуальными интерпретациями возвратного спряжения, обсуждавшимися в 3.2, которые подталкивали исследователя к анализу в терминах «инхоатива» и «комплетива».

Далее открываются еще более широкие возможности: возвратное спряжение обнаруживает полисемию сразу в двух измерениях, актантном и акциональном, и это, наверное, не случайно. Актантная и акциональная семантика сливаются в общее семантическое пространство, опирающееся на языковую концептуализацию типов ситуаций. Ненецкий язык — блестящее тому подтверждение. Инхоатив, одна из интерпретаций возвратного спряжения в акциональном измерении, фокусирует начальную фазу ситуации, а значит, выбирая это значение, говорящий выводит на передний план информацию об инициаторе ситуации, ее агентивном участнике. Этим объясняется понижение коммуникативного ранга и синтаксической приоритетности второго, пациентивного участника, что приводит к появлению декаузативной или автокаузативной интерпретации в актантном измерении, а также к реализации пациенса в виде именной группы в косвенном падеже. Для опытного типолога не составит никакого труда найти в ненецком материале невероятное множество обобщений такого рода.

Мы не беремся утверждать, что все это неверно. Однако прежде чем говорить о полисемии возвратного спряжения в актантном измерении, следует серьезно рассмотреть альтернативное предположение — такое же, как в разделе 3.2. Само по себе возвратное спряжение ничего не значит. Оно представляет собой морфему, которая лицензирует некоторую согласовательную морфологию и предъявляет определенные требования к структуре, с которой соединяется.

Среди требований, по-видимому, отсутствие вершины, способной приписывать структурный аккузатив. Весьма вероятно, что есть и требования к событийной структуре предиката, например, условие, что динамический компонент событийной дескрипции атомарен и не распадается на подсобытие деятельности и подсобытие изменения состояния. Последнему разные глаголы удовлетворяют по-разному. Глаголы типа ‘проливать/проливаться’ предъявляют возвратному спряжению каузируемое подсобытие. Глаголы типа ‘бросать/бросаться’ идут по пути отождествления двух подсобытий через идентификацию участников. Глаголы, структура которых элементарна с самого начала (‘читать/начинать читать’), способны иметь в возвратном спряжении оба актанта, но один непременно в косвенном падеже. И так далее.

Этот второй путь кажется нам более многообещающим, но подробную аргументацию мы отложим до следующего раза. Сейчас мы готовы сделать несколько заключительных замечаний.

5. Вместо заключения

Исследование, проведенное квадратно-гнездовым методом, методом исчисления, последовательной проверки и фиксации всех логических возможностей, показало, что имеющиеся в предшествующей литературе данные о допустимых составах спряжений у ненецких глаголов критически неполны. Еще более неполны сведения об акциональной вариативности, которую глагол проявляет в разных спряжениях. Изложенные выше наблюдения показывают, что нам нужна существенно более тонкая актантно-акциональная классификация, чем предполагалось до сих пор, — классификация, в которой есть минимум 12 актантно-акциональных классов, шесть непереходных и шесть переходных²⁵.

Это больше, чем обнаружено в типологически-ориентированном исследовании акциональности [Татевосов 2016]. Обрисованную выше систему классов можно, однако, дополнительно упорядочить. Как мы видели выше (см. таблицы 2—4), некоторые классы переходных и непереходных глаголов можно естественным образом соотнести ввиду их акционального тождества. В (68) эти соотношения выписаны еще раз:

(68)	Непредельные	Предельные
a.	S-непредельные (‘быть видимым’)	sO-непредельные (‘ждать’)
b.	S-R-ингрессивно-непредельные (‘испугаться, бояться’)	sO-R-ингрессивно-непредельные (‘захотеть, хотеть’)
c.	S-R-ингрессивно-предельные (‘высохнуть, начать сохнуть’)	sO-R-ингрессивно-предельные (‘выпить, начать пить’)

Схема 3 показывает, что получится, если переходные (схема 2) и непереходные (схема 1') глаголы представить совместно, объединив соотносимые классы из (68) в макроклассы.

Схема 3. Классы непроизводных глаголов ненецкого языка

²⁵ Анонимный рецензент пишет: «Данная классификация (12 классов) была построена на выборке из 87 глагольных лексем; соответственно, можно ожидать, что с увеличением выборки семантическая

Согласно схеме 3, в ненецком языке выделяется четыре макроклассы (отмечены курсивом). Один из них, *непереходные предельные глаголы*, перекочевал на схему 3 из схемы 1'. Все эти *непереходные* (и чаще всего *одноместные*) глаголы описывают изменение состояния главного (или единственного) участника ситуации, а имеющийся у них состав спряжений — S, R или S-R — представляется произвольным. В трех других макроклассах, в соответствии с (68), *непереходным* глаголам в (нетривиальном) субъектном спряжении соответствуют *переходные* глаголы в объектном и тривиальном субъектном спряжениях. Это *непредельный* (S и sO), *ингрессивно-непредельный* (S-R и sO-R) и *ингрессивно-предельный* (S-R и sO-R) классы.

Вне макроклассов остаются три группы переходных глаголов. Во-первых, это sO-R-предельные глаголы. Им в первую очередь соответствуют лабильные глаголы с каузативно-инхоативной альтернативой в языках типа английского или глаголы, допускающие образования декаузатива, в языках типа русского. Во-вторых, это предельные sO-глаголы, аналоги которых в других языках не допускают построения декаузативной клаузы. В-третьих, это S-sO-R-глаголы, у которых представлены все типы спряжения и оба акциональных значения.

Акциональная сторона выстраивающейся системы становится более понятной и прозрачной. Как и в других языках, в ненецком есть *непредельные* и *ингрессивно-непредельные* глаголы (малый овал). В вендлеровских терминах и тем и другим соответствуют состояния и деятельности. Разграничения между предикатами, допускающими только *непредельную* интерпретацию (как 'быть видимым' и 'ждать'), и теми, которые обозначают и *непредельную* ситуацию и *вхождение* в нее (как 'испугаться, бояться' и 'хотеть, захотеть'), в вендлеровской системе обычно не проводится. Ненецкий материал блестяще показывает, что грамматическая система языка наделена способностью противопоставлять эти две возможности — в точном соответствии с предсказаниями, сформулированными в [Татевосов 2010; 2016]. Более тонкая классификация могла бы только развести два класса *непредельных* предикатов — состояния и динамические *непредельные* процессы. Вместо двух *непредельных* (макро)классов на схеме 3 мы получили бы четыре²⁶.

Предельные предикаты (большой овал), свершения и достижения, также выстраиваются в достаточно стройную систему. Здесь есть однозначно *непереходные предельные* предикаты ('умирать', 'наполняться', 'гнить'), однозначно *переходные* ('ломать', 'брать', 'давать') и те, которые в зависимости от спряжения допускают образование и *переходной* и *непереходной* клауз ('проливать, проливаться' и т. п.). В этом отношении ненецкий язык отличается от других только морфологическим разнообразием *непереходных глаголов*, распадающихся на три класса в зависимости от реализуемых ими спряжений (S, R, S-R).

Немного более своеобразны *ингрессивно-предельные* глаголы, как *переходные*, так и *непереходные*, которые способны с помощью форм разных спряжений вводить в рассмотрение две кульминации: 'сохнуть' — 'начинать сохнуть', 'пить' — 'начинать пить'. При ближайшем рассмотрении, однако, и такие глаголы находят межъязыковые соответствия. В [Татевосов 2016] приводится материал северокавказских и тюркских языков, в которых, хотя и в ограниченных количествах, представлены глаголы именно такого типа. Эти глаголы, называемые *двупредельными*, в *перфективных* формах описывают и *вхождение* в процесс (например, 'загореться') и *кульминацию* этого процесса, ведущую к *результатирующему* состоянию ('сгореть'). Это ровно то, что мы наблюдаем у ненецких *ингрессивно-предельных глаголов*; единственная особенность: разные кульминации соотнесены с формами разных спряжений.

Как мы видим, в общем случае у ненецкого глагола могут быть представлены любые спряжения почти в любых комбинациях, а именно:

неоднородность выделенных классов будет увеличиваться». Практика показывает, что опасения рецензента преувеличены. Исследование, результаты которого представлены в [Татевосов 2010; 2015а; 2016], обнаруживает, что подавляющее большинство классов выделяется на выборке примерно в 50 глаголов. При последующем увеличении ее объема количество неучтенных классов быстро устремляется к нулю.

²⁶ В [Татевосов 2010; 2016] это классы <S, S> (стативные глаголы), <P, P> (непредельные глаголы), <ES, S> (инцептивно-стативные глаголы) и <EP, P> (ингрессивно-непредельные глаголы).

(69) S R sO S-R sO-R S-sO-R

Единственная отсутствующая в (69) логическая возможность — глаголы, у которых имеются объектное и нетривиальное субъектное спряжения, но нет возвратного, то есть S-sO-глаголы. В нашей выборке представлен один кандидат на членство в этом классе — *хаё(сь)* [хауо] ‘оставаться’, который иллюстрируется в (70):

- (70) a.

man ⁱ	xaɣaw	hardan?	xaji ^w
mɔny ^o	xɔrɔ-w ^o	xar ^o dɔ-n ^o h	xayi-w ^o
я	нож-ACC.1SG	дом-DAT	оставаться.GFS-1SGO

‘Я оставил нож дома’.
- b.

was ^a	(/xɣɔ)	hardan?	xaji
wasya	(/xɔr ^o)	xar ^o dɔ-n ^o h	xayi
Вася	(/нож)	дом-DAT	оставаться.GFS.3SGS

‘Вася (/нож) остался дома’.

Как видно из (70), у *хаё(сь)* [хауо] ‘оставаться’ интерпретации Аориста субъектного и объектного спряжений похожи на те, которые представлены у sO-R-глаголов с сохранением внутреннего аргумента. Непереходное спряжение описывает изменение состояния, а переходное — каузацию этого изменения. Только вместо возвратного задействуется нетривиальное субъектное спряжение.

Согласно [Терещенко 1965: 721], однако, глагол *хаё(сь)* [хауо] ‘оставаться’ непереходен. Переходные клаузы образуются только от глагола *хае(сь)* [хауе] ‘оставлять’, имеющего, в отличие от *хаё(сь)* [хауо], общую финитную основу на *e*, а не на *i*.

- (71)

man ⁱ	xaɣaw	hardan?	xajew
mɔny ^o	xɔrɔ-w ^o	xar ^o dɔ-n ^o h	xaye-w ^o
я	нож-ACC.1SG	дом-DAT	оставлять.GFS-1SGO

‘Я оставил нож дома’.

Тем не менее наши информанты допускали в переходных клаузах не только *хауе-w^o*, но и *хауи-w^o*. Последняя форма может возникнуть только в результате деривации общей финитной основы от *хаё(сь)* [хауо], что определяет членство этого глагола не в непереходном предельном S-классе, а в переходном S-sO-классе и тем самым подкрепляет эмпирическую реальность последнего.

Наши сомнения по поводу S-sO-класса связаны не с материалом Н. М. Терещенко и не с тем соображением, что глагол ‘оставаться’ единичен. (Классы, представленные единственным непроизводным глаголом, выше уже обсуждались; это, например, *хърва(сь)* [хɔrwa] ‘хотеть’ ингрессивно-непредельного sO-R-класса.) Есть более важный факт. В отличие от всех остальных классов, включая глаголы типа *хърва(сь)* [хɔrwa] ‘хотеть’, предельные S-sO-глаголы не обнаруживаются среди дериватов — Инхоативов, Фреквентативов, Дуративов и т. д. Именно поэтому мы пока оставляем вопрос о S-sO-глаголах открытым.

Завершая это исследование, позволим себе тезисно и без аргументации изложить несколько общих соображений об устройстве ненецкой глагольной системы, которые развивают обобщения из разделов 3.2 и 4.2.

Как и во всех языках, событийная структура ненецкой предикации формируется на уровне глагольной группы. Означаемое глагольной группы — событийная дескрипция (или, в теоретико-модельных терминах, событийный предикат), в которой представлены все описываемые (под)события, заданы их дескриптивные свойства и определены участники, но отсутствует информация, привносимая показателями грамматического вида и времени.

Деривационная морфология — модификатор событийной дескрипции. Она не имеет отношения к выражению аспектуальных и темпоральных значений, даже если на первый взгляд хочется предполагать обратное. Каждая деривационная морфема совершает с событийной дескрипцией определенные манипуляции. Например, Инхоатив создает новую дескрипцию, описывающую события, в которых ситуации из исходной дескрипции начинают

иметь место. Особенность ненецкого языка, чуждая индоевропейским языкам, но сближающая его, например, с атабаскскими языками, — исключительная потенция к совершению такого рода манипуляций. Тем не менее после присоединения всей деривационной морфологии перед нами семантический объект такого же типа, как раньше: (модифицированная) событийная дескрипция, лишенная информации о грамматическом виде и времени.

Далее в игру вступают «спряжения». Мы предполагаем, что «спряжение» — это морфема, которая выступает своего рода посредником между событийной дескрипцией, созданной на уровне глагольной группы, и вышестоящей структурой клаузы. Она присоединяется над глагольной группой и вступает с ней в отношение селекции, то есть предъявляет к событийной дескрипции определенные требования. Дескрипции, которые способны удовлетворить этим требованиям (либо в натуральном виде, либо посредством коэрсии), получают разрешение на дальнейшую деривацию с данным спряжением. В этом смысле спряжение выступает фонологической этикеткой определенного класса событийно-структурных конфигураций. В пределах ограничений, налагаемых спряжением, глагольная группа вольна иметь любую структуру, которая соответствует лексическим свойствам глагольной основы. Собственного семантического вклада в деривацию клаузы спряжения не вносят. С другой стороны, спряжение лицензирует определенную согласовательную морфологию, которая реализуется в функциональной зоне клаузы.

Завершающий этап семантической деривации клаузы — соединение с операторами, отвечающими за вид, время, модальность и другие функциональные категории. Мы предполагаем, что аспектуальные и темпоральные свойства клаузы определяются примерно тем же механизмом, что и в языках с так называемыми видовыми системами славянского типа. Аспектуальные операторы (перфектив, прогрессив и т. д.) в таких системах чувствительны к акциональному типу нижестоящей событийной дескрипции [Klein 1995, Tatevosov 2015]. Они реализуют событийные структуры свершений и достижений (предельные глагольные предикаты) как перфективные клаузы, а структуры деятельности — как имперфективные. Сами аспектуальные операторы при этом оказываются фонологически пустыми [Bohnmeyer, Swift 2004].

Наблюдения над акциональным поведением и актантными свойствами, описанные выше, — первый шаг на пути к более отчетливой прорисовке компонентов ненецкой глагольной системы.

Сюжет, который мы планировали изложить в этой статье, исчерпан. Надеемся, нам удалось внести большую ясность в вопрос о лексических классах непроеизводных ненецких глаголов. Как мы видели, среди них наблюдается значительное событийно-структурное разнообразие, а открывающаяся нам картина существенно ярче четырехчленного противопоставления, описанного, в частности, у Т. Салминена и перекочевавшего в неизменном виде в грамматику И. А. Николаевой. Следующий вопрос, который предстоит обсудить: что происходит после присоединения деривационной морфологии и как устроены событийные структуры производных глаголов. Естественный шаг в поиске ответа на этот вопрос — применить процедуру классификации акциональных матриц к глагольным основам, содержащим деривационные показатели. И в этот момент выясняется, что актантно-акциональные свойства дериватов в огромной степени предсказываются классом непроеизводного глагола. Однако это будет предметом нашего следующего сочинения.

ПРИЛОЖЕНИЕ 1

Глагольная база данных ненецкого языка

База данных по деривационной морфологии ненецкого языка, содержащая информацию о примерно 2600 лексических единицах, — продукт коллективной работы ненецкой лингвистической экспедиции отделения теоретической и прикладной лингвистики филологического факультета МГУ им. М. В. Ломоносова в 2003—2005 гг. В разные годы над ней работали Екатерина Волович, Николай Воронцов, Филипп Дудчук, Павел Иосад, Наталья

Зевахина, Денис Иванов, Михаил Иванов, Екатерина Лютикова, Анна Пазельская, Петр Староверов, Сергей Татевосов, Мария Цюрупа, Андрей Шлуинский, Елена Ханина, Ольга Ханина. Разработку и техническую поддержку базы данных проводил Денис Иванов.

Целью этого проекта было углубленное исследование деривационной морфологии ненецкого языка, предполагающее найти ответ на два основополагающих вопроса:

- i. Что происходит с актантной структурой и акциональностью глагола при присоединении деривационных морфем?
- ii. Каковы ограничения на присоединение деривационных морфем?

База данных, таким образом, разрабатывалась как инструмент для накопления информации о том, является ли комбинация основы S и деривационной морфемы D возможной, то есть корректно построенной и интерпретируемой. Для каждой возможной комбинации S+D база данных содержит информацию о ее актантной структуре и акциональности.

Практическая работа по наполнению базы данных складывалась из следующих шагов:

1. Создание выборки непроеизводных основ, отражающих основные актантные и акциональные типы ненецких глаголов.
2. Для каждой основы — выявление ее актантных и акциональных свойств.
3. Для каждой основы — выявление ее деривационного потенциала, то есть определение набора деривационных морфем, с которыми она способна комбинироваться.
4. Построение всех возможных дериватов от всех основ.
5. Добавление дериватов к выборке.
6. Повторение шагов 2—5 для новых единиц выборки.

О каждом элементе словаря база данных содержит следующую информацию: лексический вход, глубина деривационной цепочки, фонологическая запись доступных глагольных основ (в формате Т. Салминена), наличие и акциональный тип каждого из спряжений, примеры с переводом, наличие дериватов каузативной зоны с примерами, наличие дериватов аспектальной зоны с примерами, комментарии и примечания. Форма, соответствующая лексическому входу базы данных, показана на рис. 1.

The screenshot shows a detailed lexical entry for the Nenets word 'pada' (to write). The form is organized into several sections:

- Header:** 59, @написать, PADA, 0 Nest.
- Conjugation:** frozen, Connegative/pada?, Gen FS/padeo (padaŋa_x), Spec FS/padio (padiyo_x), Чередование.
- Table 1:**

Класс Subj	Дата	Класс Subj-Obj	Класс REFL
!Subj	Статус	Subj-Obj	REFL
Нет	Рамка	Да	Рамка
*was'a pada		was'a p's'mom pada	pis'mo (m'er) padi? (*p'il'ipt)
Вася пишет		man' p's'mom padam/w	*was'a (p's'mon) padi?
		Вася письмо написал	письмо (быстро) написало, написано
			*вася приступил к написанию/написал
- Table 2:**

Т	Р	А	Н	С	Д	ASK	man' pet'an? knigam? padaptaw /	Я заставил Петю писать книгу	Хантез? tuku wada pad' bada?
Нет	ta						*padadaw	ЕН я заставил Петю писать к	Хантез? tuku wada pad' bada?
Нет	te						x	ЕН отрицает	
Нет	ra						*padaraw		man' p's'mom padaptaw - я письмо подпис
Нет	re						x		an (подпись поставил)
Да	pt						man' pet'an? knigam? padaptaw /	Я заставил Петю писать книгу	
- Table 3:**

Dur	Da	pe	писать	pida p's'mom? padamb'i	он пишет (процесс) пи	ipiv	Da	no	писать	pida padna	он пишет (занимается) P Derat
Нет	r										
Нет	r										
Да	gga		писать (везде)	t'uku namxena padar pada	этой штукой бумага						
Да	l		начинать писать	padalij?, padalja	начал писать						

Рис. 1. Лексический вход базы данных

Кроме того, информация в базе данных допускает представление в виде гнезда, которое иллюстрируется на рис. 2. Гнездовая форма содержит все дериваты от одной основы, показывающие для каждого элемента гнезда глубину деривационной цепочки, словообразовательную структуру основы и последний шаг деривации.

Root PINA		54	Main for the nest	editor	Сережа	done	yes	PINA
2	Г	p'ine-	=	-	+	-		
		PINA	-	0	@бояться			CAUS DerCAUS
110	Г	p'inabta	=	pJinO- (бояться)	+	-pta (transitive)		
		PINA	-CAUS	1	@испытать			CAUS DerCAUS
249	Г	p'inabtambø	=	pJinabta (испытать)	+	-pø (durative)		CAUS
		PINA	-CAUS-DUR	2	@пугать			CAUS DerCAUS
940	Г	p'inaptambur	=	pJinabtambO (пугать)	+	-or (frequentative)		CAUS-DUR
		PINA	-CAUS-DUR-FREQ	3	@ASK пугать			CAUS DerCAUS
1038	Г	p'inaptambanga	=	pJinabtambO (пугать)	+	-ngø (iterative)		CAUS-DUR
		PINA	-CAUS-DUR-ITER	3	@ASK попутывать			CAUS DerCAUS
2752	Г	p'inaptorna	=	pJinabta (@испытать)	+	-or (frequentative)		CAUS
		PINA	-CAUS-FREQ	2	пугаться			CAUS DerCAUS
2753	Г	p'inabtaliø	=	pJinabta (@испытать)	+	l(ø) (inchoative)		CAUS
		PINA	-CAUS-INCH	2	побаваться/испытаться			CAUS DerCAUS
1043	Г	p'inaptanø	=	pJinabta (испытать)	+	-nø (imperfective)		CAUS
		PINA	-CAUS-IPFV	2	@начинать пугаться			CAUS DerCAUS
1078	Г	p'inaptanga	=	pJinabta (испытать)	+	-ngø (iterative)		CAUS
		PINA	-CAUS-ITER	2	@иметь св-во пугаться/ пугаться периодически			CAUS DerCAUS
		Main	Caus	Asp der	Inchoatives			

Рис. 2. Деривационное гнездо

ПРИЛОЖЕНИЕ 2

Глагольная выборка

е(сь) [ye] 'пасти оленей в ночное время', *ё(ць)* [yoq] 'терять', *евэйн(зь)* [yeweyøh] 'есть суп', *ембй(ць)* [yemrøq] 'одевать', *енер(ць)* [yenyer] 'стрелять, начинать стрелять', *ёрем(зь)* [yoryem] 'углубляться', *есед(сь)* [yesyeda] 'покрывать железом', *ёхо(сь)* [yoxo] 'теряться', *йбе(ць)* [yibyeq] 'быть умным', *иле(сь)* [yilye] 'жить, быть живым', *инзеле(сь)* [yincyelye] 'слушать', *ладй(сь)* [ladø] 'ударять', *латра(сь)* [lat°ra] 'сдавливать, прищемлять', *лахана(сь)* [løxøh] 'говорить, заговаривать', *лохомзь* [loxo] 'закипать', *мйлье(сь)* [møly°ye] 'ломать', *мйльё(сь)* [møly°yo] 'ломаться', *мйль(сь)* [mølyø], *мййм(зь)* [møym] 'радоваться', *мйй(сь)* [møyø] 'радоваться, обрадоваться', *мадйр(ць)* [madø] 'лаять', *масй(сь)* [masø] 'мыть, мазать', *масйр(ць)* [masø] 'мазать, пачкать', *мо(сь)* [mo] 'бросать', *мэ(сь)* [me] 'брат', *мэне(сь)* [menye] 'любить', *ндйр(ць)* [ngødø] 'рвать', *ндйара(сь)* [ngødarø] 'рваться', *ндмдй(сь)* [nømtø] 'слышать', *ндим(зь)* [ngødim] 'показываться', *ндй(сь)* [ngødyø] 'быть видимым, виднеться', *нам(зь)* [ngøm] 'есть', *намдй(сь)* [ngamtø] 'сидеться', *намдё(сь)* [ngamtyo] 'сидеть', *нате(сь)* [ngøtye] 'ждать', *неле(сь)* [nyelye] 'жениться', *нохол(ць)* [ngoxøh] 'начинать плыть', *нохолй(сь)* [ngoxøhø] 'плыть, начинать плыть', *нэр(ць)* [nger] 'пить', *нюця(сь)* [nyu°cyu] 'целовать', *нй"мй(сь)* [nyøqtmø] 'брат, получать', *надй(сь)* [nadø] 'писать', *нае(сь)* [raue] 'быть опухшим', *панй(сь)* [panø] 'наполняться', *пйндй(сь)* [pyiñø] 'бояться, пугаться', *пи(сь)* [pyi] 'вариться', *писйн(зь)* [pyisyøh] 'смеяться', *пэда(сь)* [peda] 'уставать', *сйльц* [søh] 'возвращаться', *сара(сь)* [sara] 'лопаться, прорываться', *сарй(ць)* [sarøq] 'прокалывать',

со(сь) [so] ‘быть слышимым’, *сюр(ць)* [syúr] ‘прятать’, *сюрё(сь)* [syúryo] ‘быть спрятанным’, *сякъл(ць)* [syakəl] ‘кусать’, *та(сь)* [ta] ‘давать’, *тйна(сь)* [təna] ‘подниматься, взбираться’, *търпӓ(сь)* [tərpə] ‘выходить’, *тенева(сь)* [tənyewə] ‘знать’, *ти(сь)* [tyí] ‘лететь, взлетать’, *тим(зь)* [tyím] ‘гниль, сгнивать’, *то(сь)* [to] ‘приходить’, *тола(сь)* [tola] ‘читать’, *тум(зь)* [tum] ‘загораться’, *тыра(сь)* [tira] ‘сохнуть’, *тэбӓлӓ(сь)* [tebələ] ‘быть редким, редеть’, *тю(сь)* [tyu] ‘входить’, *хӓвӓ(сь)* [xəwə] ‘падать’, *хӓвнӓ(сь)* [xəw˚nə] ‘идти (о дожде)’, *хӓде(ць)* [xədyeq] ‘чесать, царапать’, *хаё(сь)* [xaɣo] ‘оставаться’, *хӓлтӓ(сь)* [xəlta] ‘мыть’, *хӓмда(сь)* [xəmta] ‘проливать’, *хӓмдум(зь)* [xəmtum] ‘проливаться’, *хӓним(зь)* [xənyim] ‘замерзать’, *хӓрва(сь)* [xərgwa] ‘хотеть’, *хӓре(сь)* [xərye] ‘пугать’, *ха(сь)* [xa] ‘умирать’, *хо(сь)* [xo] ‘находить’, *хойдӓ(сь)* [xoɣ˚də] ‘махать, замахать’, *хойса(сь)* [xoɣ˚sa] ‘махать’, *хона(сь)* [xona] ‘засыпать, ложиться спать’, *хонё(сь)* [xənoɣo] ‘спать’, *хэ(сь)* [xə] ‘уходить’, *ютӓ(сь)* [yutə] ‘бить, избивать’, *ядӓ(сь)* [yadə] ‘гулять’, *ямбузмь* [yampum] ‘удлиниться’.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

1, 2, 3 — 1-е, 2-е, 3-е лицо
 ABL — аблатив
 ACC — аккузатив
 DAT — датив
 DU — двойственное число
 DUR — дуратив
 GEN — генитив
 GFS — общая финитная основа

IPFV — имперфектив
 LOC — локатив
 O — объектное спряжение
 PL — множественное число
 R — возвратное спряжение
 S — субъектное спряжение
 SFS — специальная финитная основа
 SG — единственное число

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ / REFERENCES

- Буркова 2010 — Буркова С. И. Краткий очерк грамматики тундрового диалекта ненецкого языка // Кошкарева Н. Б. (ред.) Диалектологический словарь ненецкого языка. Екатеринбург: Баско, 2010. С. 180—349. [Burkova S. I. A grammar sketch of Tundra Nenets. *Dialektologicheskii slovar' nenetskogo yazyka*. Koshkareva N. B. (ed.) Ekaterinburg: Basko, 2010. Pp. 180—349.]
- Татевосов 2010 — Татевосов С. Г. Акциональность в лексике и грамматике. Дисс. ... докт. филол. наук. М.: МГУ им. М. В. Ломоносова, 2010. [Tatevosov S. G. *Aksional'nost' v leksike i grammatike*. Dokt. diss. [Actionality in lexicon and grammar. Doct. Diss.]. Moscow: Lomonosov Moscow State Univ., 2010.]
- Татевосов 2015а — Татевосов С. Г. Акциональность в лексике и грамматике. М.: Языки славянской культуры, 2015. [Tatevosov S. G. *Aksional'nost' v leksike i grammatike* [Actionality in lexicon and grammar]. Moscow: Yazyki Slavyanskoi Kul'tury, 2015.]
- Татевосов 2015б — Татевосов С. Г. Модификатор структуры события в ненецком языке. (Рукопись.) М.: МГУ им. М. В. Ломоносова, 2015. [Tatevosov S. G. *Modifikator struktury sobytiya v nenetskom yazyke* [Event structure modifier in Nenets]. (Manuscript.) Moscow: Lomonosov Moscow State Univ., 2015.]
- Татевосов 2016 — Татевосов С. Г. Глагольные классы и межъязыковое варьирование. (В печати.) М.: Языки славянской культуры, 2016. [Tatevosov S. G. *Glagol'nye klassy i mezh'yazykovoe var'irovanie* [Verbal classes and cross-linguistic variation]. (In print.) Moscow: Yazyki Slavyanskoi Kul'tury, 2016.]
- Терещенко 1947 — Терещенко Н. М. Очерк грамматики ненецкого (юрако-самоедского) языка. Л.: Учпедгиз, 1947. [Tereshchenko N. M. *Ocherk grammatiki nenetskogo (yurako-samoedsdskogo) yazyka* [An outline of the Nenets (Yurak Samoyedic) grammar]. Leningrad: Uchpedgiz, 1947.]
- Терещенко 1956 — Терещенко Н. М. Материалы и исследования по языку ненцев. М.: Изд-во АН СССР, 1956. [Tereshchenko N. M. *Materialy i issledovaniya po yazyku nentsev* [Materials and studies in the language of the Nenets people]. Moscow: Academy of Sciences of the USSR Publ., 1956.]
- Терещенко 1960 — Терещенко Н. М. О категории залога в самодийских языках // Жирмунский В. М. (ред.) Вопросы грамматики: Сборник статей к 75-летию академика И. И. Мещанинова. Л.: Изд-во АН СССР, 1960. С. 178—193. [Tereshchenko N. M. On the category of voice in Samoyedic languages. *Voprosy grammatiki: Sbornik statei k 75-letiyu akademika I. I. Meshchaninova*. Zhirmunsky V. M. (ed.) Leningrad: Academy of Sciences of the USSR Publ., 1960. Pp. 178—193.]

- Терещенко 1965 — Терещенко Н. М. Ненецко-русский словарь. М.: Советская энциклопедия, 1965. [Tereshchenko N. M. *Nenetsko-russkii slovar'* [Nenets-Russian dictionary]. Moscow: Sovetskaya Entsiklopediya, 1965.]
- Терещенко 1973 — Терещенко Н. М. Синтаксис самодийских языков. Простое предложение. Л.: Наука, 1973. [Tereshchenko N. M. *Sintaksis samodiiskikh yazykov. Prostoe predlozhenie* [Syntax of the Samoyedic languages. Simple sentence]. Leningrad: Nauka, 1973.]
- Шлуинский 2004 — Шлуинский А. Б. Аспектуальные деривации в малоземельском говоре тундрового диалекта ненецкого языка. Технический отчет 2003—06.22. М.: МГУ им. М. В. Ломоносова, 2004. [Shluinskii A. B. *Aspektual'nye derivatsii v malozemel'skom govore tundrovogo dialekta nenetskogo yazyka. Tekhnicheskii otchet 2003—06.22* [Aspectual derivations in the Malozemelski dialect of Tundra Nenets. Technical report 2003—06.22]. Moscow: Lomonosov Moscow State Univ., 2004.]
- Belletti, Rizzi 1988 — Belletti A., Rizzi L. Psych-verbs and u-theory. *Natural Language & Linguistic Theory*. 1988. Vol. 6. Pp. 291—352.
- Bohnenmeyer, Swift 2004 — Bohnenmeyer J., Swift. M. Event realization and default aspect. *Linguistics and Philosophy*. 2004. Vol. 27. No. 3. Pp. 263—296.
- Dowty 1979 — Dowty D. R. *Word meaning and Montague grammar*. Dordrecht: Holland, 1979.
- Hajdú 1988 — Hajdú P. Die samojedischen Sprachen. *The Uralic languages: description, history and foreign influences* (Handbuch der Orientalistik 8. Handbook of Uralic studies 1). Sinor D. (ed.) Leiden: Brill, 1988. Pp. 3—40.
- Kavitskaya, Staroverov 2010 — Kavitskaya D., Staroverov P. When an interaction is both opaque and transparent: The paradox of fed counterfeeding. *Phonology*. 2010. Vol. 27. Pp. 1—34.
- Klein 1995 — Klein W. A time-relational analysis of Russian aspect. *Language*. 1995. Vol. 71. No. 4. Pp. 669—695.
- Körtvély 2005 — Körtvély É. *Verb conjugation in Tundra Nenets*. Szeged: Studia Uralo-Altaica, 2005.
- Nikolaeva 2014 — Nikolaeva I. *A grammar of Trundra Nenets*. Berlin: Mouton de Gruyter, 2014.
- Rappaport Hovav, Levin 1998 — Rappaport Hovav M., Levin B. Building verb meanings. *The projection of arguments: lexical and compositional factors*. Butt M., Geuder W. (eds.). Stanford: CSLI Publications, 1998. Pp. 97—134.
- Ristinen 1973a — Ristinen E. K. Some remarks on the function of the subjective and objective conjugations in Samoyedic. *Journal de la Société Finno-Ougrienne*. 1973. Vol. 72. Pp. 337—347.
- Ristinen 1973b — Ristinen E. K. Observations on the functions of the conjugations in Samoyedic. *Uralica*. 1973. No. 1. Pp. 11—38.
- Salminen 1997 — Salminen T. *Tundra Nenets inflection*. Helsinki: Suomalais-Ugrilainen Seura, 1997.
- Salminen 1998 — Salminen T. *A morphological dictionary of Tundra Nenets*. Helsinki: Suomalais-Ugrilainen Seura, 1998.
- Tatevosov 2015 — Tatevosov S. *Severing imperfectivity from the verb*. Ms. Moscow: Lomonosov Moscow State Univ., 2015.

Статья поступила в редакцию 08.04.2015.

**К ЭТИМОЛОГИИ ЗАЧИНОВ
КИНГЕРА, ТИЛИРАМ, КИРГИЗ-ТАТАРИН И ДР.
в детской подвижной игре типа «цепи (кованые)»**

© 2016 г.

Глеб Иванович Романий^а,
Мария Аркадьевна Ключева^{б, в}

^а Независимый исследователь, Тель-Авив, Израиль; ^б Марийский государственный университет, Йошкар-Ола, 424000, Российская Федерация; ^в keymachine@yandex.ru

В статье исследуется этимология ряда асемантических зачинов русских формул-восклицаний («кричалок») в детской игре типа «цепи (кованые)». Большинство из них относится к Волго-Камскому региону. Показано, что эти зачины сформировались в значительной степени благодаря языковым контактам и заимствованиям в полиэтничном регионе. Проанализированы процессы семантизации и ресемантизации (переосмысления) при заимствовании лексических элементов игровых диалогов. Замечено, что в семантически пустых элементах игровых формул-восклицаний, в том числе десемантизированных в результате заимствования, консонантизм сильнее подвержен изменениям, чем вокализм и ритм.

Ключевые слова: детская речь, диалектизм, игровой фольклор, народные игры, региональная лексика, семантизация и десемантизация, языки Волго-Камья, языковые контакты

**TOWARDS THE ETYMOLOGY OF THE OPENING WORDS
KINGERA, TILIRAM, KIRGIZ-TATARIN, ETC.
in active children's games of the "red rover" type**

Gleb I. Romaniy^а, Maria A. Klyucheva^{б, в}

^а Independent researcher, Tel-Aviv, Israel; ^б Mari State University, Yoshkar-Ola, 424000, Russian Federation; ^в keymachine@yandex.ru

In the article the etymology of several semantically obscure opening words of Russian exclamation ("shouting") formulas in children's games of "red rover" type is examined. Most of them occur in the Volga-Kama area. It is shown that these phrases were crystallised largely due to language contact and borrowing in a multi-ethnic region. The processes of semantisation and re-semantisation (semantic adaptation), associated with the borrowing of lexical items from game dialogues, are analysed. Inter alia, it is pointed out that consonantal changes are much more characteristic of the desemantised (in particular, by borrowing into another language) exclamatory game utterances than vocalic and rhythmic changes.

Keywords: child language, dialectism, folk games, game folklore, languages in contact, regional vocabulary, semantisation and desemantisation, Volga-Kama languages

1. Введение

Данное исследование посвящено попытке установить этимологию русских зачинов игровых диалогов в детской подвижной игре типа «цепи (кованые)»¹: *зингера*, *кингера*, *тилирам* (*телерам*), *киргиз-татарин*. Суть игры состоит в следующем: две команды становятся

¹ Игра имеет различные региональные наименования, и это название не является общепринятым. Для удобства используем его далее в качестве условного обозначения рассматриваемой игры.

шеренгами друг напротив друга на некотором расстоянии, крепко берутся за руки и по очереди вызывают из противоположной команды участников, которые с разбега пытаются разорвать цепь противника; разбивший цепь игрок забирает одного из «расцепленных» в свою команду, в противном случае сам остается в противоборствующей команде; выигрывает команда, набравшая больше участников. Выбор участника из противоположной команды сопровождается диалогом сторон, состоящим, как правило, из фиксированных фраз («кричалок») с незначительным варьированием.

Замечено, что детские игровые произносительные формулы, например слова кричалок и считалок, могут подвергаться изменениям в результате двух разнонаправленных процессов: с одной стороны, это обесмысливание (десемантизация) полнозначных слов в детской речи, с другой — сближение незначащих сегментов речи, в том числе заимствованных, со знаменательными словами языка, далее — «семантизация» (см., например, [Топорков 1998: 582—583; Романий 2015: 14]). Эти специфические для детского игрового языка факторы затрудняют установление первичной формы той или иной игровой фразы или формулы, не имеющей ранних письменных фиксаций. Самые старые письменные фиксации для игры типа «цепи» обнаруживаются лишь у этнографов и фольклористов XIX в. Все это осложняет этимологизацию подобных терминов.

В игре типа «цепи» между командами соперников происходит содержательный диалог. Этот диалог представлен множеством региональных вариантов (см. [Романий 2015: 11—12; Ключева 2014: 217—219]). В части случаев первая реплика диалога выделяется своей «асемантичностью». В данной работе нас будут интересовать следующие асемантические зачины кричалок в игре типа «цепи» (ниже приведем также их современную региональную дистрибуцию в городском узле на основе анализа упоминаний в Интернете)²:

1) **Зин-герá, (кого ерá?)** — по две фиксации в г. Шахунья Нижегородской обл. и г. Котельнич Кировской обл. Пример кричалки: *Зингера! — Кого ера? — (Того-то)*.

- (1) А у нас Зингера! — Кого ера (или яра, сама не знаю)?! — «Имя»³ [опрос об игре «цепи (кованые)» в социальной сети «ВКонтакте» (vk.com), 2012, автор записи из Шахуны].
- (2) А у нас любимые [игры] были прятки, стрелки (когда рисовали), зингера-кого ера? (2 команды напротив, кого-то называют и бежит прорывается) [социальная сеть «ВКонтакте» (vk.com), 2008, автор родом из Шахуны, живет в Кирове, 1961 г. р., женского пола].
- (3) А еще подвижная игра была. Название «зин-герА» или что-то в этом роде помните? Я перерыла инет в поисках такой игры, не нашла. В нее играли, когда много людей, в основном играли на верхней площади, где в те годы не было детского центра. Делились на 2 команды. Команды брались за руки и вставали напротив друг друга. Одни кричали: — Зин-герА!, другие отвечали: — Кого ера? (Странный набор слов, но мне так слышалось, может кому-то другому?) — Васю! Тогда Вася разбежался и с разбега пытался прорвать сжатые руки команды, которая его «захотела». А команда пыталась его поймать, крепче сжимая руки. Поймали — вставай в строй. Прорвался — беги. Тогда команда-ловец кидается догонять, а Вася пытается убежать к «своим», которые в свою очередь бегут ему навстречу! [форум Котельнича (Kotelnich.info/kotelok), 2007].
- (4) Я помню мы играли в зингера в 6 классе и уронили свою классную руководительницу! [социальная сеть «ВКонтакте», 2010, автор из Котельнича, 1995 г. р., женского пола].

2) **Кин-герá, (кого ерá?)** — единичные фиксации в Кировской обл.

- (5) Любимые — те игры, в которые играют все дети, независимо от пола. Например, прятки. Их я просто обожала. И такая разновидность прятков, как 12 палочек. Казаки-разбойники. Миловуха. Кингера-кого ера (в других областях её зовут цепями коваными) [форум по соционике socionica.com, 2009, автор из Кировской обл., без точного указания места, женского пола].

² Нижеперечисленные зачины выступают также как названия рассматриваемой игры в результате лексикализации игрового восклицания.

³ Здесь и далее орфография и пунктуация примеров сохранены.

- (6) Про игры. Какая любимая? [Варианты]: Войнушка. Кингера-кого ера? 12 палочек. Мировуха. Казаки-разбойники [опрос на молодежном игровом форуме forum.haddan.ru, 2008, автор из Кировской обл., точное место неизвестно, женского пола].

3) **Тилира́м и телера́м, телера́м-телера́м** — многочисленные фиксации в городах Чебоксары и Новочебоксарск (Чувашия). Пример кричалки: *Телерам-телерам! — Кого вам? Кого вам? — (Того-то).*

- (7) У нас [игра] называлась «Телерам». Те, кто выбирал, кто побежит, кричали: «Телерам, телерам», другие отвечали: «Кого вам? Кого вам?». В ответ первые называли имя. Детство мое прошло в городе Чебоксары [комментарий в блоге на diary.ru, 2011, автор записи 1987 или 1988 г. р., женского пола].
- (8) А сегодня пошли гулять и, как только вышли из подъезда, были оглушены криками, раздающимися из садика напротив: «Тилирам-тилирам — Кого вам? Кого вам?» И снова на меня обрушилось детство [блог в «Живом журнале» (livejournal.com), 2010, автор из Чебоксар, 1980 г. р., женского пола].
- (9) Любимые игры: телерамм... телерам... кого вам? кого вам??.. помните? [профиль в социальной сети «ВКонтакте» (vk.com), автор из Чебоксар, 1987 г. р., женского пола].
- (10) Нашим ребятам особенно нравятся чувашские народные подвижные игры «Иголка, нитка, узелок», «Утки», «Рыбки», «Тили-рам» [сайт детского сада в Чебоксарах (detsad25.dou21.ru), 22.05.2014].
- (11) Любимые игры: телерам телерам [профиль в социальной сети «ВКонтакте», автор из Новочебоксарска, 1989 г. р., мужского пола].
- (12) Произвольная программа — это чревато, нажруцца. Надо конкурсы придумать, прятки там, телерам какой-нибудь, ребусы [автофорум clublaguna.ru, 2007, автор из Новочебоксарска, мужского пола] и т. д.

Кроме вышеупомянутых асемантических зачинов рассмотрим также следующий зачин, в котором знаменательные слова, предположительно, могут быть результатом позднейшей семантизации:

4) **Киргиз-татарин** — г. Алатырь (Чувашия). Обнаружены примеры использования этого выражения в функции названия соответствующей игры (название игры образовано от соответствующего восклицания):

- (13) Дети развлекались, играя в подвижные игры: «Третий лишний», «Вышибалы», «Киргиз-татарин» и др. [сайт средней школы в Алатыре (sosh9-galat.edu.cap.ru), 2012].
- (14) Любимые игры: Киргиз-Татарин [профиль в социальной сети «ВКонтакте» (vk.com), автор из Алатыря, 1988 г. р., мужского пола].
- (15) «Хали-хало, телерам... Как интересно... Эти же игры у нас назывались по-другому. «Хали-хало» — «Лили-Лили», а «телерам» назывался «Киргиз-татарин» [форум Чувашии (na-svyazi.ru), 2008, автор записи родом из Алатыря, живет в Чебоксарах, 1985 г. р., женского пола].

Этимология приведенных зачинов не становилась ранее предметом специального рассмотрения⁴.

2. Кингера́, зингера́

Игровые восклицания *кингера*, *зингера* фонетически перекликаются с аналогичными зачинами, бытующими у удмуртов в сельской местности (с. Дізьмино Ярского р-на Удмуртии [Долганова, Морозов 2002: 161—162]):

⁴ Зачин *киргин-татарин*, сопоставимый с *киргиз-татарин*, упоминался ранее в статье М. А. Ключевой [2015: 44], однако не получил там развернутого анализа.

(16) [цепь 1]: *Кимера́ / кемерá⁵* (также: *Кин яра́м?* или *Кенерáм* ‘мы забор поставили’ [sic]).

[цепь 2]: *Кого надо?*

Попытаемся объяснить их на удмуртской почве. Фразу *Кин ярам?* можно вольно перевести с удмуртского как ‘кто [для вас] хорош?’ или ‘кто понравился?’ — от удм. *кин* ‘кто’ и *яра́м* ‘хорошо, ладно’, последнее является возгласом одобрения, а также формой прошедшего времени глагола *яраны́* ‘нравиться’⁶.

В обоих русских зачинах (*кингера*, *зингера*) ответной репликой является *Кого ера́ (яра́)?*, которая перекликается с удмуртским *Кин яра́?* ‘кто нравится?’, ввиду чего русск. *кого*, по-видимому, представляет собой свободный перевод удм. *кин* ‘кто’ (в результате контаминации с русским вопросом *Кого надо?* или *Кого выбираете / выбираете?*), а *ера* можно возвести к удм. *яра́* ‘нравится’, форме вышеупомянутого глагола *яраны*. Отметим, что в удмуртском этот глагол заимствован из татар. *ярагá* ‘годиться, подходить’ (-*ра* — формант инфинитива), а *ярам* коррелирует с татар. *яра́р* ‘ладно’, причем оба слова представляют собой адвербиализованную форму приведенного выше глагола: удм. *ярам* — букв. ‘(ты/он/она) понравился, -ась’ (прошедшее результативное время и страдательное причастие прошедшего времени), татар. *яра́р* — букв. ‘(он) сгодится, подойдет’ (будущее неопределенное время). Кроме того, удм. *яра* — утвердительная частица и предикатив ‘хорошо, да; можно; разрешается; ладно’ [УРС: 823].

Учитывая сказанное, можно восстановить «удмуртскую» праформу русского диалога: **Кингера* (или *зингера*)! — *Кин яра?*, где *яра*, возможно, понималось двояко: как форма глагола *яраны* ‘нравиться’ и как предикатив ‘можно, возможно’. Фразу *Кин яра?* можно назвать удмуртской условно, поскольку она сопоставима с одной стороны, с татар. *Кем яра?* ‘кто подходит?’ (хотя реальной фиксации последнего выражения в татарских играх пока не было обнаружено), а с другой — с тюркским (точнее, татарским) *Кем кирáк?* ‘кто нужен?’, как возможная семантическая калька (неточная)⁷. Последнее выражение нередко фигурирует в описаниях подобных татарских игр (а также других тюркских — башкирских, казахских) в ответной реплике диалога, например:

(17) татар. *Ак тирэк! — Күк тирэк! — Сезгә бездән кем кирэк?* [блог в «Живом журнале» (livejournal.com), 2012, сообщение автора 1989 г. р. с пометой, что так кричат татары в Башкирии]. ‘Белый тополь! — Синий тополь!’⁸ — Кто из нас вам нужен?’ (перевод наш. — Г. Р., М. К.).

⁵ Ударения проставлены нами.

⁶ «**ярам**, 1. *частица утверд[ительная]* хорошо; ладно *разг.*; ~, **коть тон ачид отчы вуид** хорошо, что ты сам туда успел (прийти); ~, **дорады пырало** ладно, зайду к вам 2. *положит. ф. 3-го л. ед. ч. неоч[евидного] прош. вр. гл. яраны; сапег солы туж* ~ сапоги ему очень понравились» [УРС: 823].

⁷ Отметим также, что удм. *Кин ярам?* напоминает татарские фразы *Кем ярам / яры́йм?* ‘кого (я) хочу / люблю?’, букв. ‘кто мне угоден (годится)?’ (либо ‘кого я захотел?’, если *ярам* — стяжение диалектной формы прошедшего неопределенного времени *яра-ган-ым* ~ лит. *яраганмы́н*), и *Кем яра́?* ‘кого он хочет / любит?’. Однако исходя из логики игрового диалога наиболее вероятно, что вопрос, обращенный к команде противников, формулировался во 2-м лице, ввиду чего от сближения удмуртской фразы с вышеуказанными татарскими, скорее, следует отказаться.

⁸ Слово *тирэк* ‘тополь’ употреблено в кричалке, по-видимому, для рифмовки, без какой-либо связи с сюжетом игры. Последний факт подкрепляется наблюдением, что это слово само легко переосмысливается в составе кричалок, ср. ниже казах. *ақ серек пен көк серек*, а также татар. *Алдыр чиймә тамчылы, // Гөлдөр чиймә тамчылы. // Ал кирэк, гөл кирэк, // Бездән сезгә кем кирэк?* ‘Кападет источник вроде бы алый, // Кападет источник вроде бы розовый, // Алый нужен, розовый нужен [видимо, вместо первоначального «Белый тополь, синий тополь». — Г. Р., М. К.], // Кто из нас вам нужен?» [Ягафаров 2002: 62] (перевод наш. — Г. Р., М. К.). Эпитет ‘синий’, очевидно, означает конкретный ботанический вид тополя — тополь черный, или осокорь, *Populus nigra*, ср. башк. *күк тирэк* ‘осокорь, тополь черный’ [БРС: 312], и таким образом, это название вступает в определенную «ботанико-цветовую» оппозицию с *ак тирэк* ‘тополь серебристый, или белый, *Populus alba*’ (ср. татар. *ак тирэк* ‘серебристый тополь’ [ТРС, 2: 380], башк. *ак тирэк* ‘то же’ [БРС: 616]).

- (18) башк. *Кабыр-кабыр кабырсак, // Ат башында кимерсәк. // Ак тирәк — күк тирәк // Беззән һезгә кем кәрәк?* — кричалка в игре «ак тирәк — күк тирәк» [онлайн-энциклопедия «Википедия» на башкирском (ba.wikipedia.org)]. Перевод: ‘Ракушка-ракушка, // С конскую голову [т. е. очень большой. — Г. Р., М. К.] хрящ. // Белый тополь — синий тополь // Кто из нас вам нужен?’ (перевод наш. — Г. Р., М. К.).
- (19) казах. *Ақ серек, көк серек! (“кандалы закованы”): Ақ серек пен көк серек! // Тауып алдым бәйтерек! // Жалындаған күн керек! // Жалпы достан кім керек? // Анау тұрған ұл керек! // Оның аты — Еркебек, // Келсін бізге ертерек!* [казахстанский родительский форум mama.kz]. Перевод (буквальный): ‘Белый длинный и синий длинный! // Я нашел большой тополь! // Нужно палящее солнце! // Кто нужен в друзья? // Нужен вон тот стоящий мальчик! // Его зовут Еркебек, // Нам как можно скорее!’ . Фиксируется также короткий вариант кричалки: *Ақ серек көк серек, бізден сізге кім керек* ‘Белый длинный, синий длинный, кто из нас вам нужен?’ (перевод наш. — Г. Р., М. К.).

Ясно, что удм. **Кин яра?* не является точным переводом тюрк. *Кем кирәк?*⁹. Поэтому можно говорить о гетерогенном, контаминационном характере удм. **Кин яра?*, который обусловлен многозначностью элемента *яра* в удмуртском языке. При этом значение ‘кто нравится?’ могло возникнуть и на собственно удмуртской почве, не обязательно под влиянием незасвидетельствованного в этой игре татар. *Кем яра?*

Отметим, что вышеупомянутый зачин *кенерам* происходит, по-видимому, из *Кин ярам?* в результате ресемантизации, переосмысления в связи с удм. *кенерәм*, страдательным причастием от глагола *кенераны* ‘загородить, отгородить; обнести изгородью’ [УРС: 292], то есть ‘загороженный, отгороженный’, или прошедшим результативным временем: ‘ты/он/она загородил(а), отгородил(а)’. Очевидно, такому переосмыслению способствовала соотнесенность глагола *кенераны* с игровым действием — образованием цепи, преграды, «заграждения» из рук. Зачин приобретает смысл ‘загорожено’, ‘забор готов’, учитывая перфектность (результативность) этой глагольной формы, если трактовать ее как страдательное причастие в функции предикатива. Ср. ту же глагольную форму в удмуртской реплике в диалоге той же игры: удм. *Кинлы мар луым?* [Долганова, Морозов 2002: 69, 164] от глагола *луыны* ‘быть, становиться; происходить, случаться’ [УРС: 406], букв. ‘кому что случилось?’ или в более вольном, смысловом переводе: ‘у кого что?’, ‘кому что надо?’ (при этом *кинлы*, форма дательного падежа, буквально значит ‘кому’).

Переходя к происхождению собственно формы *кингера*, можно сказать, что татар. *кем кирәк* при заимствовании в удмуртский вполне могло трансформироваться через **кенкеря(к)* в *кингера*¹⁰ с утратой конечного глухого согласного при крике или, скорее, в результате рифмовки с последующим удм. **Кин яра?* Последнее допущение объясняет также *кин-* вместо *кем-* в *кингера*, а также, возможно, отражение татар. *ә* как [a]. Впрочем, [a] может объясняться отсутствием в удмуртском языке *ә* [æ], т. е. более закрытого и продвинутого вперед [a] (близкого по качеству к русск. [a] между мягкими согласными, например, в *пять*). Твердость [r] также можно увязать с отсутствием в удмуртском языке палатализованного [r]. Таким образом, фраза ‘кого надо?’ оказалась продублирована на татарском и на удмуртском, а впоследствии переведена на русский в ответной реплике-вопросе.

Формы зачина *кимера*, *кемера* могут быть десемантизированным на русско-удмуртской почве татар. **Кем яра?* ‘кто подходит?’, упомянутым выше; при этом исчезновение конечного [r] объяснимо рифмовкой с последующей фразой диалога — удм. *Кин яра?* или русск. *Кого*

⁹ При этом точное семантическое соответствие тюркской фразе — удм. *кин кулэ* ‘кто нужен?’ — находим, например, в следующем игровом диалоге: «*Венья, Венья, тар-тар! — Кин кулэ?* (или *Ково кулэ?*) — *Ваня (Оля)*» (д. Кыквә Якшүр-Бодьинского р-на Удмуртии) [Долганова, Морозов 2002: 287]. *Ково кулэ?* — частично русифицированная фраза с *ково* из русск. *кого*.

¹⁰ С озвончением *-мк-* / *-нк-* > *-нг-* в позиции перед гласным, предположительно, на удмуртской почве. Подобная соноризация глухих после сонорного наблюдается в удмуртских, татарских, башкирских диалектах, а также в чувашском (см. ниже) и марийском языках. Например, в среднечепецком диалекте удмуртского языка *piñ dolganə* при литературном *пинь долгань* ‘набить оскомину’ [Карпова 1998: 123].

яра (*era*)? С другой стороны, учитывая гипотетичность формы вопроса *Кем яраp?*, мы не исключаем для *кемера* возможность фонетического преобразования все того же татар. *кем кирэк*.

Таким образом, здесь мы, по-видимому, наблюдаем механизм взаимовлияния языков, находящихся в постоянном контакте в полиэтничном регионе¹¹. Удмурты могли усвоить игровой термин от татар, издавна (с конца XVII — начала XVIII в.) проживавших на территории современной Удмуртии, в частности, в верхнем и среднем течении реки Чепцы [Пислегин, Чураков 2012: 175; Касимова 2012: 178—179], где они живут по сей день¹². Это согласуется с фиксацией зачина *кимера́* (/ *кемера́* / *кин яра́м?* / *кенера́м*) в с. Дизьмино в бассейне Чепцы.

Форма *зингера* могла возникнуть в результате семантизации бессмысленного для русскоговорящих детей восклицания *кингера* сближением с русским именем Зина или, возможно, с названием марки швейных машин «Зингер». Нужноется в объяснении появления иноязычного по происхождению зачина в Нижегородской обл. — в г. Шахунье. Шахунья основана как поселок строителей железной дороги из Нижнего Новгорода в Котельнич в 1921 г., и примечательно, что данный игровой термин зафиксирован также в Котельниче, непосредственно связанном с Шахуньей железнодорожной линией. Можно предположить, что термин был интродуцирован при заселении города выходцами из сопредельной Кировской обл., где проживают татары, удмурты, мари.

Далее, любопытным представляется созвучие русск.-удм. *кемера* с начальным элементом *камыр* (букв. 'тесто') в татарской кричалке: *Камыр-камчылык. — Камыр башы тимчелек. — Ахирәткә кем кирәк? — Гөлкәй матур, шул кирәк* 'Тесто-плетка. — На тесте [далее неясное (вероятно, асемантическое) слово. — Г. Р., М. К.]. — Кто нужен в друзья? — Гулькай красивая, вот она и нужна' [Ягафаров 2002: 62] (перевод наш. — Г. Р., М. К.). С другой стороны, ср. созвучный башкирский зачин *Кабыр-кабыр кабырсак* при *кабырсак* 'ракушка', а также хакасский *Табыл-тубыл хамчылыг, // Табылгат пазы нинчилиг...* 'Табыл-тубыл [sic] с бичом, // Верхушка таволожника [название растения, *Filipendula ulmaria*. — Г. Р., М. К.] с бисером' [Бутанаев, Верник 1995: 16] (перевод авторов книги). *Камыр* могло бы возникнуть, например, из *кабыр* индукцией со стороны русск.-удм. *кемера*. Впрочем, это созвучие может быть и случайным совпадением — особенно ввиду акцентуационных различий между татарским и русско-удмуртским зачином.

Сравнение разных тюркских кричалок показывает, что дети сохраняют ритм произносительной формулы, но при этом могут весьма вольно изменять слова внутри нее, что выражается прежде всего в вариативности консонантизма, ср. первое слово кричалок на разных тюркских языках: татар. *камыр*, башк. *кабыр*, хакас. *табыл* (при этом последние два слова асемантические). В русском игровом фольклоре тоже имеются примеры подобной вариативности, к примеру, региональная терминология в игре «камень, ножницы, бумага», а именно возглас, которым предвеляют «скидывание» на пальцах. Ряд таких региональных формул обнаруживают единство вокализма при варьировании консонантизма, ср. *у-е-фа, цу-е-фа, су-е-фа, цу-дэ-фа, бу-цэ/ы-фа, гу-ли-фа, су-ли-фа* (сохранность консонантизма последнего слога, очевидно, связана с его особой игровой функцией — сигнала к игровому действию) и *пи-ни-ко, чи-чи-ко, чи-фи-фо, ви-зи-го, (в)ин-дэ(р)-кок* [Романий 2013: 14—15]. Примером консонантной вариации *in statu nascendi*, по-видимому, является региональное восклицание при игре в прятки (и переносно: название игры в прятки) с параллельными формами *стука́ли-па́ли* и *стука́ли-ба́ли*¹³ [Там же: 16]. Второй вариант, судя по анализу узуса в Интернете, встречается у более молодых людей¹⁴. Этот пример иллюстрирует возникновение

¹¹ Помимо удмуртов и русских в Удмуртии проживают также татары и мари, причем значительная часть удмуртов и мари традиционно являлись трилингвами — кроме родного языка многие владели русским и татарским.

¹² Современные Базезинский, Глазовский, Юкаменский и Ярский районы Удмуртии [Касимова 2012: 179].

¹³ Одновременно обе формы наблюдаются в Запорожье (на основании анализа сетевого узуса).

¹⁴ Ср. «Любимые игры: стукали-бали, даганялки, краски» [профиль в соцсети «ВКонтакте», автор из Запорожья, 2000 г. р., женского пола]; «[В какие игры вы играли в детстве?] Стукали-бали за себя,

вариации в результате деэтимологизации, являющейся частным случаем десемантизации: *стукали-пали* происходит, в конечном счете, от *пáлка-стукáлка* — палочка, которой касаются условленного места (бьют), когда кого-то находят¹⁵; со временем в игре перестали использовать палку, а стали бить ладонью, и связь со словом *палка* была утрачена. Подчеркнем, что в последних примерах консонантные вариации наблюдаются именно в формулах-восклицаниях. Очевидно, при «кричании» или громком произнесении нараспев особое значение приобретают вокализм — вокалический «каркас» произносимой фразы — и ритм.

3. Тилира́м, телера́м

На базе чувашского языка данный зачин можно было бы связать с созвучным чувашским глаголом *ти́лёр* ‘то же, что *ти́лмёр*’ [СЧЯ, 14: 37]¹⁶, т. е. ‘умолять, просить убедительно’ [Там же: 38], но не удастся найти похожую на *тилирам* / *телерам* форму глагола, релевантную в контексте игрового диалога — т. е. ‘я прошу / попрошу / хочу попросить’ или ‘мы просим’ и т. п. Наиболее фонетически близкая форма — *ти́лёртём* ‘я попросил’ (прошедшее определенное время). Однако последующее фонетическое искажение предполагает десемантизацию, а десемантизация слова, мотивированного на собственно чувашской почве контекстом игрового диалога, маловероятна. Эта версия не лишена и семантической «натяжки»: значение ‘умолять’ слишком маркировано для данной игровой ситуации.

Звуковой облик рассматриваемого игрового термина с нарушением сингармонизма гласных (наличие одновременно гласных переднего и заднего ряда) наводит на мысль о заимствовании. Близкая форма обнаруживается в татарском: *теләрем*, диалектное 1-е л. ед. ч. будущего неопределенного времени от глагола *теләргә* ‘хотеть, желать’ (при литературном *теләрийн*). Можно предположить, что из татарского было взято первое слово игровой реплики ‘я желаю того-то’. Преобразование ударного исхода слова *-рем* в *-рам* в таком случае могло произойти вследствие рифмовки с ответной репликой на русском: *Кого вам? Кого вам?*, на почве русского языка или в условиях русско-чувашской макаронической, гибридной, речи (на макароничный характер термина указывает и нарушение сингармонизма).

Также обращает на себя внимание созвучие *телерам* с *кенерам*. Однако эти зачины фиксируются довольно далеко друг от друга географически — в Чувашии и на севере Удмуртии соответственно, что препятствует их сопоставлению.

Телерам можно также возвести к татар. **Кем ярам?* ‘кто подходит?’, учитывая ритмико-вокалическое сходство этих фраз и при допущении ассимилятивно-диссимилятивных (*м-р-р > м-р-м*) и адаптационных изменений консонантизма. Начальный согласный в *телерам*, *тилирам* может быть обусловлен влиянием собственно чувашских образований звукоподражательного характера типа *тил-тил* ‘подражание игре на скрипке?’; *тиллит-тиллит тил хўри*, *тил хўри мар* — *хёр хўри* «так поют дети, иногда приплясывая», д. Тимирзёкасы Аликовского р-на Чувашии [СЧЯ, 14: 36—38], букв. ‘*Тиллит-тиллит*, не лисий хвост, а девичий хвост (т. е. волосы)’. Последняя приговорка, очевидно, основана на созвучии с *ти́лэ*, *тил* ‘лиса, лисий’. Ср. также русские диалектные звукоподражания: *ти-ли-ли* (песне) и *тили́и* (цепам при молотье), Новгородская губ.; *тили́лика* ‘пиликанье’, Одесская обл. [СРНГ, 44: 122].

борьща» [сайт вопросов и ответов «Спрашивай.ру» (sprashivai.ru), 2013, автор записи из Запорожья, 1995 г. р., мужского пола] и, с другой стороны, «Ой, девочки, а еще за играми скучаю... Прятки, “борщ”... Артек (саджа). Стукали-пали за себя» [женский форум Запорожья (ladies.zp.ua), 2010, автор ок. 1990 г. р.]; «[А что вы кричали, когда играли в прятки и кого-нить находили?] Стукали-пали» [опрос в соцсети «ВКонтакте», 2008, автор родом из Запорожья (живет в Москве), 1986 г. р., мужского пола].

¹⁵ Ср. диал. *пáлочка-стукáлочка* «палочка, которую при игре в прятки забрасывали как можно дальше. Водящий должен был ее принести, испачкать спрятавшихся и стучать этой палочкой каждый раз, когда он кого-нибудь найдет»: новгородское (1904), иркутское, а также в *палочку-стукáлочку играть* ‘играть в прятки’, Угличский р-н Ярославской обл. (1990) [СРНГ, 42: 80].

¹⁶ Приведен пример употребления из чувашской песни.

4. Киргиз-татарин

Этот игровой термин, очевидно, генетически связан со следующими кричалками: *Кыргэн-кыргэн-татарин* // *йыргэн-йыргэн-татарин*, *кого (любишь, выбирай!)* (д. Малые Параты Волжского р-на Марий Эл), *Киргын-киргын-татарин!* (д. Малое Иваново Волжского р-на) [Ключева 2014: 218]; *Киргым-киргым-татарин!* — *Кõ кӱлеш?* ('кто нужен?') — *Миклай кӱлеш* ('Миклай нужен') (в устном сообщении выходца из д. Малое Иваново, 1965 г. р.) и *Диргин-диргин-татарин!* (д. Кукшенёры Волжского р-на, информант 1960 г. р.) [из личного архива М. А. Ключевой]. По нашим же данным, игра с подобным зачином была известна и в других населенных пунктах Волжского р-на, в частности, в д. Березники (информант 1948 г. р.) и с. Обшяйры (информант 1961 г. р.), но точно воспроизвести игровой зачин информанты затруднились.

Надо полагать, *киргиз* является переосмыслением неясного для носителей русского языка *киргин*, и такому переосмыслению как этнонима, несомненно, благоприятствовало наличие другого этнонима во второй части. Уроженцы разных деревень Волжского р-на республики Марий Эл (1927, 1948, 1960, 1961 и 1965 г. р.), от которых были записаны рассказы об игре, никак не объясняли значение первого слова зачина даже на уровне предположений¹⁷. Очевидно, для них оно является немотивированным и асемантическим. На асемантичность указывают также фонетические колебания в слове: *киргим*, *киргин*, *кырген*, *йырген*, *диргин*.

Рассмотрим прежде всего фонетические варианты первого элемента зачина. Колебания начального согласного *к- / й- / д-* сводятся к *к- / й-* (> *д*'), поскольку переход *й > д'* в начале слова типичен для марийских говоров, в том числе волжского (далее волж.), где фиксируются все соответствующие кричалки, ср. лит. марийск. *йӱр* 'дождь' ~ волж. *д'ур*, лит. марийск. *йолазай* 'лентяй' ~ волж. *д'олагай*, лит. марийск. *йӱштӧ* 'холодно' ~ волж. *д'ӱгыштӧ*, лит. марийск. *ен* 'человек' ~ волж. *д'ын* [Иванов 1981: 45]. Отметим, что форма на *д-* отличается от остальных акцентуационно и можно предположить здесь вторичный сдвиг ударения: **диргын-диргын > диргин-диргин*. Отметим также, что формы с [и] во втором слоге (*диргин-*, *киргын-*, *киргым-*) неорганичны для марийского языка по вокализму, поскольку звук [и] в марийском не встречается ни в заударном слоге, ни в суффиксах [Грузов 1965: 86, 136—137] (исключение — кильмэзский говор восточного наречия [Иванов 1981: 64]). При этом зачины *кырген-* и *йырген-* едва ли первичны по отношению к вариантам с огласовкой [и], поскольку для волжского говора переход *ы > и* не характерен. Напротив, типична редукция этимологического и литературного [и], например: волж. *ымны* при лит. марийск. *имне* 'лошадь', *кыт* ~ лит. марийск. *кид* 'рука', *кышкы* ~ лит. марийск. *кйшке* 'змея' [Грузов 1960: 16]. Следует отметить, что в марийском языке звук, обозначаемый как «ы», отличается от русского [ы] и является редуцированным гласным заднего ряда (типа русских заударных [ъ] на месте «о» в слове *золото*).

Этноним *татарин* в кричалке не является исконно марийским и не характерен для марийского языка, по крайней мере, для волжского говора (ср. марийск., в т. ч. волж., *суяс* 'татарин', хотя форма *татӱр* 'татарин' в марийском также фиксируется [СМЯ, 7: 62], а мари Пермского края (сылвенские) называют татар *тотӱр*). *Татарин* не совпадает ни с чувашской, ни с татарской формой этнонима (чуваш. *тутар* [тудӱр]¹⁸, татар. *татӱр*) и является, таким образом, бесспорным русизмом или, вероятнее, русификацией. Явно нерусский первый элемент кричалки и русское продолжение реплики — *Кого любишь, выбирай! / Кого?* (д. Малые Параты) указывают на макаронический характер диалога (отметим, что есть и вариант диалога с марийским продолжением — см. выше у информанта из д. Малое Иваново). В свете сказанного есть две возможности:

¹⁷ Лишь самый образованный из наших информантов, работающий в МарГУ (родом из д. Малое Иваново), предположил относительно своего зачина: «наверное, что-то татарское».

¹⁸ Чувашскому языку свойственно озвончение глухих согласных между гласными и после сонорных перед гласными.

1) рассматриваемый зачин двуязычен: второе слово в нем русское (этноним), а первое — не русское и, по-видимому, не марийское (ввиду вышеупомянутой асемантической для носителей марийского языка);

2) второй элемент зачина — *татарин*, так же как и первый, восходит к какому-то иноязычному (например, тюркскому) слову, созвучному русскому *татарин*, и при переходе в марийский произошла его ресемантизация в связи с заимствованной из русского (т. е., опять же, макаронической) формой этнонима. Рассмотрим каждую из этих гипотез.

4.1. Гипотеза 1

Любопытно созвучие первого элемента кричалки с татар. *кергэн* ‘он зашел, пришел’ (форма прошедшего неопределенного времени от глагола *керергэ* ‘входить, заходить’). Тогда исследуемая фраза могла бы означать ‘Пришел татарин’. Предположим, «татарин» — название персонажа. Но в играх этого типа — марийских, чувашских, русских — персонаж «татарин» не обнаруживается, равно как и в хороводных играх, которые типологически могли предшествовать игре с двумя шеренгами. Единственное косвенное свидетельство в пользу такого толкования (на материале игровых культур Волго-Камья) — реплики с упоминанием слова *татár* ‘татарин’ (удм.) в удмуртской игре, в которой «противостояли друг другу партии жениха и невесты, принадлежащие к разным родам», что указывает, по предположению Л. Н. Долгановой и И. А. Морозова, на смешанные браки [Долганова, Морозов 2002: 354]. Однако интерпретация этого *татар* как изначального этнонима в удмуртских кричалках в игре, аналогичной «цепям (кованым)», вызывает сомнения ввиду наличия близких форм кричалок без *татар*, причем в тех же населенных пунктах: *татарбылин* и *блин-та-та* (д. Вóрца Ярского р-на, деревни Верхняя Кúзьма и Жаба Глазовского р-на Удмуртии) [Там же: 161, 286], ср. также *блинта-тутай*, *мынта-тутай*, *минто-туту* (д. Алексеево Глазовского р-на) [Там же: 286].

Можно допустить, что «татарин» — переносное, метафорическое обозначение чужака, враждебного элемента, представленного в лице персонажа жениха, умыкающего девушку. Ср. любопытную параллель *татárка*: «в свадебном обряде — эпитет ближайшей подружки невесты. Жених кладет серебро и девки отдают ему невесту, а он угощает их водкой! Присутствующие кричат: наши девки татарки пропили Прасковью за чарки» (Смоленская губ., 1914) [СРНГ, 43: 304]. Однако реконструкция формы зачина **Кергэн татарин* сопряжена с фонетическими затруднениями: марийск. *ы* первого слога не может быть непосредственным отражением татар. *е* или результатом его редукции, а татар. *ә* [æ] второго слога должно было дать [а], а не [е] в луговом наречии марийского языка, к которому относится и волжский говор [Грузов 1969: 99], ср. татар. *әрдәнэ* ‘поленица’ > марийск. луг. *артанá* ‘то же’, татар. *нэстэ* ‘вещь, предмет’ > марийск. *наста́* ‘то же’ и др.

С другой стороны, если *татарин* в зачине — этноним, то первый элемент кричалки может представлять собой какое-либо определение упоминаемого в игре татарина. Фонетически и семантически подходящим представляется сопоставление с татар. *кыргый* ‘дикий; варвар’ [ТРС, 1: 701]. Двуязычное «дикий татарин» выступает в игре как обращение-дразнилка к команде противников и указывает на воинственный характер игры¹⁹. Конечное *-н* в марийских кричалках можно объяснить уподоблением первого слова зачина второму по ауслауту. Татар. *кыргый* имеет тюркскую этимологию, см. [ЭСТЯ, 6: 226—228]²⁰.

Фиксация татарско-русской макаронической кричалки в марийских деревнях и в г. Алатырь (Чувашия), причем дистантно — не в соседних районах — указывает, скорее всего,

¹⁹ О воинственном характере рассматриваемой игры свидетельствуют и обнаруженные нами в Интернете зачины кричалок *король-король*, *подай солдата* (г. Синельниково, Украина) [Романий 2015: 12] и *царь царю подай солдата* (единичная фиксация на востоке Украины, без точного указания места).

²⁰ Заметим, что в марийском есть собственное слово *ир* (марийск. луг.), *хир* (марийск. гор.) ‘дикий’, являющееся заимствованием из чуваш. *хир* ‘то же’, родственного татарскому *кыргый* [Там же].

на то, что у них есть общий источник. Обращение «дикий татарин» в играх юношей могло иметь место, к примеру, в традиционных кулачных боях между русскими и татарами в Казани (в XIX в.). «Бойцы, выстроившись в две стены, одна против другой, на порядочном расстоянии, долго стояли в бездействии, и только одни мальчишки выскакивали с обеих сторон на нейтральную середину и бились между собою, подстрекаемые насмешками или похвалами взрослых», — так описывает начало боев, проходивших в Казани на озере Кабан в начале XIX в. русский писатель С. Т. Аксаков [2014: 7]. «Бездействуя», противники могли обмениваться выкриками, дразня и подзадоривая друг друга. Обращение русских к татарам с использованием татарского слова — *кыргый* ‘дикий; варвар, изувер’ — представляется в данной игровой ситуации вполне прагматичным, ведь дразнилка должна быть понятной тому, к кому обращения.

Рассмотрим фонетическую сторону этой версии. В марийском имеем *киргин-*, *киргим-*, *диргин-*, но татар. *ы* в марийском через *и* не отражается (см., например, [Дыбо, Норманская 2013: 11]). Это можно объяснить русским посредством при заимствовании татарского слова *кыргый* в марийский. Для русского языка сочетание *-кы-* не характерно, ср. тюрк. *кыргыз* > русск. *киргиз*. При этом варианты *кырген-* и *йырген-* могут быть вторичными по вокализму анлаута и отражать в первом слоге редукцию *и*, характерную для волжского говора (см. выше). Таким образом, русск.-татар. (макароническое) **кыргый-тата́рин* > русск. **киргин-тата́рин*, откуда далее, с одной стороны, семантизация в *киргиз-татарин* в Алатыре, с другой — марийское фонетическое **кыргын-татарин* > *кыргён-кыргён-татарин* — возможно, сближением асемантического слова с марийскими деепричастиями на *-ен* и далее — с образованиями типа *тöргён-тöргён* ‘галопом, вскачь’ [МРС: 206], *шогён-шогён* ‘останавливаясь время от времени, долго простояв’ [СМЯ, 9: 177], *вучён-вучён* ‘от долгого ожидания, после долгого ожидания’ [Там же, 1: 315] и т. п., полученными редупликацией деепричастий (от глаголов *тöргаш* ‘скакать’, *шогаш* ‘стоять’, *вучаш* ‘ждать’ соответственно). Редупликация служит в этих случаях для выражения интенсивного, длительного или повторяющегося действия. Марийский «й-вариант» может объясняться спонтанным фонетическим упрощением формулы при крике (с последующей йотовой протезой).

4.2. Гипотеза 2

Аргументы в пользу того, что *татарин* — не русское, а ресемантизированное тюркское слово, можно найти в чувашском игровом фольклоре. Элемент *татарин* созвучен с чуваш. *тетерина* в следующей кричалке (точнее, «припевке») в игре, аналогичной «цепям (кованым)»:

- (20) *Тетерина, тетерина, // Сенеру, сенеру, // Чипер акай, Марус акай, // В(ы)ляма кил, в(ы)ляма кил!* ‘(...) Пригожая сестрица, сестрица Марусь, // Иди (приходи) играть, иди играть!’ (д. Альмёнь-Сунáры Вурна́рского р-на Чувашии) [Лаврентьева, Яковлева 2012: 20].

Этой припевке созвучна другая:

- (21) *Чечче, чечче, чеччерина // Синерук, Пинерук.* [асемантические слова; возможно, женские имена; ср. [СЧЯ, 9: 216; 11: 149]. — Г. Р., М. К.] // *Ах, аппа́сáм, Нинай аппа, // В(ы)ляма кил, кулма кил!* ‘Ах, сестричка, сестра Нина, // Приходи играть, приходи смеяться!’ (с. Норва́ш-Шига́ли Ба́тыревского р-на Чувашии) [Лаврентьева, Яковлева 2012: 17] (без описания игры, в которой употребляется припевка).

Слова *ака́й* и *аппа́* (с уменьшительно-ласкательной притяжательной формой 1-го лица ед. ч. *аппа́сáм* ‘моя сестричка’) в этих формулах являются синонимами. Вообще говоря, это термины родства, которые могут называть одновременно старшую сестру человека и младшую сестру мамы или отца того же человека (тетю). Такая «полисемия» характерна и для других языков Среднего Поволжья и Приуралья (так называемые языки Волжско-Камского

языкового союза, или, сокращенно, языки Волго-Камья)²¹. В процитированных кричалках, по всей видимости, представлено более общее, переносное значение, ср.: «В песнях молодежи “аппа” вообще означает девушку» [СЧЯ, 1: 289]²².

Очевидна связь *тетерина* ~ *чеччерина* ~ *чечче* в этих кричалках. Элементу *чечче*, в свою очередь, созвучны зачины других чувашских кричалок-припевок: *ким чечек, ким чечек* (д. Чирш-Сирма́ Урма́рского р-на, д. Кинёры Козловского р-на Чувашии) [Лаврентьева, Яковлева 2012: 26—28] (с описанием игры, аналогичной «цепям (кованым)»); *кёнчещём, кёнчещём* (с. Янтиково Янтиковского р-на Чувашии) [Там же: 17—18]; *кинчёрсем, кинчёрсем* (д. Сйтмиши Урмарского р-на Чувашии) [Там же: 19]. В то время как *чечче* и *чечек* совпадают по форме с чувашскими знаменательными словами ‘цветок; игрушка; оспа’ [СЧЯ, 15: 181] и ‘цветок; оспа’ [Там же: 177, 179] соответственно, элемент *ким* асемантичен. Зачины *ким чечек, кёнчещём, кинчёрсем* демонстрируют вариативность, затрагивающую преимущественно консонантизм, с сохранением ритма, подобно вышеописанным примерам с зачином *камыр* и др. Эти примеры показывают, что консонантизм десемантизированных или асемантических элементов игровых восклицаний сильнее подвержен изменениям, чем вокализм и ритм. В чувашских зачинах такая вариативность, вероятно, свидетельствует о семантической пустоте, асемантичности этой фразы для говорящих по-чувашски. *Ким чечёк* ритмически и вокалически напоминает *камчылык* в приведенной выше кричалке на татарском. С другой стороны, не исключено, что *ким чечек* восходит к татар. *кем кирэк*, с последующим переосмыслением в связи с чувашским словом *чечек*. Примечательно, что чувашский семантический «дублет» татарской фразы — *кам кирлэ* — используется в финале той же кричалки-припевки: *...Пире кирлэ, кам кирлэ?* (‘Нам нужен, кто нужен?’) / *Лена ятлă хёр кирлэ!* (‘Девушка по имени Лена нужна!’) [Лаврентьева, Яковлева 2012: 26] (перевод наш. — Г. Р., М. К.). В зачине *кёнчещём* можно выделить ласкательную форму посессивного аффикса 1-го лица ед. ч. -*щём* (см. ее же в *аппащам* в примере (21))²³, и, предположительно, это результат вторичного сближения (семантизации) с чувашскими языческими женскими (!) именами *Кёнечэй, Кёмшэй* [СЧЯ, 7: 255, 257], которые, в свою очередь, сравниваются с татар. *кинжэ́* ‘последыш, последний ребенок у родителей’, мужским и женским личным именем [Федотов 1998] (ср. отсюда также татарское мужское имя *Кинжэ́кэй*). Зачин *кинчёрсем*, возможно, представляет собой переосмысление в связи с топонимом *Кинчёр*, названием двух деревень в Чувашии (Сӹлти *Кинчер* ‘Верхний Кинчер’ и Сӹнӹ *Кинчер* ‘Новый Кинчер’), тем более что в другой кричалке (с созвучным зачином) упоминается *Кинчер: Кёнчещём, кёнчещём, / Кинчер хули пёр кули*, букв. ‘Город Кинчер, один смех (смех, да и только?)’; слово «город», возможно, употреблено не без иронии. Тогда *кинчер-сем* ‘кинчерцы’ аналогично по образованию *Шупашкар-сем* ‘чебоксарцы’ (с формантом мн. ч. -*сем*)²⁴.

Форму *тетерина* можно далее сопоставить с чуваш. *теттё* ‘красивый, яркий, разукрашенный’ (с пометой «дет.», т. е. «слово детской речи»!), ‘игрушка; украшение’, разг.

²¹ Это марийский, мордовский, удмуртский, коми, чувашский, татарский, башкирский языки. Ср., например, марийск. *акá* ‘старшая сестра; младшая тетка по матери и отцу’ [СМЯ, 1: 53], татар. *aná* ‘старшая сестра; тетя’ [ТРС, 1: 110], чуваш. *аппá* ‘старшая сестра; старшая сестра отца; сестра отца или матери, которая старше лица, в отношении к которому рассматривается родство; сестра отцовской матери’ [СЧЯ, 1: 287—288].

²² Аналогично употребляется чуваш. *акка́* — «в песнях вообще означает девушек»: *Сарă аккасем лайăх ħуп* [в современной орфографии: *чуп*. — Г. Р., М. К.] *тума* ‘Русых девушек хорошо целовать’ [СЧЯ, 1: 97], а более широко может означать вообще женщин из родной деревни (кроме дочерей собственных сватов и старших сестер / старших теток родителей), ср.: *Акка! ёне пăрулама выртнă кевелёк парса йар-ха мана* ‘Тетенька! (или: сестрица!) Корова хочет телиться, дай-ка мне закваски для квашенья молока. (Так обратилась женщина к жене соседа.)’ [Там же] (перевод составителей словаря).

²³ Различие гласных в аффиксе обусловлено сингармонизмом по ряду гласных.

²⁴ Выражаем благодарность Александру Владиславовичу Савельеву за помощь в интерпретации зачина *кинчёрсем* и некоторые другие пояснения, касающиеся чувашского языка.

‘безделушка; побрякушка, безделица’ [ЧРС: 467], *теттэ* (*теттү*) и *чеччэ* ‘игрушка; хорошая красивая вещь, вещичка’ (также детское) [СЧЯ, 13: 313; 15: 181]. Любопытно, что последний вариант фонетически созвучен *чечэк* с вариантом *чеч(ч)е* ‘цветок’. Кроме того, обращает на себя внимание тот факт, что в других языках Волго-Камья значения ‘красивый’, ‘красивая вещичка, игрушка’ и ‘цветок’ также выражаются одним похожим словом или вариантами одного слова, ср. татар. *тәтү* ‘нарядный, красивый, яркий, цветастый; разукрашенный; чистенький; хорошенький’ (детское) [ТРС, 2: 347], *тәтү*, диал. *тәтэй* ‘игрушка; безделушка, побрякушка, погремушка и т. п. (для игры детей)’ [Там же], диал. *тәтэй* ‘цветок, цветочек’ [Там же], марийск. *тамá* ‘хороший, красивый, приятный’ (детское), ‘детская игрушка’ (детское) [СМЯ, 7: 62], марийск. вост. *тáма* ‘красивая вещь, цацка’: *Ой, тáма* ‘Ой красиво(е)’ [Вершинин 2011: 554], *тамáй*, *тáтáй* ‘игрушка’ (детское) [Там же], марийск. *чачá* ‘игрушка; вещь, служащая для игры; цветок’ (детское) [СМЯ, 8: 334], удм. *чачá* ‘игрушка’; ‘цветочек’ (детское) [УРС: 722], марийск. гор. *цáцá* ‘игрушка; вещь, служащая для игры; красивая вещь, что-л. красивое’ (детское), ‘красивый, нарядный’ (детское) [СМЯ, 8: 334], марийск. сев.-зап. *цáцá* ‘цветок; игрушка’ (детское) [Иванов, Тужаров 1971: 258], мордов. *цáцá* ‘цветок’ и др.²⁵ Можно сказать, что рассматриваемая лексема (или лексема) характеризуется общерегиональным распространением в автохтонных языках.

Итак, элемент кричалки *тетерина* можно связать с чувашским словом *теттэ* ‘красивый; игрушка; красивая, хорошая вещь’. Эта этимологическая гипотеза семантически укладывается в общую «женскую» тематику кричалок, ср. особенно эпитет *чипэр* ‘прекрасная’, а также женские имена *Синерук* и *Пинерук*; сами кричалки представляют собой игровое обращение к девушке. Русское продолжение кричалки из Марий Эл — *Кого любишь, выбирай!* — вполне согласуется с предполагаемой семантикой элемента *тетерина* / *чеччерина*. Очевидно, частью игрового действия был выбор нравящегося участника противоположного пола. Возможно, речь шла даже об игре в сватовство или свадьбу, как в современном варианте игры в «цепи» под названием «бояре, (а мы к вам пришли)» [Романий 2015: 11, 13].

²⁵ Согласно В. И. Лыткину и Е. С. Гуляеву, финно-угорские слова из этого ряда восходят к общеперм. *č’äč’a. Предполагается заимствование из русского (*цаца*), а также связь с венг. *csecse*, *csécs* ‘игрушка’ [КЭСК: 303]. С одной стороны, возникает соблазн объединить все эти слова финно-угорских и тюркских языков и говорить о конвергенции этих неродственных языковых групп в Волго-Камье на определенном этапе их развития. С другой стороны, вариация *т / ч*, например, в рассматриваемых выше чувашских словах может быть результатом контаминации первоначально разных корней. Так, слово в значении ‘цветок’, по-видимому, имело *ч-* в тюркском, ср. др.-тюрк. *čēčäk* ‘цветок; соцветие, метелка’ [ДТС: 143] при чуваш. *чечэк*, татар. *чачэк* ‘то же’, и далее допустимо сближение с татар. *чачák* ‘бахрома; кисточка’ и *чач* ‘волос, волосок’, др.-тюрк. *sač* ‘волосы’ [Там же: 479], ср. монг. *сэчэг*, *чэчэг* ‘цветок’ и ‘бахрома’, т. е. в обоих значениях [Ахметьянов 2001: 230, 232], а также чуваш. диал. *чечэк* ‘бахрома; кисть’ [ЧРС: 588] (варьирование *ч / с* в начале слова, очевидно, имеет ассимилятивно-диссимилятивный характер). При этом чуваш. *чеч(ч)е* ‘цветок’ и ‘игрушка’ может быть уже результатом морфосемантической контаминации *чечек* ‘цветок’ и *тетте* ‘игрушка; красивый’. У других форм, например татар. диал. *тәтэй*, марийск., удм. *чача*, значение ‘цветок, цветочек’ можно вывести как специализацию из более общего ‘нечто красивое, красивая вещица’. Исходным значением, таким образом, могло быть ‘нечто приятное, хорошее, вызывающее радость, умиление’, и можно говорить о производном от глоссоаллического корня. Так, Р. Г. Ахметьянов возводит татар. *тәти* ‘красивые игрушки; красивый’ к «междометию, выражающему восхищение» **эмтә-тә* [Ахметьянов 2001: 197]. Если для финно-угорских форм на *ч-* (*ц-*) и можно принять древнее, «общепермское», происхождение, то такая форма на *т-*, как марийск. вост. *тáтáй* ‘игрушка’, возможно, заимствована из татар. или башк. *тәтэй* ‘то же’ [Исанбаев 1989: 150]. М. Р. Федотов считает марийск. *чачá* ‘игрушка’ заимствованием из чуваш. *теттэ* ‘то же’, ср. сходное фонетическое соответствие в другом детском слове, которое он приводит: чуваш. *тытáа* > марийск. *чанá* ‘ножка’ [Федотов 1990: 74] (ср. марийск. гор. *ты́на* ‘то же’ [СМЯ, 8: 307]), а с другой стороны, тот же автор считает чуваш. диал. (сундырский говор) *чечче* ‘игрушка’ марийским словом и сопоставляет его (как предположительное заимствование) с марийск. гор. *цáцá* ‘все красивое, яркое’ (детское) [Федотов 1990: 317], что свидетельствует о сложности вопроса взаимоотношений между рассматриваемыми словами.

В русском игровом фольклоре возможным сюжетным прототипом игр типа «цепи (кованые)» и «бояре» является народная игровая песня «А мы просо сеяли», в которой, согласно Н. П. Колпаковой, изображен момент мены невесты: конечный смысл игры в том, что «за определенный выкуп то девушка, то парень переходят в состав другого рода» — другого хоровода («в нашем полку прибыло... в нашем полку убыло») [Колпакова 1958: 75]. В варианте игры, рассматриваемом в настоящей работе, возможно, отражен такой старый, «пережиточный» способ приобретения невесты и заключения брака, как похищение, а переход играющих из одной шеренги в другую означает тот же переход в состав другого рода [Христолюбова и др. 1993: 217]. Ср. еще мотив захода девушки в воду, перехода через реку как элемент традиционной брачной символики в зафиксированном в Удмуртии игровом диалоге: *Жиксья-Монья тур! — Кинлы мар луэм? — Со чебёр нылды вуэ колйськем!*²⁶ (д. Курёгово Малопургинского р-на); последняя реплика означает: «Эта ваша красивая девушка ступает в воду!» [Долганова, Морозов 2002: 354] (перевод авторов).

Мотив красоты как критерия выбора участницы (участника) присутствует в некоторых других игровых диалогах, ср. вышеприведенное татар. *Гөлкәй матур, шул кирәк* «Гулькай красивая, вот она и нужна». Метафорическое указание на красоту участника содержится также в кричалке *Золотой-молодой!* (на русском языке) в этой же игре (д. Энормучаш Советского р-на Марий Эл [из личного архива М. А. Ключевой]).

Формы *тетерина* и *чеччерина* могли бы быть производными от *тет(м)е / чечче* — детских слов позитивной оценки. Морфологически подобные образования, возможно, представлены в следующей чувашской загадке: *Акарин те макарин* (или *акарин та пакарин*), *ыран-пайан килмесен үкетӗп те вилетӗп* «...если ты не придешь сегодня или завтра, то я упаду и умру, [т. е.] осыплюсь» (отгадка: ячмень) [СЧЯ, 1: 88]. *Акарин* приводится с пометой «неизвестное слово, встречающееся в загадках». Предположительно, здесь может быть тот же суффикс, что в чуваш. *тӗрлӗрӗн* «всякий, разнообразный» при *тӗрлӗ* «то же». С другой стороны, ср. *Макарин*, мужское личное имя: «Макарий или Марк» [СЧЯ, 8: 170]. Однако формы *тетерина*, *чеччерина*, производные от *тет(м)е / чечче*, в чувашском языке помимо детских кричалок не фиксируются. Вместе с тем, их можно сопоставить с элементом *татарина* в составе марийской считалки *Татары́на-Марина́, эя, бея, пух!* [Ключева 2014: 64]. Употребление *татарина* в сочетании с женским именем позволяет видеть здесь значение, близкое к предполагаемому в чувашской припевке: «красавица» — возможно, не без влияния (семантического и фонетического) марийск. *татá* «хороший, красивый, приятный». С другой стороны, в *татарина* угадывается этноним *татарин*. По фонетическому облику и акцентуации марийск. *татары́на* представляет промежуточное звено — предположительно, связующее — между *тетеры́на* чувашских кричалок и *татáрин*.

Нельзя исключать, что чуваш. *тетерина* (> *чеччерина*) вторично по отношению к *татарин*. Вокализм [а] вместо [е] в первых слогах может отражать гармонизацию гласных по третьему, ударному слогу (*а-а-и* > *е-е-и*). На чувашской почве могла произойти ресемантизация этнонима в макаронической кричалке типа **Киргин татарин* вследствие сближения с чуваш. *тетте* «игрушка», «красивый, яркий» (> *Тетерина, тетерина*) и далее — с другим созвучным словом позитивной оценки: *чечче* (> *Чечче, чечче, чеччерина*). Таким образом, мы предполагаем, что в Чувашии исходный зачин **Киргин татарин* (которому соответствуют и рассмотренные выше марийские зачины) развился, с одной стороны, в чувашское песенное *Тетерина, тетерина* и *Чечче, чечче, чеччерина*, с другой — в городское русскоязычное *Киргиз-татарин*.

Итак, на материале чувашских игровых зачинов и припевок (*киргиз-татарин, тетерина, чечче-чечче-чеччерина, ким чечек, кӗнчӗсӗм, кинчӗрсем*) в игре типа «цепи (кованые)» мы проследили процессы варьирования детских игровых кричалок в контексте де- и ресемантизации.

²⁶ Ж в удмуртской графике обозначает аффрикату [дж], й — гласный переднего ряда [и] без смягчения предшествующего согласного.

5. Заключение

Как показывают многочисленные примеры, диалоги в игре «цепи (кованные)» имеют в целом осмысленный характер. При этом выделяется своей асемантичностью ряд зачинов диалогов. Как мы показали, такие зачины, как *кингера* и *тилирам*, с большой вероятностью являются в русском языке заимствованными. При заимствовании первой реплики диалога она, как правило, утрачивает собственно коммуникативно-информативную функцию. Именно поэтому ее необходимо «дублировать» на родном языке. Ср. *Кингера! — Кого ера?*, где вторая реплика означает «Кого надо?» на русско-удмуртском макароническом языке.

Очевидно, что первая фраза, претерпев десемантизацию при переходе из языка в язык, приобретает иную функцию в игре — служит сигналом к началу собственно диалога и игрового действия. Возможно, именно особая роль зачина в игре как слова-сигнала способствует его заимствованию из других языков, так как десемантизированный, делексикализованный элемент лучше выполняет роль такого сигнала.

На примере ряда тюркских диалогов показана важность ритма (включая акцентуацию) и вокализма кричалок. При заимствовании зачинов на фоне десемантизации и ресемантизации ритм и вокалический «каркас», как правило, сохраняются.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ / REFERENCES

- Аксаков 2014 — Аксаков С. Т. Воспоминания (Очерки). М.: Директ-Медиа, 2014. [Aksakov S. T. *Vospominaniia (Ocherki)* [Memoires (Essays)]. Moscow: Direkt-Media, 2014.]
- Ахметьянов 2001 — Ахметьянов Р. Г. Татар теленен кыскача тарихи-этимологик сүзлеге. Краткий историко-этимологический словарь татарского языка. Казань: Татар. книж. изд-во, 2001. [Akhmet'ianov R. G. *Tatar teleneng kyskacha tarikhii-etimologik siuzlege. Kratkii istoriko-etimologicheskii slovar' tatarskogo iazyka* [A short historical-etymological dictionary of the Tatar language]. Kazan: Tatarskoe knizhnoe izdatel'stvo, 2001.]
- БРС — Ураксин З. Г. (ред.). Башкирско-русский словарь. Башкортса-русса һүзлек. М.: Дигора; Рус. яз., 1996. [Uraksin Z. G. (ed.). *Bashkirsko-russkii slovar'*. *Bashqortsa-russa hiuðlek* [A Bashkir-Russian dictionary]. Moscow: Digora; Russkii iazyk, 1996.]
- Бутанаев, Верник 1995 — Бутанаев В. Я., Верник А. А. Детские игры и спортивные состязания народов Хакасии. Абакан: Чахаях, 1995. [Butanaev V. Ia., Vernik A. A. *Detskie igry i sportivnye sostizaniia narodov Khakasii* [Children's games and sport competitions of the peoples of Khakassia]. Abakan: Chakhaiakh, 1995.]
- Вершинин 2011 — Вершинин В. И. Словарь марийских говоров Татарстана и Удмуртии. Йошкар-Ола: МарНИИЯЛИ им. В. М. Васильева, 2011. [Vershinin V. I. *Slovar' mariiskikh govorov Tatarstana i Udmurtii* [A dictionary of Mari dialects of Tatarstan and Udmurtia]. Yoshkar-Ola: MarNIIfaLI im. V. M. Vasil'eva, 2011.]
- Грузов 1960 — Грузов Л. П. Современный марийский язык: Фонетика. Йошкар-Ола: Марийское книж. изд-во, 1960. [Gruzov L. P. *Sovremennyi mariiskii iazyk: Fonetika* [Modern Mari language: Phonetics]. Yoshkar-Ola: Mariiskoe knizhnoe izdatel'stvo, 1960.]
- Грузов 1965 — Грузов Л. П. Фонетика диалектов марийского языка в историческом освещении. Йошкар-Ола: Марийское книж. изд-во, 1965. [Gruzov L. P. *Fonetika dialektov mariiskogo iazyka v istoricheskoe osveschenii* [Phonetics Mari dialects in historical interpretation]. Yoshkar-Ola: Mariiskoe knizhnoe izdatel'stvo, 1965.]
- Грузов 1969 — Грузов Л. П. Историческая грамматика марийского языка: Введение и фонетика. Йошкар-Ола: Марийское книж. изд-во, 1969. [Gruzov L. P. *Istoricheskaia grammatika mariiskogo iazyka: Vvedenie i fonetika* [Historical grammar of the Mari language: Introduction and phonetics]. Yoshkar-Ola: Mariiskoe knizhnoe izdatel'stvo, 1969.]
- Долганова, Морозов 2002 — Долганова Л. Н., Морозов И. А. Игры и развлечения удмуртов. 2-е изд., доп. Ижевск: Удм. ин-т истории, яз. и лит. УрО РАН, 2002. [Dolganova L. N., Morozov I. A. *Igry i razvlecheniia udmurtov* [Games and entertainments of Udmurts]. 2nd ed., enl. Izhevsk: Udmurt Institute of History, Language, and Literature, UrO RAN, 2002.]
- ДТС — Наделяев В. М. и др. (ред.). Древнетюркский словарь. Л.: Наука, 1969. [Nadeliaev V. M. et al. (eds). *Drevnetiurkskii slovar'* [An Old Turkic dictionary]. Leningrad: Nauka, 1969.]

- Дыбо, Норманская 2013 — Дыбо А. В., Норманская Ю. В. Периодизация тюркских заимствований в финно-угорских языках // Урало-алтайские исследования. 2013. № 4. С. 7—40. [Dybo A. V., Normanskaia Ju. V. Periodization of Turkic loanwords in the Finno-Ugric languages. *Uralo-altaiskie issledovaniia*. 2013. No. 4. Pp. 7—40.]
- Иванов 1981 — Иванов И. Г. Марий диалектологий: Университетысе студент-влаклан тунемме книга. (Марийская диалектология. Учеб. пособие для студентов ун-та.) Йошкар-Ола: Марийский гос. ун-т, 1981. [Ivanov I. G. *Mari dialektologii: Universitetysse student-vlaklan tunemme kniga. Mariiskaia dialektologiia: Uchebnoe posobie dlia studentov universiteta* [Mari dialectology: A guide for university students]. Yoshkar-Ola: Mari State Univ., 1981.]
- Иванов, Тужаров 1971 — Иванов И. Г., Тужаров Г. М. Словарь северо-западного наречия марийского языка. Вып. II. Йошкар-Ола: Марийское книж. изд-во, 1971. [Ivanov I. G., Tuzharov G. M. *Slovar' severo-zapadnogo narechiia mariiskogo iazyka* [A dictionary of the North-West dialect of the Mari language]. Issue II. Yoshkar-Ola: Mariiskoe knizhnoe izdatel'stvo, 1971.]
- Исанбаев 1989 — Исанбаев Н. И. Марийско-тюркские языковые контакты: татарские и башкирские заимствования. Йошкар-Ола: Марийское книж. изд-во, 1989. [Isanbaev N. I. *Mariisko-tiurkskie iazykovye kontakty: tatarskie i bashkirskie zaïmstvovaniia* [Mari-Turkic language contacts: Tatar and Bashkir loanwords]. Yoshkar-Ola: Mariiskoe knizhnoe izdatel'stvo, 1989.]
- Карпова 1998 — Карпова Л. Бесермяно-удмуртское взаимовлияние (на материале среднечепецкого региона) // *Linguistica Uralica*. 1998. № 2. С. 121—127. [Karpova L. Besermyan-Udmurt mutual influence (the case of the middle Cheptsia region). *Linguistica Uralica*. 1998. No. 2. Pp. 121—127.]
- Касимова 2012 — Касимова Д. Г. Чепецкие татары // Загребин А. Е. (науч. ред.). Удмуртская Республика: Историко-этнографические очерки. Ижевск: Удм. ин-т истории, яз. и лит. УрО РАН, 2012. С. 178—180. [Kasimova D. G. The Cheptsia Tatars. *Udmurtskaia Respublika: Istoriko-etnograficheskie ocherki* [The Udmurt Republic: Historical-ethnographic overviews]. Zagrebina A. E. (ed.). Izhevsk: Udmurt Institute of History, Language, and Literature, UrO RAN, 2012. Pp. 178—180.]
- Ключева 2014 — Ключева М. А. Народные подвижные детские игры: современный фольклорный сб. М.: Форум; Неолит, 2014. [Kliucheva M. A. *Narodnye podvizhnye detskie igry: sovremennyy fol'klorny sbornik* [Folk active children's games: Collection of modern folklore]. Moscow: Forum; Neolit, 2014.]
- Ключева 2015 — Ключева М. А. К этимологии названия марийской игры *митули* // Вопросы языкознания. 2015. № 4. С. 37—59. [Kliucheva M. A. Towards the etymology of a Mari game *mituli*. *Voprosy jazykoznanija*. 2015. No. 4. Pp. 37—59.]
- Колпакова 1958 — Колпакова Н. П. Русская народная игровая песня // Астахова А. М. и др. (ред.). Русский фольклор: Материалы и исследования. Т. 3. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1958. С. 69—91. [Kolpakova N. P. Russian folk play song. *Russkii fol'klor: Materialy i issledovaniia* [The Russian folklore: Materials and researches]. Vol. 3. Astakhova A. M. et al. (eds.). Moscow; Leningrad: Izdatel'stvo AN SSSR, 1958. Pp. 69—91.]
- КЭСК — Лыткин В. И., Гуляев Е. С. Краткий этимологический словарь коми языка. М.: Наука, 1970. [Lytkin V. I., Guliaev E. S. *Kratkii etimologicheskii slovar' komi iazyka* [A short etymological dictionary of the Komi language]. Moscow: Nauka, 1970.]
- Лаврентьева, Яковлева 2012 — Лаврентьева С. Г., Яковлева И. Ф. (авт.-сост.). Ача-пăча сасси: Чăваш ача-пăча юррисем. (Голос детворы: Чувашиские народные песни для детей). Чебоксары: ИПК «Чувашия», 2012. [Lavrent'eva S. G., Yakovleva I. F. *Acha-păcha sassi: Chăvash acha-păcha iurrisem. Golos detvory: chuvashskie narodnye pesni dlia detei* [Children's voice: Chuvash folk songs for children]. Cheboksary: IPK "Chuvashia", 2012.]
- МРС — Васильев В. М., Учаев З. В. Марийско-русский словарь. Йошкар-Ола: Марийское книж. изд-во, 2003. [Vasil'ev V. M., Uchaev Z. V. *Mariisko-russkii slovar'* [A Mari-Russian dictionary]. Yoshkar-Ola: Mariiskoe knizhnoe izdatel'stvo, 2003.]
- Пислегин, Чураков 2012 — Пислегин Н. В., Чураков В. С. Татары Удмуртии: Исторический очерк // Загребин А. Е. (науч. ред.). Удмуртская Республика: Историко-этнографические очерки. Ижевск: Удм. ин-т истории, яз. и лит. УрО РАН, 2012. С. 174—178. [Pislegin N. V., Churakov V. S. The Tatars of Udmurtia: A historical overview. *Udmurtskaia Respublika: Istoriko-etnograficheskie ocherki*. Zagrebina A. E. (ed.). Izhevsk: Udmurt Institute of History, Language, and Literature, UrO RAN, 2012. Pp. 174—178.]
- Романий 2013 — Романий Г. И. Формулы-восклицания в детских играх: прятки и «камень, ножницы, бумага» // Живая старина. 2013. № 4. С. 14—17. [Romanii G. I. Exclamation formulas in children's games: Hide-and-seek and rock-paper-scissors. *Zhivaia starina*. 2013. No. 4. Pp. 14—17.]
- Романий 2015 — Романий Г. И. Региональные городские названия детской игры типа «цепи» («бояре») (по наблюдениям узуса в Интернете) // Живая старина. 2015. № 2. С. 11—14. [Romanii G. I.

- Regional urban names for the children's game of "red rover" type ("boyars") (by examination of the online usage). *Zhivaia starina*. 2015. No. 2. Pp. 11—14.]
- СМЯ — Галкин И. С. (глав. ред.). Словарь марийского языка. Марий йылле мутер. В 10 т. Йошкар-Ола: Марийское книж. изд-во, 1990—2005. [Galkin I. S. (chief ed.). *Slovar' mariiskogo iazyka. Marii iylme muter* [A dictionary of the Mari language]. In 10 vols. Yoshkar-Ola: Mariiskoe knizhnoe izdatel'stvo, 1990—2005.] Available at: <http://marlamuter.com/muter/ru/>.
- СРНГ — Филин Ф. П., Сороколетов Ф. П. (ред.). Словарь русских народных говоров. М.; Л./СПб.: Наука, 1965—. [Filin F. P., Sorokoletov F. P. (eds.). *Slovar' russkikh narodnykh govorov* [A dictionary of the Russian folk dialects]. Moscow; Leningrad/St. Petersburg: Nauka, 1965—.]
- СЧЯ — Ашмарин Н. И. Словарь чувашского языка. Чăваш сăмахĕсен кĕнеки. В 17 т. Репр. изд. Чебоксары: Руссика, 1994—2000. [Ashmarin N. I. *Slovar' chuvashskogo iazyka. Chăvash sămakhĕsen kĕneki* [A dictionary of the Chuvash language]. In 17 vols. Reprint ed. Cheboksary: Russika, 1994—2000.]
- Топорков 1998 — Топорков А. Л. Заумь в детской поэзии // Белоусов А. Ф. (сост.). Русский школьный фольклор: От «вызываний» Пиковой дамы до семейных рассказов. М.: Ладомир; АСТ, 1998. С. 578—604. [Toporkov A. L. Gibberish in children's poetry. *Russkii shkol'nyi fol'klor: Ot "vyzyvaniy" Pikovoi damy do semeinykh rasskazov*. Belousov A. F. (comp.). Moscow: Ladomir; AST, 1998. Pp. 578—604.]
- ТРС — Асылгараев Ш. Н., Ганиев Ф. А. и др. (ред.). Татарско-русский словарь. Татарча-русча сүзлек. В 2 т. Казань: Магариф, 2007. [Asylgaraev Sh. N., Ganiev F. A. et al. (eds.). *Tatarsko-russkii slovar' . Tatarcha-ruscha siuzlek* [A Tatar-Russian dictionary]. In 2 vols. Kazan: Magarif, 2007.]
- УРС — Душенкова Т. Р. и др. (сост.). Кириллова Л. Е. (отв. ред.). Удмуртско-русский словарь. Удмурт-зуч кыллокам. Ижевск: Удм. ин-т истории, яз. и лит. УрО РАН, 2008. [Dushenkova T. R. et al. (comp.), Kirillova L. E. (ed.). *Udmurtsko-russkii slovar' . Udmurt-dzuch kylliukam* [An Udmurt-Russian dictionary]. Izhevsk: Udmurt Institute of History, Language, and Literature, UrO RAN, 2008.] Available at: <http://dict.komikyv.ru/index.php/index/6.xhtml>.
- Федотов 1990 — Федотов М. Р. Чувашско-марийские языковые взаимосвязи. Саранск: Изд-во Сарат. ун-та. Саран. фил., 1990. [Fedotov M. R. *Chuvashsko-mariiskie iazykovye vzaimosvizi* [Chuvash-Mari language interrelationship]. Saransk: Izdatel'stvo Saratovskogo universiteta. Saranskii filial, 1990.]
- Федотов 1998 — Федотов М. Р. Словарь чувашских нехристианских личных имен. Тёне кёмен чăвашсен ячĕсем. Чебоксары: Чуваш. гос. ин-т гуманит. наук, 1998. [Fedotov M. R. *Slovar' chuvashskikh nekhristianskikh lichnykh imen. Tĕne kĕmen chăvashsen iachĕsem* [A dictionary of the Chuvash non-Christian personal names]. Cheboksary: Chuvash State Institute of Humanities, 1998.] Available at: <http://ru.samah.chv.su/dict/3.html>.
- Христолюбова и др. 1993 — Христолюбова Л. С., Перевозчикова Т. Г., Долганова Л. Н. Традиционные праздники и развлечения // Пименов В. В. (ред.). Удмурты: Историко-этнографические очерки. Ижевск: Удм. ин-т истории, яз. и лит. УрО РАН, 1993. С. 209—223. [Khristoliubova L. S., Perevozchikova T. G., Dolganova L. N. Traditional holidays and entertainments. *Udmurty: Istoriko-etnograficheskie ocherki*. Pimenov V. V. (ed.). Izhevsk: Udmurt Institute of History, Language, and Literature, UrO RAN, 1993. Pp. 209—223.]
- ЧРС — Андреев И. А., Горшков А. Е., Иванов А. И. и др. (сост.), Скворцов М. И. (ред.). Чувашско-русский словарь. Чăвашла-вырăсла словарь. 2-е изд., стереотип. М.: Рус. яз., 1985. [Andreev I. A., Gorshkov A. E., Ivanov A. I. et al. (comps.), Skvortsov M. I. (ed.). *Chuvashsko-russkii slovar' . Chăvashla-vyrăsla slovar'* [A Chuvash-Russian dictionary]. 2nd edn., stereotype. Moscow: Russkii iazyk, 1985.] Available at: <http://samahsar.chuvash.org>.
- ЭСТЯ — Этимологический словарь тюркских языков. Т. 1—. М.: Наука; Вост. лит., 1974—. [*Etimologicheskii slovar' tiurkskikh iazykov* [An etymological dictionary of the Turkic languages]. Vol. 1—. Moscow: Nauka; Vostochnaia literatura, 1974—.]
- Ягафаров 2002 — Ягафаров Р. Ф. Кабыргалы-камчылы. Татар халык уеннары. (Народные жемчужины: Татарские народные игры). Казань: Магариф, 2002. [Iagafarov R. F. *Kabyrgaly-kamchyly: Tatar khalyk uennary. Narodnye zhemchuzhiny: Tatarskie narodnye igry* [Folk pearls: Tatar folk games]. Kazan: Magarif, 2002.]

РЕЦЕНЗИИ / REVIEWS

А. А. Кибрик, А. Д. Кошелев (сост. и ред.), А. В. Кравченко, Ю. В. Мазурова, О. В. Федорова (ред.). Язык и мысль: Современная когнитивная лингвистика. М.: Языки славянской культуры, 2015. 848 с., илл. (Разумное поведение и язык) [A. A. Kibrik, A. D. Koshelev (comps. and eds.), A. V. Kravchenko, Yu. V. Mazurova, O. V. Fedorova (eds.). *Yazyk i mysl': Sovremennaya kognitivnaya lingvistika* [Language and thought: Contemporary cognitive linguistics]. Moscow: Yazyki slavyanskoi kul'tury, 2015. 848 p., ill. (Language and Reasoning)] ISBN 978-5-9906039-9-8.

**Ирина Германовна Овчинникова^{a, б},
Татьяна Васильевна Ахутина^{б, @}**

**Irina G. Ovchinnikova^{a, б},
Tatyana V. Akhutina^{б, @}**

^a Хайфский университет, Хайфа, 31905, Израиль;

^б Пермский государственный национальный исследовательский университет, Пермь, 614990, Российская Федерация; ^в МГУ им. М. В. Ломоносова, Москва, 119991, Российская Федерация;

[@] akhutina@mail.ru

^a The University of Haifa, Haifa, 31905, Israel;

^б Perm State National Research University, Perm, 614990, Russian Federation; ^в Lomonosov Moscow State University, Moscow, 119991, Russian Federation; [@] akhutina@mail.ru

Сборник статей, опубликованный в серии «Разумное поведение и язык», предлагает читателю панораму взглядов и мнений специалистов по когнитивной лингвистике о соотношении языка и мышления. Появление сборника-хрестоматии на такую тему — знаменательное событие. В мировой науке когнитивная лингвистика занимает сейчас ведущие позиции, а отношение отечественных лингвистов к этому направлению пока четко не сформулировано, поскольку рамки этого направления не вполне ясны, а широта подхода препятствует основательному знакомству с ним. В этой ситуации появление рецензируемого сборника может сослужить хорошую службу, знакомя русскоязычных читателей с основными идеями когнитивной лингвистики, разрабатываемыми в мировой и отечественной науке.

Композиция книги отражает разграничение хранения (off-line) и использования (on-line) языка. Это противопоставление близко к прослеживаемому с середины прошлого столетия разделению познавательной и коммуникативной языковых функций, а позже — к оппозиции речевого поведения и речевой компетенции (linguistic performance vs. linguistic competence). Авторы статей — российские и зарубежные лингвисты — знакомы читателям по материалам конференций в области когнитивной и компьютерной лингвистики.

Открывает сборник программная статья А. Е. Кибрика, в которой приводится обоснование когнитивного подхода к языку, необходимого для выявления когнитивных структур, стоящих за речевым высказыванием на любом из существующих языков. В сущности, все включенные в издание работы так или иначе иллюстрируют разные стадии перехода «мысль — слово — мысль» и определяют границы когнитивной лингвистики.

В истории лингвистики, даже без эпитета «когнитивная», взаимосвязь языка и мышления рассматривалась как основная философская проблема. Предлагая варианты описания взаимодействия языка и мышления или языка и сознания, ученые обращались к смежным наукам и социальным сферам: к религии в Древнем мире, к теологии в Средние века, к философии и психологии в Новое время. До XX в. при изучении взаимозависимости языка и мышления языковеды ограничивались накоплением материала (исследованием и характеристикой различных языков) и интроспекцией — экспериментом с единственным испытуемым в лице профессионального лингвиста. Эта особенность языкознания обсуждалась

в программной статье Л. В. Щербы «О тройном аспекте языковых явлений и принципе эксперимента в языкознании», опубликованной в 30-е гг. В своей работе, посвященной памяти замечательного лингвиста И. А. Бодуэна де Куртенэ, академик Щерба впервые обосновал необходимость экспериментальных исследований языка и обращения к «отрицательному» языковому материалу, без чего невозможно ни охарактеризовать речевое поведение, ни выявить стадии перехода от развернутого высказывания к представлению его содержания в сознании, то есть к мысли. Один из выделенных Щербой аспектов языковых явлений — индивидуальный вариант языковой системы, конструируемый в процессе социализации и хранимый в сознании носителя языка. Индивидуальный вариант национального языка в его психологической и психофизиологической обусловленности становится едва ли не самым актуальным объектом изучения российской лингвистики во второй половине XX в. Сочетание культурно-исторической психологии Л. С. Выготского с психологическим подходом к языку, отраженным в научном наследии А. А. Потебни и И. А. Бодуэна де Куртенэ, благодаря четкому разграничению аспектов языковых явлений и обращению ко всему многообразию речевого поведения предопределило интерес исследователей к онтогенезу речи, речевой патологии, сбоям в спонтанной речи и наивному письму. В свою очередь, нестандартный «живой» материал подтолкнул разработку экспериментальных методов.

Развитие психологии, прикладной статистики и экспериментальной фонетики во второй половине прошлого столетия открыло новые перспективы: появилась возможность верифицировать сформулированные ранее гипотезы. Возникли «пограничные» области научного лингвистического знания, такие как психолингвистика и нейролингвистика. В XXI в. все «пограничные» науки вливаются в когнитивную лингвистику. Отличительным признаком отечественной когнитивной лингвистики можно считать ее менее формализованный и более «гуманитарный» характер. В классических работах зарубежных ученых (Р. Лангакера, У. Крофта и др.) важную роль играет именно формальное представление, схематизация зависимости компонентов содержания высказывания, лексической и грамматической семантики от способов их языкового воплощения. В когнитивной характеристике дискурса А. А. Кибрика, типологии референциального выбора О. В. Федоровой и рассуждениях В. Б. Касевича о терминологии точкой отсчета оказывается человек: говорящий, слушающий, размышляющий и познающий. При таком подходе традиционного для лингвистики логического языка описания семантики и построения таксономических классификаций недостаточно. В силу алогичности наивных представлений о значении слов, являющихся базовыми в построении семантических полей в фило- и онтогенезе, и нелинейности развития значения языковых единиц сфера действия формальных описаний должна быть четко осознана и дополнена описаниями, исходящими из других принципов. Следуя идее Выготского о связи «аффекта и интеллекта», антропоцентрическая лингвистика при изучении значения слова не может не признавать большую роль его коннотативного и ассоциативного аспектов и роль метафоричности значений. Однако в сборнике мы находим текст о роли телесных метафор в построении значения (статья Л. Бородицки), и не находим текста об изучении значения слова через анализ вызываемых этим словом ассоциаций. Этим вопросом много и плодотворно занималась А. А. Залевская и ее группа. А. А. Залевская написала, пожалуй, лучший русский учебник по психолингвистике, она известный психолингвист, и нам не хотелось бы думать, что ее работа не представлена из-за проводимой границы между «старой» психолингвистикой и «новой» когнитивной лингвистикой или из-за того, что содержание работ отечественных психолингвистов освоено представителями когнитивной лингвистики достаточно фрагментарно. Скорее, можно полагать, составители сборника решили не дублировать ранее публиковавшиеся работы, но в этом решении есть свой минус.

В связи со сказанным важно отметить, что в рамках современной когнитивной лингвистики различимы и психолингвистика, и онтолингвистика, и нейролингвистика. Психолингвистические эксперименты позволяют О. В. Федоровой выявить роль внимания и функцию рабочей памяти в установлении antecedента местоимения при

референциальном выборе. В разделе о языке on-line нужно отметить статью А. А. Кибрика, посвященную анализу естественного дискурса. Это сложный объект анализа, и автор начинает его с подробного рассмотрения синтагмы, или элементарной дискурсивной единицы (ЭДЕ). Он справедливо отмечает, что ЭДЕ является фундаментальной единицей языка / речевой деятельности, которая может быть описана на физиологическом, когнитивном, семантическом, грамматическом и просодическом уровнях. Это единица смыслового и моторного (фонетического / слогового и просодического) планирования. Выделенные структурные варианты ЭДЕ рассматриваются А. А. Кибриком с точки зрения порождения речи в реальном времени: планирования, автомониторинга, активации. Читатель видит, как осуществляется процессуальный подход в лингвистике, как реально работает постулат об исходной когнитивной мотивированности языковой формы, провозглашенный в программной статье А. Е. Кибрика.

Онтолингвистическое направление представлено в сборнике двумя статьями. В статье М. Томаселло, известного психолога, лингвиста и антрополога (см. [Томаселло 2011]), излагаются основные положения узуальной (usage-based) теории усвоения языка, согласно которой языковая структура — и уровень слов, и уровень грамматики — возникает из употребления. М. Томаселло исходит из социально-прагматического подхода к усвоению языка, позволяющего объяснить происхождение языка и его освоение без обращения к идее «врожденной универсальной грамматики». Одной из основ такого подхода является концепция статистического научения, согласно которой для выведения правил организации речи необходимо набрать солидный опыт участия в разнообразных коммуникативных актах [Aslin, Newport 2012]. Для выяснения правил большое значение имеют гештальтные принципы группировки, такие как временная последовательность и перцептивное сходство. Для установления перцептивного сходства важна перцептивная выпуклость (сенсорная яркость), заметность элемента цепи, позволяющая выделить его как фигуру из фона. Первоначально вычленяются элементы, часто встречающиеся в речевом общении окружающих и связанные с легко вычленяемыми параметрами ситуации. При этом невысокая частотность может подкрепляться перцептивной выпуклостью, привлекающей внимание к менее частотным, но выделенным функционально значимым элементам. Например, аппелятивы, прежде всего имена собственные, в коммуникации не являются частотными единицами, но их перцептивная выпуклость обеспечена невербальными компонентами коммуникативного акта: реакцией того, к кому обращаются, его готовностью к общению с тем, кто к нему обратился. Аппелятив перцептивно выделен благодаря интонационному оформлению, важности и прозрачности его функции в коммуникации. Перцептивная выпуклость, в свою очередь, служит основанием для группировки сходных элементов. Временная последовательность и перцептивное сходство определяют возможность объединять в группы элементы, которые регулярно встречаются вместе, причем по крайней мере один из совместно встречающихся элементов достаточно частотен в речевом опыте *per se* и в силу этого довольно быстро осваивается. Заметим, что похожим образом Л. В. Щерба описывал формирование представления о фонеме на основе переработки сходных образов в звуковом сегменте, репрезентирующем морфему [Щерба 1947]. В возрасте около года дети приступают к овладению языком, располагая двумя наборами когнитивных навыков, которые сформировались для обеспечения других, более общих функций, а именно навыком «чтения намерений» (intention-reading) и навыком «нахождения образов» (pattern-finding), относящихся к грамматическому измерению. Далее М. Томаселло показывает, как, используя эти навыки, ребенок осмысливает речь взрослого и строит высказывания, наполненные смыслом. Концепция Томаселло близка к идеям Выготского, недаром за ним закрепилось прозвище «американский Выготский».

В статье петербургских лингвистов М. Д. Воейковой, В. В. Казаковской и Д. Н. Сатюковой показаны существенные особенности усвоения прилагательных в отличие от усвоения существительных и глаголов. Если для появления в речи ребенка глагола или существительного необходим первичный когнитивный опыт, предполагающий построение схем

использования объекта или действия («чтение намерений» реальных действий взрослого), то для освоения прилагательных возможна опора в первую очередь на языковой опыт («чтение намерений» высказываний *Буратино хороший, Карabas плохой*) с последующим уточнением когнитивного содержания.

На традиции нейролингвистики А. Р. Лурии опираются О. В. Драгой и ее соавторы, обсуждающие сложность декодирования семантически обратимых предложений в норме и при патологии речи. Список сложных для восприятия предложений типа *Вася побит Петей* и *Я не привык не подчиняться правилам*, конструкций *брат отца*, *прогулка перед обедом* и др. был приведен в работах А. Р. Лурии (см. [Лурия 1947] и последующие). Обратимые конструкции не сводятся к этому списку, поскольку включают также такие сочетания, в которых отношения между референтами симметричны и могут быть однозначно интерпретированы только благодаря грамматическому маркеру (например, *поставит бочку на ящик / поставить ящик на бочку*). Как показывают авторы статьи, больные с семантической афазией склонны при понимании обратимых высказываний опираться на освоенные в онтогенезе сенсомоторные стереотипы и расширять границы применения таких стереотипов: например, при расшифровке пространственных конструкций обращать внимание на порядок слов, а не грамматические маркеры. На примере предложений типа *Он кладет сумку в коробку*, *Он кладет в коробку сумку* О. В. Драгой и М. Б. Бергельсон с соавторами показали, что больные понимают с меньшим числом ошибок те конструкции, где порядок упоминания имен соответствует порядку действий с предметами (*он берет сумку и кладет ее в коробку*). Опора на сенсомоторные стереотипы обнаружена и у больных с сенсорной афазией, испытывающих трудности понимания и удержания слухоречевой информации. Было бы интересно проверить, сохранится ли этот эффект при адаптированном к возможностям пациента совместном прочтении предложений (просто одновременное слуховое и визуальное предъявление при разных темпах переработки информации в разных модальностях может недостаточно помогать больному в понимании и удержании предложения в памяти). Возможность снижения этого эффекта предсказывают данные Т. В. Ахутиной [1989: 180—181]. В целом интерпретация результатов нейролингвистического исследования близка к направлению «вплощенного», или «телесного», познания (*embodied cognition*) — авторы конкретизируют представление о включенности формирования языковой способности в целостный контекст когнитивного развития индивида. Складывающиеся когнитивные схемы важны не только в ходе усвоения языка, они также могут служить источником компенсации языковой сложности и неоднозначности для постижения смысла при социальном взаимодействии и у взрослых.

Если обратить внимание на материал исследования, то можно заметить еще одну отличительную черту современной когнитивной лингвистики, отраженную в сборнике, — интерес к глаголу. Глагол и его морфология привлекли внимание представителей когнитивных наук в качестве модели для изучения хранения знаний о языке в сознании его носителя. Хранятся ли грамматические значения в памяти как маркеры единиц лексикона, как самостоятельные единицы (морфемы) или входят в состав некоторого целостного представления о грамматике языка, «врожденной универсальной грамматики»? В поисках ответа на этот вопрос исследователи обратились к данным детской речи [Bates et al. 1988; Русакова 2013], а также разработали экспериментальные методики воспроизведения глагольных словформ и образования псевдоглагольных форм по продуктивным и непродуктивным моделям [Chernigovskaya, Gor 2000; MacWhinney, Plunkett 2000]. Полученные результаты обсуждались в контексте когнитивной психологии и лингвистики, что, в свою очередь, стимулировало новые исследования глагольной семантики и морфологии. Типологическое изучение грамматики и более молодая лексико-семантическая типология выработали надежные ориентиры и язык описания различных аспектов глагольной семантики на основе параметров движения или состояния, потенциальных участников действия и его завершенности [Рахилина, Плунгян 2007; Croft 2012]. В последнее десятилетие интерес к глаголу обусловлен бурным развитием компьютерной и корпусной лингвистики. При переработке

текстовых массивов, поиске информации, извлечении данных о событиях необходимы ключи перехода от структуры события к вербальной синтаксической структуре и обратно. Одним из ключей является глагольная лексема. Таким образом, глагол остается в центре внимания психолингвистов уже добрую четверть века, см. [Bowerman 2004; Русакова, Сай 2008; Русакова 2013; Slioussar, Chuprina 2015]. Благодаря обращению к проведенным экспериментам мы имеем представление о том, каким образом переживаются различные глагольные категории носителями языка и какие из признаков глагольной словоформы релевантны для ее хранения и извлечения из памяти.

В сборнике «Язык и мысль» опубликовано несколько статей, касающихся исследований глагола и его категорий. В работе Л. А. Янда приводится расширение глагольной типологии У. Крофта с учетом особенностей русских глаголов. Крофтовская типология глаголов основана на типологии З. Вендлера, в которой разграничиваются достижения, состояния, действия и свершения. Крофт выстраивает семантическую классификацию глаголов как номинаций событий разной степени однородности, направленности и завершенности [Croft 2012]. Такой подход позволяет Крофту исчислить возможные комбинации признаков, описывающие типы предикатов — аспектальных контуров — с достаточной полнотой. Л. А. Янда признает типологию неполной и считает задачей своей работы ее дополнение на основе семантики русских глаголов. Янда — автор концепции «аспектуальных гнезд» (кластеров), объединяющих глаголы на основе правил образования разных видов перфектива от имперфектива [Janda 2007]. Неявная опора на ранее разработанные «аспектуальные гнезда» позволяет автору ввести добавочные аспектальные контуры, характеризующие особенности протекания действия во времени, направленность и позитивную / негативную результативность, когда в результате действия ситуация возвращается в исходное состояние (например, *сглотнуть*). Особое внимание автор уделяет характеристике неоднозначных случаев, возникающих чаще всего с глаголами совершенного вида (*угворить* может относиться как к достижениям, так и к скачкообразным достижениям, предполагающим несколько попыток совершения действия). При всей ценности предпринятой попытки типологии русских глаголов на основе крофтовского подхода, Янда упускает возможность обсудить иной поствендлеровский вариант семантической классификации глаголов русского языка с учетом видовых противопоставлений и тем самым невольно повторяет ранее полученные результаты. Один из вариантов расширенной вендлеровской классификации приводится в статье Е. В. Падучевой [1994]. Обсуждая таксономические категории глагола, Падучева считает их основанием для видового противопоставления в русском языке; иначе говоря, наличие видовой пары у глагола совершенного вида в целом можно предсказать на основе его принадлежности к определенной категории. Глаголы совершенного вида достаточно легко укладываются в вендлеровские категории, а для описания производных глаголов несовершенного вида необходимы производные категории. Таксономическая категория в рамках этого подхода объединяет не класс глаголов, но класс ситуаций. Подчеркнем, что тезис о соотношении семантических классов не с глагольными лексемами, а собственно с ситуацией или событием объединяет классификацию Падучевой с появившейся позже типологией Крофта. Падучева выделяет восемь классов ситуаций, добавляя к вендлеровским параметрам контролируемость / неконтролируемость действия и противопоставление временных / вневременных состояний. Производные глаголы видовой пары или видового кластера (а это, как правило, глаголы несовершенного вида) описываются производными таксономическими категориями. Насколько мы можем судить, в статье Е. В. Падучевой обсуждаются некоторые из дополнительных параметров глагольной семантики, необходимость которых обосновывает Л. А. Янда: временные ограничения и контролируемость / неконтролируемость действия, соотносимую с направленностью. Такое совпадение результатов исследований, проведенных различными методами, можно считать доказательством объективной значимости семантических множителей «направленность», «контролируемость» действия, «временной / вневременной характер» состояния для описания значения русских глагольных лексем.

О глагольной семантике упоминается в статье А. Д. Кошелева «О референциальном подходе к лексической полисемии». Автор рассматривает так называемую сенсорную лексику в перцептивном аспекте: как воспринимается соответствующий объект, как фиксируется его образ в памяти, какие из перцептивных характеристик предопределяют ограничения в использовании номинации объекта? Автор предполагает, что использование глаголов, обозначающих доступные зрительному восприятию действия, ограничено наблюдаемыми характеристиками этих действий, и предпринимает попытку доказать предположение на примере семантики глагола *бежать*. Новый взгляд на проблему глагольной многозначности сосредоточен прежде всего на прототипической составляющей лексического значения, то есть на воспринятом и сохраненном образе, закрепленном в памяти благодаря наложению однотипных ситуаций, встреченных в повседневном опыте индивида, друг на друга. Заметим, что обращение к термину «прототип» не кажется нам удачным, поскольку вызывает ассоциацию с прототипом как представителем категории [Rosch 1975]. В сущности, речь идет об усредненных итогах «чувственных групп» и «чувственных рядов» по И. М. Сеченову [1958]. В когнитивной науке XXI в. «чувственные группы» и «чувственные ряды» соответствуют нейронному субстрату языкового значения (точнее, денотативного компонента языкового значения). Понимание речевого высказывания происходит в случае воспроизведения выраженного словами содержания в виде представления, воспроизведения референтной ситуации посредством сенсорного и моторного кодов [Speer et al. 2009]. Автор статьи ставит своей целью выявление «чувственной группы» в составе лексической семантики глагола и описание тех ограничений, которые прототипическая для языковой семантики «чувственная группа» накладывает на использование глагольной лексемы по отношению к различным участникам ситуации (события). Полагаем, что речь идет о перцептивно выпуклых признаках референта, которые по тем или иным причинам оказались важными в определенных ситуациях, не являясь существенными по отношению к самому объекту или частотными в опыте. Наряду с прототипической составляющей семантики, перцептивной по своей природе, автор выделяет каузальную составляющую, соотносимую с функциональным представлением о референте, его ролью в повседневной жизнедеятельности человека.

На наш взгляд, предлагаемый подход дает возможность использовать современные нейролингвистические и нейропсихологические данные при характеристике языковой семантики. Меж тем описание значения лексемы не может быть сведено к прототипической и каузальной составляющей даже для относительно простых глаголов, обозначающих зрительно воспринимаемые действия и состояния. Однако стоит признать, что установление соответствий между данными смежных наук представляет собой отдельную исследовательскую задачу, не сводимую к описанию единичных примеров. Насколько нам известно, пока не преодолено противоречие между результатами лингвистического компонентного анализа, дистрибутивного анализа, с одной стороны, и «наивным» представлением семантики языковой единицы, с другой. Собственно, выделяемые лингвистами семы (семантические признаки, семантические множители) не имеют, насколько мы можем судить, непосредственных нейрофизиологических коррелятов — в противном случае не требовалось бы использовать трудоемкие процедуры для обнаружения сем в значении лексемы. Полученные в экспериментах на лексический выбор и прайминг данные о значимости семантической близости для распознавания слов наивными носителями языка доказывают способность определять семантическое сходство, но не выделять ответственный за сходство семантический признак. Иначе говоря, представления о семантических признаках являют собой не декларативные знания, хранимые как единицы семантической памяти, а процедурные знания, то есть умение диагностировать сходство.

Различия в повседневном опыте, несовпадение выпуклых перцептивных признаков в разных культурах и социумах приводят к появлению семантических особенностей даже у самых простых по значению сенсорных глаголов. Невозможность создания универсального естественного семантического метаязыка для типологического описания семантики

предопределена различием в акцентировке компонентов перцептивного образа, что может приводить к значительным отличиям перцептивно выпуклых признаков в разных культурах и языках.

Хотелось бы специально подчеркнуть, что за различиями в языковой семантике мы не склонны усматривать непреодолимого несовпадения ментальности. Любой представитель человечества в состоянии овладеть любым из языков и готов по мере необходимости решать любые интеллектуальные задачи, не зависимо от родного языка. С этой точки зрения мы склонны усматривать некоторую полемическую заостренность в выводе Л. Бородицки о том, что «люди, говорящие о времени по-разному, думают о нем тоже по-разному; языки не только отражают структуру наших неязыковых ментальных репрезентаций, но и накладывают фундаментальный отпечаток на эти репрезентации, проявляющийся даже в выполнении низкоуровневых перцептивно-моторных задач» (с. 206). Скажем, склонность представителей австралийской общины Пормперо выстраивать временную последовательность картинок в соответствии с ориентацией пространства по сторонам света, то есть с востока на запад, отражает приверженность системе координат для определения направления времени — от восхода до заката, — а не сбой в распознавании последовательности событий. Выполнение низкоуровневых перцептивно-моторных задач совсем не обязательно обусловлено переносом пространственной языковой метафоры на понимание хода времени: скорее всего, в тех случаях, где пространственная метафора перестает работать, представители общины в состоянии отразировать ее нерелевантность и установить временную последовательность действий и длительность промежутка времени, необходимого для выполнения определенных операций. В противном случае община не смогла бы выжить и удовлетворять насущные потребности.

В рецензируемом сборнике опубликована статья об асимметрии употребления одних и тех же языковых средств для описания пространства и времени. Т. Нессет и А. Макарова показывают, что одни и те же грамматические средства, используемые для передачи пространственных и временных значений, значительно различаются синтагматикой: русский предлог *в* используется с большими ограничениями во временных конструкциях, нежели в пространственных. Таким образом, не оспаривая значимости пространственных представлений для понимания и обозначения времени, авторы доказывают наличие существенных различий даже в грамматических способах выражения пространственной и временной семантики. Составители сборника «Язык и мысль» дают русскоязычному читателю возможность познакомиться с неоднозначностью результатов исследований близкой проблематики в рамках когнитивной лингвистики.

В завершение рецензии обратимся к некоторым теоретическим вопросам когнитивной лингвистики и ее предистории.

Связь когнитивной лингвистики с предшествующими ей лингвистическими теориями освещается в статье В. М. Алпатова. Автор отмечает важность для изучения функционирования языка в аспекте его роли в освоении, обработке, хранении и передаче знания наследия таких ученых, как К. Фосслер, В. Н. Волошинов, К. Бюлер и ряда других. Алпатов акцентирует внимание на той линии развития языкознания, что была противопоставлена сосюррианскому структурализму и противилась «дегуманизации» (В. И. Абаев) лингвистики и нивелированию интереса к речи и живым актам общения как социального взаимодействия. Наука (или протонаука) о языке зарождалась в ответ на жизненно важные запросы социального взаимодействия, такие как:

- i. необходимость стандартизации записей, перевода торговых и военных договоренностей, как в Древнем Египте и Месопотамии;
- ii. требование создания, интерпретации и толкования сакральных текстов, как в Древней Индии и средневековой арабской культуре;
- iii. определение законов мышления, границ познания и свободы человека, как в Древней Греции.

Впрочем, последнее имеет опосредованное отношение к практической жизни. Как раз древнегреческая традиция обсуждения проблем соотношения слова, звука и смысла в контексте философии, разработка основ грамматики и формулирование основ риторики Аристотелем положили начало теоретическому языкознанию. В таком случае уже истоки науки о языке антагонистичны: наиболее разработанная лингвистическая теория создавалась в Древней Греции не в такой тесной связи с практикой, какую можно обнаружить на Древнем Востоке. Замечательная грамматика Панини, сопрягавшая оба подхода и передававшаяся в Древней Индии из поколения в поколение, не оказала заметного влияния на становление знаний о языке. Расхождение между теоретически и прагматически ориентированными теориями не преодолено до сих пор. В заметках о когнитивности В. Б. Касевича представлена возможность осознания и преодоления этого расхождения на основе определения соотношения понятий «информация», «знание», «познание» и соответствующих терминов. Касевич описывает природу языкового значения, позволяющего передавать знание в акте коммуникации, как разность (дельту) между составом знаний адресата *до* и *после* высказывания адресанта. Таким образом, языковое значение, являясь ключевым понятием теоретического языкознания, выступает как способ передачи информации и трансформации базы знаний коммуникантов, то есть когнитивной сферы участников социального взаимодействия. Прагматическая ценность высказывания, существенная для «практически ориентированного языкознания», обусловлена не только собственно языковым значением, но и дополнительными параметрами акта общения, включая готовность адресата воспринять передаваемое знание и интенцию адресанта передать его.

В силу совпадения инструмента описания результатов исследования и объекта изучения лингвистики необходимость прозрачного толкования терминов и их соотношения в рамках различных направлений и школ обретает первостепенную важность для языкознания. Обсуждению размытости границ и противоречивости подходов к анализу языковых явлений в современном языкознании, с одной стороны, и множественности привлекаемых для интерпретации взаимодействия языка и мышления психологических теорий, зачастую никак не соотносящихся друг с другом даже на уровне терминологии, с другой стороны, посвящена статья А. Д. Кошелева «На пороге эволюционно-синтетической теории языка». Автор явно или неявно опирается на двухуровневую концепцию понимания высказывания, предполагающую возможность непосредственного перехода от слова к образной модели ситуации в сенсорном и моторном коде [Hickok, Poeppel 2007]. Эта точка зрения отчасти согласуется с коннекционистскими моделями освоения, хранения и использования языка, в частности, с моделью двойного потока обработки речи и языковых знаний, исходящей из необходимости двух нейронных сетей: первая соединяет сенсорную / фонологическую сеть с концептуальной системой, вторая соединяет сенсорную / фонологическую сеть с моторно-артикуляционной системой [Ibid.]. Но в таком случае речь идет уже не о логическом мышлении, к которому обычно апеллирует языкознание в поисках решения проблемы взаимосвязи языка и мышления, но о мышлении наглядно-образном и наглядно-действенном, оперирующим образами и кинемами.

Казалось бы, после описания многих языков мира, появления словарей, разработки экспериментальных и формальных методов, позволяющих объективировать и верифицировать суждения и теоретические постулаты лингвистов, а также создания языковых корпусов, систематизирующих поистине безграничные данные, можно преодолеть противоречия в терминологии и лингвистической интерпретации языкового материала за счет сохранения в обиходе положений, подтвержденных практическим анализом, и предания забвению всего остального. Однако стремление к такому теоретическому монолизму противоречит сложному системному и динамическому построению языка, для которого характерны и самоорганизация, и зависимость от социального и биологического контекста. Языковые факты оставляют возможность неоднозначных объяснений, а для любой из непротиворечиво сформулированных языковых гипотез можно найти примеры и контрпримеры. Возможно, стоит принять как должное, что в современном языкознании подчас могут быть взяты

за аксиому едва ли не диаметрально противоположные утверждения (об унилатеральности/билатеральности языкового знака; о не-/зависимости мышления от национального языка; о четкости/размытости границ между лексиконом и грамматикой и т. п.).

Отличия в становлении лингвистики от развития других — прежде всего, естественных — наук отнюдь не свидетельствуют о слабости современного языкознания. О новом этапе формирования науки о языке говорит батарея разработанных методов анализа языкового материала, которые отвечают самым строгим критериям надежности, достоверности и воспроизводимости полученных результатов. Корпусы текстов, появившиеся за последние 30 лет, систематизируют языковой материал и дают возможность верифицировать различные предположения. Наконец, создание языковых атласов и словарей известных языков, исследование вновь открытых и ранее не описанных языков расширяют представления о приемах вербальной коммуникации и отражении ментальности в национальном языке.

На наш взгляд, сборник «Язык и мысль» помогает читателю осознать наиболее важные аспекты взаимодействия языка с различными модусами и типами мышления и получить представление о разнообразии методов, используемых когнитивной наукой для исследования речевого поведения и языковой способности.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ / REFERENCES

- Ахутина 1989 — Ахутина Т. В. Порождение речи. Нейролингвистический анализ синтаксиса. М.: Изд-во МГУ, 1989. [Akhtutina T. V. *Porozhdenie rechi. Neirolingvisticheskii analiz sintaksisa* [Speech production. Neurolinguistic analysis of syntax]. Moscow: Moscow State Univ. Publ., 1989.]
- Лурия 1947 — Лурия А. Р. Травматическая афазия. М.: Изд-во Академии медицинских наук СССР, 1947. [Luriya A. R. *Travmaticheskaya afaziya* [Traumatic aphasia]. Moscow: Academy of Medical Sciences of the USSR Publ., 1947.]
- Падучева 1994 — Падучева Е. В. Таксономические категории глагола и семантика видового противопоставления // Семиотика и информатика. 1994. № 34. С. 7—31. [Paducheva E. V. Taxonomic categories of verb and the semantics of aspectual opposition. *Semiotika i informatika*. 1994. No. 34. Pp. 7—31.]
- Рахилина, Плунгян 2007 — Рахилина Е. В., Плунгян В. А. О лексико-семантической типологии // Майсак Т. А., Рахилина Е. В. (ред.). Глаголы движения в воде: лексическая типология. М.: Издательство «Индрик», 2007. С. 10—26. [Rakhilina E. V., Plungian V. A. On lexico-semantic typology. *Glagoly dvizheniya v vode: leksicheskaya tipologiya*. Maisak T. A., Rakhilina E. V. (eds.). Moscow: Indrik, 2007. Pp. 10—26.]
- Русакова 2013 — Русакова М. В. Элементы антропоцентрической грамматики русского языка. М.: Языки славянских культур, 2013. [Rusakova M. V. *Elementy antropotsentricheskoi grammatiki russkogo yazyka* [Elements of the anthropocentric Russian grammar]. Moscow: Yazyki Slavyanskikh Kul'tur, 2013.]
- Русакова, Сай 2008 — Русакова М. В., Сай С. С. Глагольная парадигма в индивидуальных системах носителей русского языка и проблема грамматического вида // Вестник Санкт-Петербургского университета. 2008. Сер. 9. Вып. 2. Ч. II. С. 205—214. [Rusakova M. V., Sai S. S. Verbal paradigm in individual systems of Russian native speakers and the problem of grammatical aspect. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta*. 2008. Ser. 9. No. 2. Part II. Pp. 205—214.]
- Сеченов 1958 — Сеченов И. М. Элементы мысли // Сеченов И. М. Избранные произведения. М.: Госучпедгиз, 1958. С. 274—412. [Sechenov I. M. The elements of thought. *Izbrannye proizvedeniya*. Sechenov I. M. Moscow: Gosuchpedgiz, 1958. Pp. 274—412.]
- Томаселло 2011 — Томаселло М. Истоки человеческого общения. Пер. с англ. Фаликман М. В., Печенковой Е. В., Синицыной М. В., Кибрик Анны А., Карпухиной А. И. М.: Языки славянских культур, 2011. [Tomasello M. *Istoki chelovecheskogo obshcheniya* [Origins of human communication]. Translated from English by Falikman M. V., Pechenkova E. V., Sinitsyna M. V., Kibrik Anna A., Karpukhina A. I. Moscow: Yazyki Slavyanskikh Kul'tur, 2011.]
- Щерба 1947 — Щерба Л. В. Преподавание иностранных языков в средней школе. Л.: Госиздат, 1947. [Shcherba L. V. *Prepodavanie inostrannykh yazykov v srednei shkole* [Foreign language teaching in secondary school]. Leningrad: Gosizdat, 1947.]
- Aslin, Newport 2012 — Aslin R. N., Newport E. L. Statistical learning: From learning items to generalizing rules. *Current Directions in Psychological Science*. 2012. Vol. 21. Pp. 170—176.

- Bates et al. 1988 — Bates E., Bretherton I., Snyder L. *From first words to grammar. Individual differences and dissociable mechanisms*. Cambridge: Cambridge Univ. Press, 1988.
- Bowerman 2004 — Bowerman M. (coordinator). *Event representation. Max Planck Institute for Psycholinguistics: Annual Report 2004*. Nijmegen: Max Planck Institute for Psycholinguistics, 2004. Pp. 87—104.
- Chernigovskaya, Gor 2000 — Chernigovskaya T., Gor K. The complexity of paradigm and input frequencies in native and second language verbal processing: Evidence from Russian. *Language and Language Behavior*. Wande E., Chernigovskaya T. (eds.). St. Petersburg: St. Petersburg Univ. Press, 2000. Pp. 20—37.
- Croft 2012 — Croft W. *Causal structure in verbal semantics and argument realization*. Oxford: Oxford Univ. Press, 2012.
- Hickok, Poeppel 2007 — Hickok G., Poeppel D. The cortical organization of speech processing. *Nature Reviews Neuroscience*. 2007. Vol. 8. Pp. 393—402.
- Janda 2007 — Janda L. A. Aspectual clusters of Russian verbs. *Studies in Language*. 2007. Vol. XXXI. No. 3. Pp. 607—648.
- MacWhinney, Plunkett 2000 — MacWhinney B., Plunkett K. Lexicalist Connectionism. *Models of language acquisition: Inductive and deductive approaches*. Broeder P., Murre J. (eds.). Oxford: Oxford Univ. Press, 2000. Pp. 9—32.
- Rosch 1975 — Rosch E. H. Cognitive representation of semantic categories. *Journal of Experimental Psychology*. 1975. Vol. 104. No. 3. Pp. 192—233.
- Slioussar, Chuprina 2015 — Slioussar N., Chuprina A. Grouping morphologically complex words in the mental lexicon: Evidence from Russian verbs and nouns. *CEUR Workshop Proceedings*. 2015. Vol. 1347. P. 136—139.
- Speer et al. 2009 — Speer N. K., Reynolds J. R., Swallow K. M., Zacks J. M. Reading stories activates neural representations of visual and motor experiences. *Psychological Science*. 2009. Vol. 20. No. 8. Pp. 989—999.

П. М. Аркадьев. Ареальная типология префиксального перфектива (на материале языков Европы и Кавказа). М.: Языки славянской культуры, 2015. 352 с. (Studia philologica). [P. M. Arkadiev. *Areal'naya tipologiya prefiksial'nogo perfektiva (na materiale yazykov Evropy i Kavkaza)* [Areal typology of the prefixal perfective aspect (a case study in European and Caucasian languages)]. Moscow: Yazyki slavyanskoi kul'tury, 2015. 352 p. (Studia philologica)]. ISBN 978-5-94457-220-2.

Тимур Анатольевич Майсак

Институт языкознания РАН, 125009, Российская Федерация
maisak@iling-ran.ru

Timur A. Maisak

Institute of Linguistics of the Russian Academy of Sciences, Moscow, 125009, Russian Federation
maisak@iling-ran.ru

Вышедшая в прошлом году книга московского типолога и балтиста, сотрудника Института славяноведения РАН П. М. Аркадьева примечательна в целом ряде отношений. При том, что явление префиксальной перфективации — то есть использования глагольных префиксов для выражения значения перфективности — имеет давнюю традицию изучения в аспектологии, особенно на материале славянских языков, обобщающих работ по типологии этого явления на более обширной языковой выборке до сего времени не было. Содержание книги, однако, отнюдь не ограничивается типологически-ориентированным обзором конкретно-языкового материала, известного из более ранних работ. Во-первых, системы префиксальной перфективации в языках двух ареалов — Европы и Кавказа — подробно рассмотрены в книге с точки зрения выделенного автором набора ключевых морфосинтаксических и функционально-семантических признаков. Во-вторых, важное место уделено собственно ареальному распределению значений этих параметров, для более строгого анализа которого используются различные методики, в том числе и количественные. В-третьих, префиксальная перфективация рассмотрена в диахронической и контактной перспективе.

В последней главе книги данные из языков Европы и Кавказа, вошедших в основную выборку, дополнены типологическими параллелями из языков других ареалов, в которых отмечаются аналоги префиксальных перфективирующих морфем. В целом трудно указать на какой-либо релевантный аспект исследования префиксальной перфективации, который остался бы за пределами книги П. М. Аркадьева.

В первой главе автор формулирует необходимые понятия, излагает теоретические и методологические основания исследования и описывает его материал. В фокусе внимания в книге находится тот тип глагольных префиксов, который автор называет **превербами** и который прототипически связан с выражением пространственных значений из области глагольной ориентации (в терминах работы [Плунгян 2002]): в частности, классические превербы «способны присоединяться к глаголам, обозначающим перемещение, и специфицируют какие-либо аспекты пространственного расположения их актантов» (с. 17). Важное содержательное и терминологическое различие, которое проводится в книге вслед за устоявшейся в славянской аспектологии традицией, состоит в противопоставлении **предельности** и **терминативности**. П. М. Аркадьев отмечает, что придерживается «двухкомпонентной» теории вида, различающей акциональные значения предикатов (разделение ситуаций на статические vs. динамические, длительные vs. моментальные и т. п.) и грамматические аспектуальные значения, выражающие «точку зрения» говорящего на развертывание ситуации во времени (противопоставление перфектива и имперфектива относится именно к этому второму компоненту). В области акциональности необходимо различать два типа «предельности» — условно говоря, само наличие в семантике ситуации указания на предел и временную ограниченность ситуации, — для которых во избежание путаницы приходится использовать два различных обозначения. Таким образом, собственно «предельными» в книге названы «глаголы, обозначающие ситуации, обладающие внутренним пределом, который в конкретном употреблении может быть как актуализован (например, в перфективной форме), так и не актуализован (например, в имперфективной форме)», а «терминативными» — «глаголы, которые обозначают ситуации, ограниченные во времени; частным случаем терминативных являются такие предельные глаголы, у которых достижение предела актуализовано во всех формах» (с. 23). Два указанных признака являются независимыми, так что возможны все четыре сочетания их значений (так, ситуация *написать письмо* предельна и терминативна, тогда как *посидеть* — непредельна и также терминативна).

Что касается языкового материала, в книге учитываются данные значительной части современных славянских языков (русского, польского, чешского, словацкого, верхнелужицкого, словенского, сербохорватского, болгарского и македонского), балтийских языков (литовского и латышского), двух германских языков (немецкого и идиша) и одного финно-угорского (венгерского), а из языков Кавказа — одного иранского (осетинского), четырех картвельских (грузинского, сванского, мегрельского и лазского) и в качестве сопоставления — одного западнокавказского (адыгейского), в котором развитая система превербов не связана с перфективацией. Для ряда языков к рассмотрению привлекается не только стандартный (литературный) вариант, но и диалекты. Источники языковых данных в большинстве случаев являются «вторичными» (это грамматики, словари или специальные исследования), хотя в случае русского, литовского и адыгейского языков автор опирается и на «первичные» данные, полученные им самим от носителей языка или в результате анализа корпусов текстов.

В четырех центральных главах книги подробно рассмотрены значения тех параметров типологии превербов — как собственно систем превербов, так и превербных глаголов, — которые перечислены в первой главе. Глава 2 посвящена морфосинтаксическим признакам превербов. С точки зрения их морфологического статуса и степени морфологизации языки, где превербы неотделимы от основы (например, славянские), противопоставлены языкам с ограниченной отделимостью (так, в осетинском между превербом и глаголом допустимо вставление некоторых клитик) и тем языкам, где превербы обладают значительной

степенью отделимости (например, в немецком и венгерском преверб может располагаться от глагола достаточно далеко, а также составлять отдельное высказывание). Различаются языки и по позиции превербов в глагольной словоформе: хотя в значительном числе случаев других префиксальных морфем, кроме превербов, не имеется, в ряде языков выделяется несколько префиксальных позиций и превербы могут располагаться только в одной из них (например, в литовском таких позиций пять, и для превербов «зарезервирована» вторая). Еще два тесно взаимосвязанных параметра — это возможность «итерации» превербов, то есть присутствия в глагольной словоформе более одного из них, и наличие внутри системы превербов нескольких подклассов, выделяемых по морфологическим критериям (к примеру, отделяемые и неотделяемые приставки в немецком). По мнению автора, «говорить об итерации превербов или множественной префиксации можно лишь в том случае, когда четкая субкатегоризация множества превербов оказывается невозможной или по крайней мере выходящей за пределы чисто морфологических критериев» (с. 47). Тем самым, в литовском или картвельских языках, имеющих четко противопоставленные группы превербов, итерация морфем из одной группы невозможна, тогда как в славянских языках она вполне продуктивна: хотя в языках типа русского и можно говорить о различии «внутренних» и «внешних» префиксов¹, их противопоставление является исключительно функционально-семантическим, но не формально-морфологическим. Наконец, еще одним параметром является наличие у превербов очевидных с синхронной точки зрения когнатов среди единиц других классов — например, предлогов/послелогов или наречий, а иногда и существительных со значением частей тела или пространственных объектов, как в адыгейском (например, *pe-* ‘передняя часть’ и *pe* ‘нос’).

Как заключает автор, «даже в языках одного географического ареала превербы демонстрируют исключительное разнообразие формальных свойств, так что те или иные классификационные признаки принимают для них подчас все возможные значения» (с. 57). Заметим, что в этой и последующих главах книги распределение значений параметров в языках выборки проиллюстрировано для каждого параметра весьма наглядно (наподобие того, как это сделано, в частности, в работах [Thieroff 2000; Haspelmath 2001]). Для этого используется упрощенный формат лингвистических карт, где каждый язык фигурирует в виде «точки» под своим сокращенным названием, а распределение значений признаков обозначается специальными шрифтовыми выделениями.

В третьей главе обсуждаются функционально-семантические свойства превербов. К ним относятся, в частности, исходные значения превербов (например, тип выражаемого ими пространственного значения и наличие дейктического компонента), членение системы превербов на более дробные функционально-семантические классы (в отличие от формально-морфологических классов, о которых шла речь в предыдущей главе), ограничения на сочетаемость превербов с глагольными основами. В другую группу признаков, ключевую для аспектуальной проблематики книги, входит характеристика собственно аспектуальных функций превербов и их взаимодействия с семантикой глагола (в частности, способность превербов влиять на актантную структуру), участие превербов в образовании так называемых «способов глагольного действия» и наличие у превербов перфективирующей функции «в чистом виде». Как уже отмечалось автором в начале книги, под аспектуальной функцией превербов понимается их воздействие на лексические аспектуальные свойства глаголов (то есть на их способность обозначать ситуации определенных типов), а именно превращение глагола в предельный (его «телисизация») или в терминативный (его «перфективация»). В славянских и балтийских языках, а также в грузинском и осетинском превербы обладают ярко выраженной перфективирующей функцией: если простые,

¹ Так, в примерах наподобие *до-пере-за-писать* ближайший к основе префикс *за-* имеет некомпозиционное значение, тогда как дальше от основы находятся префиксы с легко идентифицируемыми значениями повторности и комплетива соответственно, причем их позиция может меняться в зависимости от сферы действия (ср. *пере-до-за-писать*); см. подробнее [Татевосов 2009].

беспрефиксальные глаголы обычно обозначают в этих языках либо неопредельные ('ходить', 'спать'), либо потенциально предельные ситуации ('бежать', 'строить'), то превербы используются именно для указания на достижение потенциально предельной ситуацией результата, на актуализацию предела ('прибежать', 'построить'). Таким образом, «префиксальный глагол обозначает уже не состояние или процесс, а событие — изменение состояния, возникающее либо в результате достижения процессом конечной точки, либо спонтанно, без предшествующего процесса» (с. 73). В ряде других языков превербы используются только в телисизирующей, но не в перфективирующей функции, причем иногда, как в немецком, и такая функция свойственна лишь некоторым из префиксальных единиц, а не всей системе превербов в целом. По-разному представлено в языках и участие префиксальных глаголов в выражении «способов глагольного действия», то есть «словообразовательных категорий, тем или иным образом модифицирующих семантику исходного глагола» (с. 77). Наличие многочисленных способов глагольного действия является характерной чертой славянских языков, и сходная ситуация наблюдается в балтийских языках и венгерском. В идиш из славянских языков был заимствован целый ряд способов глагольного действия, для оформления которых были использованы германские префиксы. Из кавказских языков богатая система способов глагольного действия представлена только в осетинском, тогда как в грузинском набор продуктивных образований такого рода невелик, а в адыгейском они практически отсутствуют (аналоги способов действия выражаются суффиксами или комбинациями суффиксов с превербами).

Что касается «чистовидовых» употреблений превербов (тех случаев, когда единственный вклад префикса в семантику глагола состоит в перфективации или телисизации), то такие, по данным автора, есть во всех славянских, балтийских языках, венгерском, идише, осетинском и грузинском, хотя степень распространенности телисизации и перфективации «в чистом виде» по языкам различается. Еще один параметр варьирования — это наличие в системе единиц с делимитативной функцией, то есть таких превербов, которые бы образовывали от глаголов, обозначающих процесс или состояние ('работать', 'спать'), глаголы, обозначающие ограниченную во времени ситуацию того же типа ('поработать', 'поспать'). Продуктивные делимитативные превербы представлены лишь в части славянских языков, а также в балтийских и осетинском, тогда как в германских языках, венгерском и, по видимому, в картвельских они отсутствуют.

В небольшой по объему четвертой главе рассмотрены признаки, характеризующие не собственно превербы, а превербные глаголы. Сюда относятся наличие специфических для превербных глаголов морфологических и/или синтаксических особенностей и ограничений, наличие у превербных глаголов специфических грамматических категорий или значений, а также характер аспектуальных (точнее, акциональных) значений превербных глаголов. Хотя в целом превербы, как уже говорилось выше, модифицируют акциональную характеристику глаголов, добавляя к ней актуальную предельность (терминативность), языки проявляют различия в том, какие именно ситуации может обозначать превербный глагол. Так, в большинстве славянских языков такие глаголы обозначают только достижение ситуацией предела (или событие иного типа, например, начинательное), однако не могут выражать длительный процесс или состояние — для этого используется либо соответствующий глагол без преверба, либо вторичный имперфектив. В балтийских же языках и в идише многие префиксальные глаголы в форме настоящего времени способны обозначать процесс или состояние, см. литов. *Ati-dar-au langq* 'Я открываю [PRV-делать-PRS.1SG] окно' (с. 93). Напротив, картвельские языки и осетинский ведут себя похожим на славянские языки образом, хотя исключение представляют собой глаголы движения — они, в отличие от большинства префиксальных глаголов, допускают актуально-длительное прочтение в настоящем времени, см. осет. *ba-taх-ə* 'подлетает [PRV-лететь-PRS.3SG]' (с. 94).

Пятая глава, самая большая по объему, посвящена характеристике глагольных систем с превербами, прежде всего признакам, связанным с характером аспектуальной оппозиции простых и превербных глаголов и со степенью грамматикализованности аспектуальных

категорий, в выражении которых используются превербы. При том, что в языках наблюдается значительная вариативность с точки зрения способов членения семантического пространства между исходным глаголом и его префиксальными дериватами, существенным оказывается противопоставление между западной и восточной зоной славянских языков, ранее выявленное в серии работ С. Дики (см., в частности, книгу [Dickey 2000]). В языках западной зоны соотношение между совершенным и несовершенным видами определяется денотативными характеристиками обозначаемой ситуации — именно поэтому, например, при описании повторяющейся терминативной «микроситуации» выбирается совершенный вид (к примеру, чеш. *Úpije* (СВ) *jednu skleničku vodky denně* 'Он выпивает / *выпьет по рюмке водки каждый день'). Напротив, в языках восточной зоны употребление СВ более ограничено, поскольку в целом ряде контекстов (прежде всего, хабитуальных и презентных) НСВ используется в том числе и при обозначении точечных событий — тем самым, «если в чешском “семантической доминантой” служит терминативность “микроситуации”, то в русском ею оказывается неопределённая длительность “макроситуации”» (с. 105). Балтийские языки, венгерский и языки картвельской семьи в рассматриваемом отношении ближе к западнославянской зоне: нейтрализация акционального противопоставления превербных и простых глаголов в хабитуальных контекстах для них нехарактерна. Еще один признак состоит в наличии в языке морфосинтаксического механизма вторичной имперфективации, который бы позволял перфективированному превербному глаголу быть употребленным в имперфективном контексте. Продуктивная морфологическая вторичная имперфективация отмечается в большинстве славянских языков, а также в мегрельском и осетинском. В некоторых языках представлена лишь ограниченно продуктивная морфологическая имперфективация (например, в литовском), либо только неморфологические средства вторичной имперфективации (как постпозиция преверба в венгерском); в части языков выборки вторичная имперфективация отсутствует (к примеру, в грузинском и идише).

В пятой главе рассмотрены также такие параметры, как наличие непрефиксальных перфективирующих средств (к которым относятся, в частности, семельфактивные суффиксы в славянских языках), наличие глаголов без превербов, по акциональным и аспектуальным характеристикам сходных с превербными глаголами (простые глаголы СВ в славянских языках наподобие русск. *бросить*, болг. *хвърля*, польск. *rzucić* и проч.), и, наоборот, нетерминативных, то есть сохраняющих неопределённость, префиксальных глаголов (литов. *įsmanyti* 'понимать' или *pri-vengti* 'опасаться'). Последний раздел посвящен взаимодействию превербной перфективации с другими глагольными категориями, а именно с презенсом и футурумом, а также аористом и имперфектом. Речь идет о том, является ли футуральное значение основным у перфективного презенса, присутствует ли оно наряду с другими значениями или отсутствует вовсе; как вообще выражается в языке будущее время (например, имеется ли для имперфективных глаголов особая футуральная форма, как в восточнославянских, или же используется аспектуально нейтральная форма времени, как в балтийских языках или в осетинском); как превербный аспект сочетается с противопоставлением аориста и имперфекта (от отсутствия данного противопоставления в большинстве современных славянских и балтийских языков до наличия продуктивной системы со всеми четырьмя сочетаниями двух форм и двух видов, как в болгарском). Исходя из распределения значений признаков по языкам, П. М. Аркадьев приходит к выводу о том, что о грамматической категории аспекта, в образовании которой участвуют превербы, можно говорить лишь применительно к славянским языкам, грузинскому (и в несколько меньшей степени к другим картвельским) и осетинскому; напротив, в балтийских языках, венгерском и идише (из славянских к этому типу приближается обиходный верхнелужицкий) «нет или практически нет собственно грамматических, не мотивированных непосредственно семантикой признаков, которые позволили бы четко противопоставить терминативные (превербные) и нетерминативные предикаты как грамматические классы» (с. 174).

Результаты, полученные в четырех главах, составляющих ядро книги, в главе 6 обобщаются с использованием количественных методов; для этого автор отбирает 19 из рассмотренных

признаков, а именно те, значения которых можно представить в дискретном виде типа «+» и «-». Уже многофакторный анализ на основе таблицы, в которой значения признаков представлены для каждого языка, позволяет сделать выводы о том, что свойства превербов в славянских языках — особенно формально-морфологические — чрезвычайно гомогенны и отличают славянские от остальных языков выборки, тогда как функционально-семантические признаки превербных глаголов и в особенности глагольных систем гораздо менее гомогенны и с генетическим родством языков столь явно не коррелируют (с. 178, 180). Для всех пар языков подсчитана также степень сходства (как процентное отношение числа совпадений значений признаков в паре к числу признаков, релевантных для обоих языков) — в целом она оказывается не очень значительной, за исключением северо-восточно-славянского кластера (польский и три восточнославянских языка) и чешского и словацкого, имеющих стопроцентное сходство. Графически степень сходств между языками изображена на диаграммах, построенных по методу NeighborNet (в программе SplitsTree), а кроме того, в последнем разделе главы представлены образцы карт, где языки кластеризуются на основе изоплет, то есть числа признаков, принимающих у данного языка одинаковое значение в сравнении с выбранным эталоном. В целом в главе сделано множество любопытных наблюдений о сходствах и различиях языков, которые позволяет выявить квантитативный анализ, при этом главный вывод автора состоит в выделении двух основных кластеров языков, или двух «прототипов» префиксальной перфективации — «славянского» и «кавказского», различающихся характерными для них значениями типологических признаков. Так, если славянский «прототип» характеризуется: а) итерацией превербов, б) отсутствием их морфологической и функциональной субкатегоризации, в) отсутствием систематического выражения дейксиса, г) продуктивностью делимитативных превербов, д) вторичной имперфективацией, е) наличием суффиксального перфективатора, ж) запретом на дуративное употребление перфективных глаголов, — то кавказскому «прототипу», напротив, присущи: а) запрет итерации превербов, б) их морфологическая и функциональная субкатегоризация, в) наличие других префиксов и систематическое выражение дейксиса, г) отсутствие продуктивных делимитативных превербов (кроме осетинского) и д) вторичной имперфективации (кроме осетинского и мегрельского), е) отсутствие иных средств перфективации и ж) дуративное употребление превербных глаголов перемещения (с. 195). К обсуждению этого противопоставления, столь детальную характеристику которого можно считать одним из ключевых достижений книги, автор возвращается и в следующей главе, а также в Заключение.

В последней, седьмой, главе книги П. М. Аркадьев рассматривает системы перфективирующих превербов с точки зрения их происхождения, эволюции и подверженности влиянию языковых контактов. Обзор диахронии превербной перфективации дан по языковым семьям (индоевропейские, картвельские, уральские языки) и показывает следующую закономерность, верную для всех обсуждаемых языковых групп и семей. Хотя превербы или их морфологически свободные аналоги существовали как средства выражения глагольной ориентации уже на самых ранних этапах письменной фиксации этих языков (либо могут быть реконструированы для этих языков путем внешнего сравнения), столь же четко видно и то, что использование превербов в телесизирующей функции и тем более грамматикализация систем префиксального перфектива для всех рассматриваемых языков является сравнительно поздней инновацией, развитие которой приблизительно ограничено последними полутора тысячами или даже тысячей лет (с. 201, 232, 278). В этой связи особую важность приобретает анализ роли контактных факторов в развитии систем перфективации, и в той же главе показано, что в исследуемом ареале обнаруживается немало примеров контактного влияния. Здесь отмечаются как случаи полного («глобального») копирования, то есть заимствования языком-реципиентом превербов языка-донора (к примеру, русские, немецкие, болгарские, латышские заимствованные превербы в цыганских диалектах), так и избирательного копирования, состоящего в перестройке уже имеющейся в языке-реципиенте системы превербов по аналогии с системой языка-донора (например, калькирование

семантики славянских превербов в идише или изменение значения некоторых литовских приставок под русским влиянием). Вместе с тем ни в одном из многочисленных случаев контактного развития не зафиксировано заимствования или калькирования собственно славянской категории вида — результатом влияния являются либо слабо грамматикализованные системы, либо системы, отличные от славянских, тогда как «копирование грамматической категории из одного языка в другой, по крайней мере грамматической категории столь сложного формального устройства и столь абстрактной семантики, как славянский вид, вообще невозможно или крайне затруднено» (с. 257). В этой главе также дается обзор возможных аналогов префиксальной перфективации в других языках, а именно систем превербов как таковых (не связанных с перфективацией, как в ряде нахско-дагестанских языков) либо случаев выражения акциональных значений с помощью других типов показателей с исходно пространственной семантикой (например, использование перфективирующих суффиксов в языках кечуа и аймара в Южной Америке, марги в Африке, мокил и кусаие в Океании и проч.). Подобные параллели показывают, что само по себе семантическое развитие от директивных модификаторов к телесизаторам и перфективаторам типологически естественно, а значит дальнейшее углубленное изучение перфективов, основанных на глагольных «ограничителях», вполне перспективно.

В конце главы автор возвращается к двум выделенным им зонам «кристаллизации» систем префиксального перфектива (центральноевропейской и кавказской²) и, в частности, показывает, что говорить о славянском влиянии на кавказские глагольные системы нет оснований и что даже в рамках кавказского ареала непосредственное контактное взаимодействие между картвельскими и осетинскими языками носило достаточно ограниченный характер, так что «сама по себе эволюция аспектуальных систем этих языков проходила в значительной степени независимо» (с. 274). Нельзя не согласиться с более общим выводом П. М. Аркадьева о том, что «взаимодействие генетически унаследованного, универсально-типологического и контактно-индуцированного в эволюции грамматических систем происходит чрезвычайно сложным образом, и роль этих факторов в каждом конкретном случае не всегда может быть надежно установлена...» (с. 286).

Несмотря на то, что еще в самом начале Предисловия содержится признание в том, что «предлагаемая вниманию читателя книга возникла в качестве побочного результата занятий автора аспектологией литовского языка» (с. 9), очевидно, что перед нами на редкость глубокая и разносторонняя работа по аспектуальной типологии. Относительно частный фрагмент аспектологической проблематики исследован не только всесторонне, но и, с каждой из затрагиваемых сторон, исчерпывающим образом, что стало возможным как благодаря углубленному исследованию некоторых явлений, выполненному самим автором (в первую очередь это касается литовской видо-временной системы), так и охвату огромного количества литературы. Стоит отметить, что впечатляющий список цитируемых в книге работ включает более шестисот позиций и занимает 46 страниц (что составляет более десятой части ее объема), поэтому книга может быть использована и как справочник по аспектуальным системам языков основной выборки.

Уважение вызывает и то, что квантитативная глава представляет собой далеко не просто собрание обобщающих таблиц с цифрами, а также картинок, всего лишь иллюстрирующих кластеризацию признаков, и без того очевидную на неформальном уровне. Напротив, именно формальное представление позволяет в данном случае сделать ряд обобщений,

² Ареальная терминология в книге не всегда последовательна, хотя это и не препятствует пониманию. Так, в заглавии книги противопоставлены Европа и Кавказ, однако в основном тексте о двух этих (лингво-)географических зонах речь идет как об общем «восточноевропейском» ареале, внутри которого противопоставляются «центральноевропейские» и кавказские языки. Тем не менее, иногда исходный ареал, включая Кавказ, именуется «Центральной и Восточной Европой» (с. 13, 232) или же, напротив, в рамках этого исходного ареала противопоставляются языки Восточной Европы и Кавказа (с. 200, 287, 291).

которые не бросаются в глаза, и более наглядно продемонстрировать ключевое разграничение двух зон префиксальной перфективации.

В книге удачно соотносятся иллюстративный материал и описательный авторский текст: она содержит очень большое число примеров (для большинства языков, за исключением славянских, — в глоссированном виде), так что утверждения автора получают убедительное подкрепление. Впрочем, все спорные случаи, а также недостаточность данных для более точной характеристики тех или иных явлений всегда специально отмечаются автором.

Предложенные параметры типологии префиксальной перфективации окажутся полезными специалистам и по тем языкам, в которых представлена «неперфективирующая» глагольная префиксация либо, наоборот, перфективация, средствами выражения которой являются другие морфологические механизмы. Некоторые примеры обеих ситуаций в работе упоминаются (прежде всего, в главе 7), однако в языках мира их, вероятно, гораздо больше, так что труд П. М. Аркадьева окажется хорошим стимулом для новых открытий в этой области (особенно в случае, если со временем будет издан и по-английски).

В целом, как нам кажется, будущие исследователи глагольных систем языков Центральной и Восточной Европы и Кавказа, с одной стороны, глагольной префиксации как таковой, с другой, а также механизмов перфективации / телисизации, с третьей, вряд ли смогут пройти мимо рецензируемой книги³.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

1, 3 — 1-е, 3-е лицо
PRV — переверб

PRS — настоящее время
SG — единственное число

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ / REFERENCES

- Плунгян 2002 — Плунгян В. А. О специфике выражения именных пространственных характеристик в глаголе: категория глагольной ориентации // Плунгян В. А. (ред.). Исследования по теории грамматики. Вып. 2: Грамматикализация пространственных значений. М.: «Русские словари», 2002. С. 57—98. [Plungian V. A. On the specifics of expressing nominal spatial characteristics in the verb: The category of verbal orientation. *Issledovaniya po teorii grammatiki*. No. 2: *Grammatikalizatsiya prostranstvennykh znachenii*. Plungian V. A. (ed.). Moscow: Russkie Slovarei, 2002. Pp. 57—98.]
- Татевосов 2009 — Татевосов С. Г. Множественная префиксация и анатомия русского глагола // Киселева К. Л. и др. (ред.). Корпусные исследования по русской грамматике. М.: «Пробел-2000», 2009. С. 92—156. [Tatevosov S. G. Multiple prefixation and the anatomy of the Russian verb. *Korpusnye issledovaniya po russkoy grammatike*. Kiseleva K. L. et al. (eds.). Moscow: Probel-2000, 2009. Pp. 92—156.]
- Dickey 2000 — Dickey S. M. *Parameters of Slavic aspect. A cognitive approach*. Stanford: CSLI Publications, 2000.
- Haspelmath 2001 — Haspelmath M. The European linguistic area: Standard Average European. *Language typology and language universals. An international handbook. Vol. II*. Haspelmath M., König E., Oesterreicher W., Raible W. (eds.). Berlin: Walter de Gruyter, 2001. Pp. 1492—1510.
- Thieroff 2000 — Thieroff R. On the areal distribution of tense-aspect categories in Europe. *Tense and aspect in the languages of Europe. Empirical approaches to language typology*. Dahl Ö. (ed.). Berlin: Mouton de Gruyter, 2000. Pp. 265—303.

³ Полный текст монографии П. М. Аркадьева с момента публикации доступен и в электронном виде на сайте Института славяноведения РАН, см. <http://www.inslav.ru/resursy/elektronnaya-biblioteka/2042-2015-arkadiev>.

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ / ACADEMIC LIFE

48-я Ежегодная конференция Европейского лингвистического общества**Александр Борисович Летучий**

Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Москва, 01000, Российская Федерация
alexander.letuchiy@gmail.com

2—5 сентября 2015 г. в Лейдене (Нидерланды) прошла 48-я Ежегодная конференция Европейского лингвистического общества (SOCIETAS LINGUISTICA EUROPAEA, SLE).

Как известно, каждая конференция тяготеет к одному из двух образцов: либо это небольшой воркшоп на определенную тему, либо большая конференция с докладами из разных областей лингвистики. Конференция SLE принадлежит к последнему типу. Более того, в отличие от многих «широких» конференций (например, ALT — конференции Ассоциации лингвистической типологии), SLE не ограничена даже самым общим разделом лингвистики. В рамках этих ежегодных встреч представляются доклады, посвященные типологии и отдельным языкам, сосредоточенные на грамматике и на лексике, сконцентрированные в рамках «чистой лингвистики» и открытые смежным наукам, исповедующие функциональные и формальные подходы.

Подобная широта охвата может являться и достоинством, и недостатком конференции. С одной стороны, на «широких» конференциях многое можно почерпнуть для себя из исследований смежных и даже дальних областей. С другой стороны, в этих случаях может страдать глубина обсуждаемых проблем: чтобы разъяснить свою тему специалистам по другим разделам лингвистики, требуется немало времени и сил докладчика.

Однако в случае конференции SLE можно сказать, что плюсы явно перевешивают минусы. Конференция удобно организована, все участники имеют возможность переходить из одной секции в другую. Кроме того, ориентацию в пространстве тем облегчает наличие тематических воркшопов: внутри них организаторы ранжируют изучаемые проблемы, а в начале каждого

48th Annual meeting of the Societas Linguistica Europaea**Alexander B. Letuchiy**

National Research University «Higher School of Economics», Moscow, 101000, Russian Federation

alexander.letuchiy@gmail.com

из воркшопов представляется вводный доклад, чтобы сориентировать участников и слушателей.

Конференция этого года включала 24 воркшопов разной тематики. Расскажем только о некоторых из них.

Воркшоп «The nature of passives» был посвящен одному из самых известных синтаксических преобразований — пассивизации. Целью было проверить теоретические аспекты описания пассива на материале малоизученных языковых данных. Ключевые вопросы касались синтаксиса (какие способы выражения агенса допустимы при пассиве) и прагматики (верно ли, что ключевой функцией для пассива является выделение пациенса и уменьшение важности агенса). Среди докладов стоит отметить выступление Н. Лавида (Греция): докладчик рассмотрел историю пассива в (древне)греческом языке — в частности, безличного пассива типа ‘Письмо было написано’ — и показал, что свойства аккузативного актанта (пациенса) и конструкции в целом меняются с течением времени.

Еще один интересный доклад был представлен А. В. Выдриной (Санкт-Петербург) — она рассказывала о немаркированном пассиве (пассивной лабильности) в языке какабе семьи манде. Одна и та же форма глагола в данном языке может употребляться и как форма активного залога (‘Он украл корову’), и как пассив (‘Корова была украдена’).

Другой интересный воркшоп, на котором нам удалось побывать, назывался «Locally bound possessives as a window on language structure». Он был посвящен посессивным рефлексивам типа ‘свой’, их соотношению с нерелексивными притяжательными местоимениями типа ‘его’ и способам описания их семантики и синтаксиса. Так, А. А. Волкова (Москва) проанализировала связи

вание посессивных рефлексивов в мокшанском и эрзянском мордовском. Ключевая проблема в этих языках связана с соотношением сложных и простых рефлексивов, которые, соответственно, должны получить и разное описание. Интересно, что эрзянский и мокшанский мордовский существенно различаются по употреблению местоимений. Следовательно, доклад представлял ценность и в типологическом, и в теоретическом аспектах (посессивные рефлексивы и особенно конкуренция между ними изучены гораздо хуже, чем аргументные).

Другую актуальную проблему затронул в своем выступлении Д. Хоул (Германия). В большинстве исследований по рефлексивам в центре внимания находятся конструкции с определенным и единичным antecedентом. Однако очень во многих языках есть конструкции типа 'Каждый поднял (свою руку / свои руки)', где рефлексив относится к множественному и даже нереферентному участнику. Д. Хоул показал, что синтаксическое и семантическое описание данных структур требует дополнительных по сравнению со стандартной ситуацией правил.

Очень полезен был доклад Э. Кёнига (Германия): в нем основное внимание было сосредоточено на поведении интенсификаторов в посессивных контекстах.

Наконец, отметим воркшоп «Aspect vs. verbal and nominal valency». Казалось бы, и аспект, и вопросы валентности подробно изучены в рамках традиционных и современных подходов к языку. Однако именно корреляции между валентностью и частью речи, между аспектом и валентностью обычно лишь отмечаются по ходу основного изложения и редко становятся объектом систематического анализа. В рамках воркшопа участники исследовали вопросы о наличии аргументной структуры у имен, об их аспектуальной характеристике и т. д.

Например, был весьма интересен доклад Б. Четнаровской (Польша) об аспекте и аргументной структуре польских и английских отглагольных имен и их сочетаемости с прилагательными. В рамках доклада освещение и анализ получили конструкции типа англ. *Papal arrival* 'приезд Папы' — нередко они выводятся за рамки способов выражения субъекта глагола при номинализации, поскольку субъект выражается не ИГ, а прилагательным. Б. Четнаровская показала, что возможность адъективного выражения дает важные сведения о валентной структуре отглагольных имен.

Другие представленные на конференции воркшопы были посвящены типологии, морфологической сложности, исторической фонологии, аддитивным конструкциям, выделенности объекта как

прагматическому параметру и т. д. Среди мультидисциплинарных воркшопов, не ограниченных рамками одного направления, надо отметить воркшоп по многоязычию. Наконец, рассматривались и проблемы отдельных языков: курдского (воркшоп «The sociolinguistics of Kurdish») и латыни («Latin influence on the syntax of the languages of Europe»).

Последний воркшоп вообще типичен для конференций SLE (в том смысле, что на них почти всегда есть немало интересных докладов, рассматривающих язык в исторической перспективе) и выгодно отличает их от многих других типологических и теоретических конференций. Не случайно еще четыре воркшопа («Historical relationships among languages of the Americas», «Historical phonology and phonological theory», «Pragmatics in classical languages» и «Parameters in diachronic syntax») напрямую связаны либо с диахроническим исследованием языка, либо с материалом древних языков.

Приятно было и то, что воркшопы не носили ярко выраженной формальной или функциональной направленности. Вообще, для конференций SLE характерна атмосфера взаимной терпимости между представителями разных направлений и исследовательских подходов.

Доклады основной программы, не включенные в воркшопы, также были организованы по тематическому принципу. При этом наряду с секциями, посвященными общим проблемам типологии, выделялись целые группы докладов, сконцентрированные вокруг сравнительно узкой проблемы. Одной из таких проблем оказалось дифференцированное маркирование актантов глагола. В частности, А. БАРАНИ (США) предложил формальный анализ для выбора модели согласования (субъектной vs. объектной) в венгерском языке, связанный с категориями лица и определенности. Ж. Корнфильд (США) анализировала сходные факты турецкого языка. Широко известно, что в тюркских языках наблюдается дифференцированное маркирование прямого объекта (он может иметь падежный показатель accusativa или не иметь показателя вообще), однако, как показала Корнфильд, для той же группы языков следует говорить и о дифференцированном маркировании субъекта. Только референтные субъекты маркируются генитивом при номинализации и контролируют глагольное согласование, тогда как нереферентные не имеют показателя генитива, а номинализация несет дефолтный показатель согласования по 3-му лицу.

Помимо тематического разнообразия, конференции SLE отличает также большое разнообразие исследуемых языков, хотя конференция и не является типологической в строгом смысле

этого слова. Естественно, были широко представлены группы европейских языков (славянских, германских, романских). Среди докладов с более «экзотическим» материалом отметим большую группу докладов, посвященную кавказским языкам (к ней относились доклады П. М. Аркадьева и Я. Г. Тестельца (Москва), а также Ю. А. Ландера и И. Г. Багировой (Москва) об абхазо-адыгских языках, О. И. Беляева (Москва), Д. Форкер (Германия), Д. В. Ганенкова (Москва / Германия), Е. А. Лютиковой и С. Г. Татевосова (Москва) о нахско-дагестанских). Воркшоп «Historical relationships among languages of the Americas» привлек внимание к материалу языков индейцев Америки. Так, В. Аделаар (Нидерланды) представил доклад о генетической классификации южноамериканских языков, выступление А. Таллмана (США) было посвящено паноанским языкам. Среди других представленных языков можно назвать языки манде, пама-ньонга, тибето-бирманские и многие другие.

Расскажем кратко о некоторых других запомнившихся нам докладах. Так, в современных синтаксических исследованиях большое место занимает описание и анализ конструкций с отрицанием и способы оформления универсального отрицания типа «Никто не пришел». Во многих языках мира (например, в славянских) отмечено явление отрицательного согласования (negative concord), при котором язык имеет класс «отрицательных» единиц типа *никто* или *нигде*, способных выступать только при предикатном отрицании. А. Ковачевич (Хорватия) представила доклад об отрицательном согласовании в хорватских церковнославянских источниках: в этом выступлении она не только исчерпывающе описала ситуацию в церковнославянском, но и предоставила почву для размышлений типологов: было показано, что в одном языке (и даже в одном тексте или временном срезе) могут соседствовать конструкции с отрицательным согласованием и конструкции с «одинарным» отрицанием типа английских *Nobody came*.

Одной из наиболее изученных во всех парадигмах лингвистики категорий является залог и близкая к нему актантная деривация. Разнообразие залоговых значений так велико, что чаще всего исследователи концентрируются на одном значении, а не на зоне в целом. В этой связи был весьма интересен доклад П. В. Гращенкова (Москва) «United voices», где на материале тюркских языков был предложен формальный механизм для анализа функций и значения целого пучка актантных дериваций и залогов. Ключевым инструментом является формулировка характеристики актантного преобразования как набора параметров,

например, каузатив получает описание «[+Θ], [+acc]» (вводит роль агенса, управляет аккумулятивом), а пассив — «[+Θ], [-acc]» (вводит роль агенса, не допускает аккумулятива). Данный подход позволяет объяснить некоторые необычные черты тюркской системы дериваций — например, способность пассивного показателя *-l-* образовывать дериваты от непереходных и неагентивных глаголов типа «гнить» с модальным значением типа «Блоки легко / быстро начинают гнить».

В области маркирования аргументов глагола проблему составляют именные группы без артикля в языках, где стандартно все именные группы (или, по крайней мере, именные группы единственного числа) получают артикль. Эти случаи особенно важны в связи с тем, что языки средне-европейского стандарта являются артиклевыми. Х. Хёг Мюллер (Дания) предложил описание безартиклевых именных групп множественного и единственного числа в норвежском языке. Он показал, что отсутствие артикля не ограничено генерическими контекстами типа «Иб ломает ветки». Имеются и контексты типа «Петер красит дом / дома», где слово «дом» может стоять в единственном числе и не иметь артикля: в этом случае подразумевается, что фокус внимания говорящего находится не на объекте действия — доме, а на деятельности «красить дом» как таковой.

В то же время на конференции были представлены интересные пленарные доклады. Надо сказать, что они не страдали нередким для докладов широкого охвата недостатком — нехваткой новых данных и объяснительных решений. Так, М. Митун (США) в докладе «Enhancing our cognitive leaps» сопоставила две различных тенденции, характерные для языковых структур: с одной стороны, язык склонен кодировать связанные вещи похожим образом (например, аффиксы согласования с актантом глагола часто совпадают по форме с посессивными показателями); с другой стороны, конкретные типы таких совпадений сильно варьируют по языкам. Так, посессивные показатели могут формально совпадать с согласовательными показателями разных типов актантов: с субъектными, объектными и т. д. Степень сходства может также быть разной — от полной формальной и функциональной идентичности до совпадения только части показателя.

М. Митун считает, что различия в механизме совпадений обусловлены тем, что язык может прийти к иконичности и когнитивной простоте разными путями. Общим является стремление языка выражать похожими способами похожие значения и разными — разные. Однако конкретная траектория движения к этой цели может задействовать абсолютно разные типы изменений и промежуточные этапы. Одна из главных задач

современной лингвистики — развивать исторические исследования, где и промежуточные этапы эволюции языковых структур, и их конечный вид получали бы когнитивное объяснение и встраивались бы в типологию когнитивно мотивированных изменений.

Если выступление М. Митун было посвящено теории языковых изменений, то М. Кламер (Нидерланды) выступила с пленарным докладом, ориентированным на синхронные данные, хотя и тоже с оглядкой на диахронию. Ее исследование было посвящено типам грамматикализации глаголов и имен в языках Восточной Индонезии, прежде всего в языках семьи тимор-алор-пантар. Носители языков этой семьи на протяжении 3000 лет или даже дольше контактировали с австронезийскими языками. Как было показано в докладе, способы грамматикализации именных и глагольных лексем в исследуемых языках напрямую обусловлены и отмечены в рамках теории грамматикализации моделями, и языковыми контактами. Тем самым, контактные и «неконтактные» явления — не два противопоставленных типа языковых феноменов, языковые контакты могут быть лишь одним из факторов изменений, который занимает важное место среди других, собственно лингвистических факторов.

Наконец, И. Робертс (США) говорил о роли в лингвистике функциональных и формальных объяснений. Сегодня оказывается, что существует несколько теорий, претендующих на способность объяснить устройство языка от самых конкретных языковых фактов до общих законов его функционирования. При этом некоторые

из таких подходов если и не противоречат друг другу логически, то сознательно занимают противоположающие позиции. Именно так обстоит дело с формальной (хомскианской, генеративной) лингвистикой и функциональными / когнитивными подходами.

И. Робертс в своем докладе показал, что несовместимость парадигм в большой степени преувеличена. На самом деле как общие черты языков мира, так и параметры варьирования обусловлены и формальными ограничениями (например, широко известными островными ограничениями на вынос из сочинительной группы и других типов составляющих), и функциональными факторами.

Надо сказать, что любая «большая» конференция, кроме собственно научной, включает и социальную составляющую. Это общее ощущение научной среды и возможность познакомиться с лингвистами, которых тебе раньше приходилось лишь цитировать. И SLE 2015 не была исключением: наверняка для молодых участников и слушателей возможность увидеть (и, конечно, услышать) Б. Биккеля, Э. Кёнига, М. Митун, М. Хаспельматта и многих других стала дополнительным стимулом подать тезисы или приехать без доклада.

В целом можно сказать, что конференция SLE 2015 была очень интересной. Она характеризовалась одновременно широтой охвата и пристальным вниманием к отдельным темам — как центральным для современной лингвистики (например, к залогу и аспекту), так и (пока) периферийным (таким как аддитивные конструкции).

XVII Международная конференция SPECOM'2015 «Речь и компьютер»

**Родмонга Кондратьевна Потапова^{a,®},
Всеволод Викторович Потапов^b**

^a Московский государственный лингвистический университет, Москва, 119034, Российская Федерация; ^b МГУ им. М. В. Ломоносова, Москва, 119991, Российская Федерация; [®]rkpotapova@yandex.ru

20—24 сентября 2015 г. в Афинах (Греция) на базе Университета г. Патры (Греция) в сотрудничестве с Московским государственным лингвистическим университетом

XVII International conference SPECOM'2015 “Speech and computer”

**Rodmonga K. Potapova^{a,®},
Vsevolod V. Potapov^b**

^a Moscow State Linguistic University, Moscow, 119034, Russian Federation; ^b Lomonosov Moscow State University, Moscow, 119991, Russian Federation; [®]rkpotapova@yandex.ru

(МГЛУ), Санкт-Петербургским институтом информатики и автоматизации РАН (СПИИРАН) и Санкт-Петербургским Национальным исследовательским университетом информационных

технологий, механики и оптики (Университет ИТМО) состоялась XVII Международная конференция SPECOM'2015 "SPEECH AND COMPUTER" («Речь и компьютер»)¹.

На конференции выступили приглашенные лекторы: Г. Риголл (руководитель Института «Взаимодействие «человек — машина», Технический Университет, Мюнхен, Германия), Я. Стилиану (профессор отделения компьютерных наук Критского университета, Греция), М. САРАКЛАР (профессор отделения электротехники и электроники Босфорского университета, Турция). Темы их выступлений отражали новейшие достижения в области речевых технологий и речевого взаимодействия типа «человек — машина».

В полном объеме материалы представлены в трудах конференции: к началу работы конференции доклады были опубликованы, как и в случае с двумя предыдущими конференциями (см. [Потапова, Потапов 2014; 2015]), издательским домом «Springer» [Ronzhin et al. 2015] и Университетом г. Патры [Fakotakis et al. 2015]. Оба тома включают доклады, которые были отрецензированы членами международного программного комитета, состоящего из 50 ведущих специалистов в различных областях речевых технологий. Отобранные материалы были представлены на пленарных заседаниях, проблемно-ориентированных секционных заседаниях и в виде постеров. Число докладов, включенных в первый том, — 61; во второй том — 14. Общее число участников составило 190 человек. На конференции были представлены 19 стран: Алжир, Белоруссия, Болгария, Венгрия, Германия, Греция, Италия, Ирландия, Китай, Корея, Малайзия, Россия, Сербия, Сингапур, Словакия, Турция, Швейцария, Чехия, Эстония.

Доклад Г. Риголла (Германия) «Мультимодальное взаимодействие человека и робота с позиции специалиста-речевода» посвящен проблеме коммуникации «человек — робот» (КЧР). Докладчик отмечает, что в течение XX в. роботы создавались в основном для автономного применения, однако повышение спроса на «обслуживающих» роботов дало толчок разработке эффективных методов коммуникации между роботами и пользователями-людьми. Разработка подобных систем ускорилась в связи с созданием антропоморфных роботов, для которых потребность

в эффективном взаимодействии «человек — робот» является еще более очевидной. В докладе подчеркивается, что благодаря успеху систем КЧР в сфере обслуживания и робототехники интерфейсы «человек — робот» становятся в настоящее время привлекательными даже в тех областях, где КЧР ранее никогда не играла важной роли, особенно в промышленности. По сравнению с классическим взаимодействием «человек — компьютер», по мнению автора, основные алгоритмы взаимодействия «человек — робот» будут отличаться не столь сильно. Прежде всего это относится к функционированию системы автоматического распознавания речи и жестов. Основные различия между системами «человек — компьютер» и «человек — робот» могут заключаться в использовании различных форм взаимодействия, которые также будут зависеть от типа и предназначения робота.

В докладе М. САРАКЛАРА, Э. Дикичи и Э. Арисойя (Турция) «Десятилетие метода дискриминантного моделирования языка, применяемого для разработки систем автоматического распознавания речи» обобщены результаты исследований, в которых используется линейное или логарифмически линейное моделирование, включающее весовой вектор, ассоциируемый с векторным представлением признаков предложения. Подобная репрезентация предложения может включать лингвистически и статистически обусловленные признаки, соотносящиеся с морфологической и синтаксической информацией.

В докладе Р. Потаповой, Л. Комаловой, Н. Боброва (Москва) «Акустические методы исследования эмоционального состояния «агрессия»» представлены результаты сопоставления данных перцептивно-слухового и акустического видов анализа образцов звучащей речи на русском, английском, испанском и татарском языках применительно к эмоциональному состоянию, приближенному к состоянию агрессии [Потапова 2014]. Описываются особенности выбора информативных характеристик речи в подобного рода исследованиях. Отмечается, что состояние агрессии (как частный случай состояния эмоционального возбуждения) на акустическом уровне характеризуется рядом маркированных параметров, не всегда совпадающих с перцептивно-слуховой оценкой стимулов аудиторами.

¹ Конференция SPECOM организовывалась попеременно с 1996 г. СПИИРАН и МГЛУ в различных городах и странах. Так, в 1997 г. она проводилась дочерней организацией научно-исследовательского института вычислительной техники г. Клуж-Напока (Румыния), в 2005 г. в Университете г. Патры (Греция), в 2011 г. в Казанском (Приволжском) федеральном университете (Российская Федерация, Республика Татарстан), в 2013 г. — в Университете Западной Богемии (Пльзень, Чехия), а в 2014 г. Университетом г. Нови-Сад (Сербия).

В докладе М. Койта (Эстония) «Анализ взаимодействия “человек — человек” с целью разработки диалоговой системы» рассматриваются фрагменты корпуса диалогов на эстонском языке: 1) телефонный маркетинг, где менеджер по продажам образовательной организации уговаривает клиента пройти курс обучения; 2) разговоры между туристическим агентом и клиентом, который планирует поездку; и 3) бытовые разговоры, где один из участников требует, чтобы партнер выполнил некоторое действие. Особый случай коммуникативного взаимодействия — обсуждение, при котором собеседники преследуют противоположные коммуникативные цели. Данный вид коммуникации реализован в виде экспериментальной диалоговой системы.

В докладе М. Железны, З. Крноула, П. Йедлички (Чехия) «Анализ лицевой мимики для разработки синтеза визуальной “речи”» представлена интерпретация фиксации движения лицевых мышц лица (мимики) для последующего синтеза визуальной «речи». Для решения задачи была записана артикуляционно-фонационная и визуальная «речь» одного испытуемого с использованием 170 искусственно составленных слов. В докладе предлагается новый нелинейный метод аппроксимации данных фиксации движений с использованием заранее определенного набора артикуляционных параметров. Точность аппроксимации оценивается по значениям параметров, полученных на базе набора данных, а также проверяется на анимационной трехмерной модели головы человека.

В докладе Р. Потаповой и Л. Комаловой (Москва) «Перцептивно-слуховое распознавание эмоционального состояния агрессии» предлагается методика многоэтапного исследования вербально-когнитивных механизмов, относящихся к становлению и развитию вербальной реализации эмоционального состояния агрессии (см. также [Ротарова 2015]). В докладе описывается ряд экспериментальных исследований, которые включают перцептивно-слуховой анализ сценической речи мужчин, передающих эмоциональное состояние агрессии, на материале русского, американского английского, кастильского испанского и казанского татарского языков. Перцептивно-слуховые маркеры эмоционального состояния агрессии в анализируемых языках включают набор просодических признаков: средняя или максимальная высота голоса, большая степень громкости голоса, «изрезанный» мелодический контур, наличие коротких пауз, нечеткий (смазанный) речевой ритм.

Н. А. Мадзлан (Ирландия / Малайзия), Ю. Хуань, Н. Кэмпбелл (Ирландия) в докладе «Автоматическая классификация прогно-

зирования эмоционального настроения: аудиовизуальный анализ видеоблогов» описывают мультимодальное исследование автоматического распознавания эмоционального настроения коммуникантов (носителей американского варианта английского языка) на материале корпуса, состоящего из 500 фрагментов видеоблогов. Мультимодальный подход позволил определить максимальную информативность признака частоты основного тона и движения бровей применительно к выявлению позитивных и негативных эмоций.

В докладе «Автоматическое текстовое сопровождение (субтитры) для транслируемой в прямом телеэфире венгерской речи: быстрый и ресурсосберегающий подход» А. Варга, Б. Тарьян, З. Тоблер, Г. Шашак, Т. Фегио, Ч. Бордас и П. Михайлик (Венгрия) рассматривают применение технологии распознавания слитной речи на материале большого словаря в режиме реального времени. Учитываются условия ограниченных ресурсов для обеспечения текстового сопровождения (субтитров) звучащей речи. Вводится транскрибирование разговорной речи в прямом эфире, что необходимо для разработки программ для глухих и слабослышащих зрителей. В связи с ограничениями вычислительных возможностей применительно к режиму реального времени и требованиям к объему памяти встает вопрос о декодировании сигнала и о создании различных моделей преобразования устной речи в письменную в прямом эфире.

В. Симаки, К. Аравантину, И. Мпорас и В. Мегалуиконому (Греция) в докладе «Автоматическая оценка возраста блогеров с использованием регрессионных моделей» обращаются к проблеме автоматической оценки возраста веб-пользователей на основе их сообщений. В большинстве исследований по определению возраста этот вопрос рассматривается как проблема классификации. Авторами оценивается ряд хорошо известных и широко используемых алгоритмов автоматической оценки.

В докладе К. Симончика, С. Алеиника, Д. Иванко и Г. Лаврентьевой (Санкт-Петербург) «Автоматическая предварительная обработка речевого сигнала с целью обнаружения поврежденных фрагментов записи и дальнейшего распознавания говорящего» предлагается метод предварительной обработки, который позволяет обнаружить «щелчки», клиппированный сигнал, музыкальную помеху и т. д., а также сегменты речевого сигнала хорошего качества. В результате использования предлагаемого метода эффективность распознавания системы значительно возрастает.

В докладе Т. Теодору, И. Мпораса и Н. Факотакиса (Греция) «Автоматическое

распознавание звука в условиях городской среды» рассматривается автоматическая система распознавания звуков, которая анализирует звуковые акустические «события» в городских условиях. Эксперименты проводились с использованием набора звуковых событий, из которых были извлечены хорошо известные и широко используемые аудиодескрипторы, а также моделей, которые обучались с использованием мощных алгоритмов машинного обучения. Лучшее распознавание звуков городской среды достигается SVM (методом опорных векторов) с точностью, равной примерно 93 %.

В совместном докладе Е. Ляксо, О. Фроловой, Е. Дмитриевой, А. Григорьевой, А. Карпова (Санкт-Петербург), Х. Каа и А. А. Салаха (Турция) «Корпус эмоциональной детской русской речи “EmoChildRu”» представлен первый корпус эмоционально окрашенной детской русской речи под названием «EmoChildRu», который содержит аудиозаписи речи детей от 3 до 7 лет. База данных включает более 20 тыс. записей (около 30 часов) речи 100 детей. Запись проводилась в трех типах контролируемых условий, при которых «вызывались» различные эмоциональные состояния детей: игры со стандартным набором игрушек, повторение слов с использованием игрушечного попугая в условиях игры «магазин», просмотр мультфильма и пересказ сюжета. Корпус предназначен для изучения эмоционального состояния детей по голосу и речи, а также для изучения формирования эмоциональных состояний в онтогенезе. Часть корпуса аннотирована с учетом трех эмоциональных состояний (дискомфорт, нейтральное состояние, комфорт). Дополнительные данные включают измерения активности мозга (исходные ЭЭГ, запись вызванных потенциалов), результаты анализа взрослыми слушателями речи ребенка, анкеты и описание диалогов. В работе описаны два эксперимента по анализу детской эмоциональной речи: взрослыми реальными слушателями и с помощью автоматического классификатора. Результаты автоматической классификации схожи с результатами восприятия речи человеком. Вместе с тем точность оценки в обоих случаях ниже 55%, что свидетельствует о трудности определения детских эмоций по речи в естественных условиях.

Доклад Р. Потаповой и В. Потапова (Москва) «Когнитивный механизм декодирования смыслового содержания речевого дискурса в шуме» содержит результаты экспериментальных исследований в области слухового распознавания смыслового содержания речи на основе устных текстов на русском языке в условиях шума. В исследованиях по речевосприятию слушающий обычно «декодирует» звуки и слоги,

фрагменты речи или просодию высказываний. Подобного рода эксперименты относительно просты. Сложнее оказывается задача распознавания речевых сигналов с учетом разборчивости в условиях шума, а наиболее сложными являются эксперименты по перцептивному распознаванию и пониманию смыслового содержания речевого высказывания в условиях шума. На основе проведенного многоэтапного экспериментального исследования предпринята попытка определить когнитивную специфику функционирования лингвистического механизма применительно к декодированию смысловой информации в речемыслительной деятельности человека в затрудненных условиях.

Л. Демри, Л. Фалек и Х. Тэффахи (Алжир) в докладе «Вклад в разработку системы синтеза выразительной речи для арабского языка» обсуждают процесс разработки системы синтеза выразительной речи для арабского языка. Система использует сочетание (конкатенацию) дифонов как метод синтеза для генерирования 10 фонетически сбалансированных предложений на арабском языке применительно к таким эмоциональным состояниям, как страх, счастье, удивление и др. Описываются правила транскрипции, а также используемая методика записи базы данных дифонов. Качество синтеза оценивалось с помощью перцептивно-слухового анализа.

В докладе Е. Ляксо и О. Фроловой (Санкт-Петербург) «Голосовые признаки проявления эмоций: применительно к шимпанзе, детям разного возраста, взрослым» представлены результаты анализа голосовых характеристик при изменении эмоционального состояния — как людей различного возраста, так и шимпанзе. В качестве испытуемых выступили дети в возрасте от 3 до 12 месяцев, а также в возрасте от 3 до 7 лет; взрослые (актеры) и шимпанзе в возрасте 3—17 лет. В перцептивно-слуховом эксперименте принимали участие взрослые слушатели ($n = 360$). Использовались спектрографические методы анализа. Воспринимаемые состояния распределялись по бинарной шкале «комфорт — дискомфорт». Отражение состояния дискомфорта в речевых сигналах детей разного возраста, в вокализациях шимпанзе и в речи взрослых воспринималось слушателями более однородно, чем отражение состояния комфорта. Установлено, что значения частоты основного тона и их вариативность, значения третьей «эмоциональной» форманты и продолжительность стимула являются важными акустическими характеристиками, служащими для распознавания состояния дискомфорта по голосовому сигналу.

К. Аравантину, В. Симаки, И. Мпорас и В. Мегалуиконому (Греция) в докладе

«Гендерная классификация авторов веб-блогов с использованием отбора признаков и моделей языка» рассматривают проблему автоматической гендерной классификации авторов веб-блогов. Докладчики применяют восемь широко используемых алгоритмов машинного обучения, чтобы изучить их влияние на повышение точности гендерной классификации. Оценка характеристик осуществляется по набору статистических функций, функций маркирования частей речи и функций модели языка. В экспериментах использовались модели классификации на основе деревьев решений, методы опорных векторов и алгоритмы отложенного обучения. Экспериментальная оценка показала значимость особенностей языковой модели для решения поставленной задачи классификации пола автора блога.

Целью доклада А. Прудникова, И. Меденникова, В. Менделева, М. Кореневского и Ю. Хохлова (Санкт-Петербург) является изучение путей совершенствования акустических моделей, предназначенных для распознавания слитной спонтанной русской речи. Авторы использовали ряд существующих методов применительно к русской речи, на основе которых были разработаны два взаимодополняющих подхода: использование нейронной сети на основе *i*-вектора (*i*-vector) и информация о зависящих от говорящего особенностях; сочетание этих подходов обеспечивает снижение частоты ошибок.

В докладе В. Женило и В. Потапова (Москва) «Инвариантные компоненты речевых сигналов: анализ и визуализация» рассмотрена проблема передачи информации с помощью звуковых волн, которые в реальных условиях весьма вариативны. Информацию можно передавать только с помощью инвариантных структур, каковыми могут выступать частоты гармонических составляющих речевых сигналов. Некоторые подобные инвариантные структуры формируются непосредственно в аппарате речеобразования в виде частот свободно затухающих колебаний воздушного столба речевого тракта. Другие образуются в слуховой системе человека, например, обертоны голоса. Экспериментально показано, что слуховая система человека наиболее чувствительна к изменениям именно инвариантных компонентов звука речи — гармоническим компонентам речевого сигнала. Предлагаются методы диагностики гармонических составляющих речевых сигналов, т. е. его инвариантных компонентов.

Д. Попов и В. Попова (Болгария) в докладе «Мультиmodalное представление детской речи на материале болгарского языка» останавливаются на некоторых возможностях наиболее часто используемых интерактивных платформ,

таких как TalkBank и CHILDES, корпуса которых имеют чрезвычайно широкий спектр применения в различных областях науки и общественной жизни, что определяет их социальную значимость. Кроме того в докладе представлен корпус детской речи на болгарском языке, созданный в рамках мультиmodalной парадигмы.

А. Кумпури, И. Мпорас и В. Мегалуикону (Греция) в докладе «Определение оценочной модальности отзывов на фильмы методом объединения классификаторов» описывают комбинированную схему определения мнений, основанную на дискриминантных и вероятностных алгоритмах, деревьях решений. Предложенная схема включает комплексную информацию, представленную в каждой из моделей распознавания на уровне принятия решения. Результаты эксперимента показали, что такая комбинированная схема достигает степени эффективности распознавания в 87,9%, повышая точность наиболее эффективной модели распознавания мнений на 3,5%.

В докладе Р. Потаповой и К. Оськиной (Москва) «Семантические многоязычные различия терминологических дефиниций (на примере концепта “искусственный интеллект”» рассматриваются подходы к формализации представления семантического компонента лексики на примере термина «искусственный интеллект» на материале русского, английского и немецкого языков. Предпринимается также попытка разработать оптимальную стратегию формирования контекстно-ориентированного терминологического электронного переводного словаря.

В докладе А. Степихова (Санкт-Петербург) «Роль социолингвистических факторов в определении границы предложения в тексте» анализируются взаимосвязи между восприятием спонтанной речи на основе текстовой информации и исходной речи в виде звукозаписи. Автор исследует факторы, которые могут повлиять на степень читательской «интуитивной оценки» просодических характеристик исходной речи. Для изучения «просодической компетенции» читателя внимание докладчика было сосредоточено на паузе как наиболее очевидном признаке просодических границ.

В докладе Е. Булгаковой, А. Шолохова, Н. Томашенко и Ю. Матвеева (Санкт-Петербург) «Верификация говорящего с использованием спектральных и сегментно-временных характеристик» сообщается о результатах, полученных путем совмещения методов верификации говорящего с участием человека, то есть полуавтоматических методов с использованием характеристик формант и статистических данных с учетом значений длительности звуков.

Эксперименты показали, что при помощи использования длительности звуковых сегментов можно достичь лучших результатов в задаче верификации говорящего с опорой на спонтанную речь.

Исследование, описанное в докладе Н. Богдановой-Бегларян, Г. Мартыненко и Т. Шерстиновой (Санкт-Петербург) «Корпус “Повседневная речь”: фонетика и синтаксис бытовой русской речи», проведено на базе корпуса повседневной русской речи, который включает постоянно проводимые аудиозаписи повседневной речевой коммуникации. Текущие фонетические исследования корпуса соотносятся с исследованиями в области изучения редукции речи, фонетических реализаций слов и аффиксов, фонетических ошибок и «ослышек», ритмических структур и пауз хезитации и т. д. Синтаксические исследования, прежде всего, касаются порядка слов, синтаксических групп, синтаксической сложности устных высказываний, конкретных синтаксических явлений спонтанной речи и т. д.

В докладе «Роль просодии при восприятии синтезированной и естественной речи» М. Маркович, Б. Яковлевич, Т. Миличев и Н. Мильевич (Сербия) представлены результаты исследования восприятия синтезированной и естественной речи, а также просодических характеристик и пауз в процессе понимания речи. Исследования разборчивости речи демонстрируют одинаковые результаты для обеих групп испытуемых, в то время как задача на понимание решается лучше для естественной речи по сравнению с синтезированной. Тестирование оценки качества показало предпочтение испытуемыми естественной речи, главным образом, на основе просодических характеристик и пауз.

Т. Валента и Л. Шмидл (Чехия) в докладе «“WebTransc” — веб-интерфейс для создания и анализа речевых корпусов» представили веб-приложение, которое было разработано для подготовки и обработки речевых корпусов — основных источников данных для автоматического распознавания речи, анализа естественного языка, синтеза речи и многих других задач. Приложение позволяет пользователям анализировать данные корпусов с использованием исключительно веб-браузера с доступом в Интернет без привлечения других средств. Приложение использовалось, обновлялось и совершенствовалось в течение нескольких лет.

В докладе «Просодические индикаторы семантического контента Skype-текстов (в аспекте судебной фонетики)» Р. Потапова и В. Потапов (Москва) описывают результаты экспериментального исследования устно-речевых текстов при коммуникации в программе «Skype»

на материале русского языка. В центре внимания авторов находится проблема, связанная с возможностью перцептивно-слухового распознавания семантического фокуса (ремы) всего сообщения в условиях такого отвлекающего фактора, как видеоряд, который в определенных случаях выступает в качестве эмоционального маневра для сокрытия истинного смысла сообщения. В ходе пилотного исследования проанализированы выступления носителей русского языка в режиме Skype-коммуникации. Сегментация звучащего материала проводилась по ранее разработанной методике [Potapova, Potapov 2014]. Полученные на данном этапе результаты позволили подтвердить выдвинутую авторами гипотезу, согласно которой определенные просодические параметры могут указывать на локализацию семантического фокуса (ремы) текстового высказывания в целом. Полученные данные имеют непосредственное отношение к решению криминалистической задачи восстановления смысловой доминанты устно-реализуемого текста.

К. Галиулин, Е. Горобец, Г. Каримуллина, Р. Каримуллина и Д. Мартыянов (Казань) представили доклад на тему «Лексические единицы русского языка, представленные в материалах авторов, не являющихся носителями русского языка: о создании представленного репрезентативного электронного корпуса». В сообщении дано описание уникального электронного корпуса лексических единиц в записях иностранцев за период с XV по XVII в. Корпус включает более 120 000 единиц из 63 источников различного жанра: словарей, дневников, записных книжек, календарей, посольских писем и т. д. Инвентарь корпуса содержит слова, сочетания слов, фразы, мини-тексты, диалоги, пословицы, поговорки. Особое внимание уделено инвентарю единиц русского языка, записанных не кириллицей, а, например, латиницей. Представленный в данном электронном корпусе материал расширяет возможность проведения исторического и лексикологического видов анализа языковых единиц.

В докладе на тему «Устно-речевые базы данных, соотносящиеся с реализацией иностранного акцента: проблема аннотирования» группа авторов в составе В. Завьяловой, Д. Подузовой, Д. Шайдуллиной и Е. Лукиных (Владивосток) обращается к проблеме сложности аннотирования речи с иностранным акцентом на примере русско-азиатского корпуса английского языка, созданного в Дальневосточном федеральном университете (Россия). Базой для создания корпуса послужили результаты фонетических исследований восточно-азиатского английского языка, который характеризуется специфическим акцентом, основанным на фонологической

типологии родных языков говорящих, включая слоговую организацию, влияющую на сегментацию конечного интерферируемого речевого высказывания. Сформированный корпус интерферирующей русско-азиатско-английской речи содержит социолингвистическую информацию о говорящем: возраст, пол, национальность, страну рождения и т. д. Сюда же относятся информация о коммуникативной ситуации, качестве записи материала и т. д. Охвачены такие виды речевой деятельности, как квазиспонтанная речь и чтение, реализуемое на основе подготовленных образцов интерферирующей английской речи.

В докладе В. Симаки, Й. Морас, М. Кондили (Греция) на тему «Акустические различия между литературным греческим языком и греческим языком, функционирующим на территории о. Кипр» указывается на то, что в современной диалектологии большое значение придается исследованиям в области географически обусловленного языкового варьирования. Различия между литературным языком и его диалектальным варьированием могут быть выявлены на всех уровнях лингвистического анализа. Авторы останавливаются на описании акустических различий вокализма и консонантизма между названными языковыми ареалами и предлагают восемь правил, которые позволяют дифференцировать литературный греческий язык и греческий язык острова Кипр. Предлагаемые в докладе правила основаны на аллофоническом варьировании и дифференциальных акустических признаках вокализма и консонантизма.

Доклад И. Йокича, С. Йокича, В. Делича и З. Перича (Сербия) «Влияние языкового контента на точность автоматического распознавания говорящего» содержит результаты исследования, в котором устанавливалась зависимость между индивидуальными акустическими характеристиками говорящего, выраженными с помощью кепстральных коэффициентов частоты основного тона (в мелах), и звучащим текстом. Модель говорящего, созданная на базе ковариационной матрицы, включает языковые особенности устно реализованного текста. Проблема возникает в тех случаях, когда либо тестовый материал произносится в быстром темпе, либо тестовые фразы являются слишком короткими. Точность автоматического распознавания говорящего повышается тогда, когда тестовый материал фонетически сбалансирован и максимально приближен к тестовым таблицам. Тестирование проводилось на специально разработанном приложении к системам «Android», предназначенном для автоматического распознавания говорящего. Для надежного распознавания говорящего достаточным оказалось

десятисекундное тренировочное обучение системы с использованием тестового материала.

Целью доклада В. Симаки, А. Кумпури, И. Мпораса, В. Мегалуикому (Греция) на тему «Идентификация пола авторов блогов: предпочитают ли мужчины и женщины различные лингвистические знаковые обозначения при написании униграмм» является попытка ответить на вопрос, существуют ли гендерные различия в употреблении на письме буквенно-знаковых средств в их текстовой реализации. Исследование проведено с использованием аннотированного корпуса «Классификация лингвистических данных с учетом гендерного признака (на материале блог-текстов)», разработанного в США и содержащего 3232 блог-текста. Данные этого корпуса включают информацию персонального характера, стилистическую, тематическую и т. п. конкретизацию. В число гендерно значимых предпочтений вошли 14 буквенных обозначений, 11 специальных знаков и знаков пунктуации, что показало перспективность проведения дальнейших исследований.

Описанная в докладе А. Харламова, А. Маслова и Р. Потаповой (Москва) «Статистическая классификация небольших по объему текстов» замена чисто статистического подхода к классификации массива малых текстов на небольшое число классов продемонстрировала улучшение качества классификации по сравнению с методом «мешка слов». Эксперименты на основе программного продукта «TextAnalyst» проводились на текстовом корпусе обращений граждан в муниципальные органы по общественным и личным просьбам. Модификация подхода была связана с использованием при построении семантической сети анализируемого текста помимо самого текста также и множества текстов, содержащих описание предметных областей, соответствующих анализируемым подклассам. Модификация статистического когнитивного подхода позволила улучшить качество классификации малых текстов по сравнению с использованием метода «мешка слов» в среднем на 10%, что является приемлемым результатом по сравнению с использованием хорошо известных, несложных, и вычислительно не очень емких методов.

В докладе Р. Потаповой, В. Потапова и И. Баженовой (Москва) «Разработка исследовательского стенда применительно к использованию облачных технологий в области интегрированных устно-речевых баз данных» впервые предложен метод использования облачных технологий в целях хранения и санкционированного доступа к лингвистическим базам данных, в данном случае к устно-речевым базам данных. Авторами разработана совершенно новая парадигма

для организации инфраструктуры и создания распределенных приложений, что поможет разработать пакет веб-сервисов для унифицированной мультиплатформы на базе облачного шкалирования. В качестве примера рассматривается аннотированная база данных арабского языка, содержащая материал телефонных переговоров на современном разговорном арабском языке. Особое внимание уделено анализу существующих систем облачных хранилищ, что дало авторам возможность остановиться на системе определенного типа, например, Windows Azure и SQL Azure, и разработать исследовательский стенд для решения поставленной задачи.

Доклад Р. Потаповой и Н. Боброва (Москва) «К вопросу о разностороннем способе аннотирования лингвистических баз данных: практические результаты и новый гибкий подход» содержит описание нового подхода к аннотации лингвистических устно-речевых баз данных и метаданных, который может быть определен как многостороннее (многопараметрическое) аннотирование. Авторы исходят из следующих требований: аннотация должна быть максимально прозрачной и менее сложной для лингвистов, чем XML; формат аннотации должен автоматически конвертироваться в XML; структура аннотации должна быть достаточно гибкой для ввода новых полей и значений. В докладе представлен образец подобного подхода к аннотации устно-речевой базы данных.

В докладе «Компьютерный инструментарий для создания речевого корпуса» А. Широковой, И. Главатских, Т. Платоновой, В. Рогожиной, А. Смолиной, М. Котова (Москва) обсуждаются способы оптимизации процесса создания речевых корпусов, суммируется опыт разработки и использования собственного программного обеспечения для автоматизации и технологического упрощения компьютерного инструментария для создания речевого корпуса. В докладе представлено описание программного продукта «Speech_to_text», который создавался как многофункциональная программа-клиент для взаимодействия пользователя с системой распознавания речи, установленной на удаленном сервере.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ / REFERENCES

- Потапова 2014 — Потапова Р. К. Социально-сетевой дискурс как объект междисциплинарного исследования // Материалы второй международной научной конференции «Дискурс как социальная деятельность: приоритеты и перспективы». Часть 1. М.: МГЛУ, 2014. С. 20—22. [Potapova R. K. Social networks as an object of interdisciplinary studies. *Materialy vtoroy mezhdunarodnoy nauchnoy konferentsii "Diskurs kak sotsial'naya deyatel'nost': priority i perspektivy"*. Part 1. Moscow: Moscow State Linguistic University. Pp. 20—22.]
- Потапова, Потапов 2014 — Потапова Р. К., Потапов В. В. XV Международная конференция SPECOM'2013 «Speech and computer» («Речь и компьютер») // Вопросы языкознания. 2014. № 3. С. 138—140. [Potapova R. K., Potapov V. V. The XV International conference SPECOM'2013 "Speech and computer". *Voprosy jazykoznanija*. 2014. No. 3. Pp. 138—140.]
- Потапова, Потапов 2015 — Потапова Р. К., Потапов В. В. XVI Международная конференция SPECOM'2014 «Speech and computer» («Речь и компьютер») // Вопросы языкознания. 2015. № 4. С. 147—154. [Potapova R. K., Potapov V. V. XVI International conference SPECOM'2014 "Speech and computer". *Voprosy jazykoznanija*. 2015. No. 4. Pp. 147—154.]
- Potapova 2015 — Potapova R. From deprivation to aggression: Verbal and non-verbal social network communication. *Global Science and Innovation: Materials of the VI International Scientific Conference*. Vol. I. Chicago, November 18—19, 2015. Chicago: Accent Graphics communications, 2015. Pp. 129—137.
- Potapova, Potapov 2014 — Potapova R. K., Potapov V. V. Pragmaphonetic features of oral academic genre (on the basis of German university lectures). *The phonetician. A publication of the International Society of Phonetic Sciences (ISPhS)*. 2014. Vol. 109—110. Pp. 45—54.
- Ronzhin et al. 2015 — Ronzhin A., Potapova R., Fakotakis N. (eds.). *Proceedings of the 17th International Conference on Speech and Computer, SPECOM 2015*. (Lecture Notes in Artificial Intelligence, 9319 LNAI). Dordrecht: Springer International Publ., 2015.
- Fakotakis et al. 2015 — Fakotakis N., Ronzhin A., Potapova R. (eds.). *Proceedings of the 17th International Conference "Speech and Computer", SPECOM 2015* (Athens, Greece, 20—24 September 2015). Patras: Univ. of Patras Press, 2015. Vol. II.

Виноградовские чтения 2016 г.

Юлия Станиславовна Капитанова

Институт русского языка им. В. В. Виноградова
РАН, Москва, 119019, Российская Федерация

jukap@mail.ru

28 января 2016 г. в Институте русского языка им. В. В. Виноградова РАН (Москва) прошли очередные Виноградовские чтения. Открывая чтения, акад. РАН А. М. Молдован подчеркнул, что сорок седьмые чтения — период двух поколений лингвистов, и организаторы, каждый раз сомневаясь, насколько программа ежегодных чтений соответствует интересам В. В. Виноградова, убеждаются, что вопросы, разрабатывавшиеся академиком, созвучны поискам современной русистики. В этот раз доклады были посвящены различным проблемам (тема чтений — «Новое в русистике»).

К. М. Корчагин (Москва) в сообщении «Субъект как предмет лингвистической поэтики» рассмотрел основные предпосылки современного понимания субъекта и субъективности (концепции Аристотеля, формалистов, философской герменевтики) в поэтике и показал, как наблюдения предыдущих исследователей (И. И. Ковтуновой, Н. А. Фатеевой, И. Г. Ревзиной) с некоторыми уточнениями могут быть использованы для анализа новейших поэтических текстов. Докладчик отметил необходимость широкого прочтения текста с учетом максимального числа его характеристик — грамматических, метрических, прагматических и др. Были рассмотрены три произведения поэтов нашего времени при помощи традиционных средств лингвистической поэтики: анализа местоименной структуры в стихотворении А. Глазовой (1), метрических особенностей в поэме Ф. Гримберг (2) и дискурсивной организации в тексте А. Очирова (3). Так как современные поэты отступают от принципов письма, считавшихся недавно нерушимыми, субъект высказывания в каждом из текстов по своему нетривиален и не сводится к выделенным предыдущими исследователями простым типам субъективности. У названных авторов это скрытый субъект (1), множественный или полифоничный (2) и расщепленный (3).

В центре внимания И. Б. Левонтиной (Москва) в докладе «Малоизученные значения частицы *-то*» были контексты, в которых реализуется разное значение в зависимости от интонационного оформления и фразового ударения (ср. *Все-то сразу не трать!* — ИК-3; *Все-то вы знаете!* — ИК-5). Данная частица

XLVII Vinogradov readings, 2016

Yulia S. Kapitanova

Vinogradov Institute of the Russian Language, Russian Academy of Sciences, Moscow, 119019, Russian Federation

jukap@mail.ru

может употребляться не только в качестве дискурсивного слова при пересказе слов третьего лица или самого говорящего, сказанных ранее, но и вносить свои дополнительные значения во фразы, не являющихся передачей чужих слов. В последнем случае, она обычно примыкает к словам *весь, вечно, везде, всегда, всякий* и др. (*Везде-то вы вперед лезете!*), а также используется в ряде высказываний с повтором, выражающих идею обобщения и часто передающих завистливое отношение к объекту высказывания («И носки-то у него белые, и брюки трубочкой <...> И на стол-то накрывают — все на фарфоре» // М. Аронов. Александр Галич. Полная биография. М., 2012 г.). В докладе были рассмотрены контексты с частицей *-то* и без нее и сделан вывод, что за каждым значением закреплён определенный интонационный контур вне которого это значение не реализуется.

А. Д. Козеренко (Москва) в сообщении «Корпус как инструмент стилистической характеристики идиом» на материале готовящегося «Частотного словаря русских идиом» (коллективный проект отдела экспериментальной лексикографии ИРЯ РАН, авторы — А. Н. Баранов, М. М. Вознесенская, Д. О. Добровольский, К. Л. Киселева, А. Д. Козеренко) показала, какая связь существует между частотой употребления идиом в жанрово-специфичных корпусах (художественной литературы, детективов и публицистики) и их стилистической характеристикой и как частотность идиом в разных корпусах может служить инструментом проверки, обоснования или коррекции стилистических помет (например, *город на Неве* (журн.): КП — 167 вхождений, КХЛ — 6). Докладчик также отметил и недостатки корпусно-ориентированного подхода, когда стилиевые характеристики невозможно установить при помощи указанной методики. Для таких помет, как «журн.», «жарг.», «высок.», «книжн.» обращение к корпусам оказывается полезным, тогда как для нейтральных помет и более нейтральных идиом оно дает меньше дополнительной информации.

В докладе А. Э. Цумарева (Москва) «Специальная лексика в толковых словарях: поиски оптимального описания» речь шла о принципах представления частично освоенной специальной

лексики (с пометой *спец.* или отсылкой к области знания) в общих словарях СРЛЯ. По мнению автора, при решении этой проблемы следует 1) опираться на теоретические разработки в области классификации такой лексики: явления одного порядка должны описываться одинаково; 2) указывать сферу употребления слова (пометы, уточнения, ремарки) в отдельной зоне словарной статьи; 3) фиксировать ранее не учтенные словарями значения специального слова, включая переносные, что даст возможность уточнить семантическую структуру слова и выявить степень его освоенности в общелитературном языке; 4) приводить текстовые иллюстрации (фрагменты из художественной литературы и публицистики XIX — нач. XXI в.); 5) давать синонимы специального слова с их стилистическими характеристиками (*абсорбировать/поглощать*), а 6) в зоне дополнительной информации о слове — добавочные лингвистические и культурные сведения (по необходимости). Основные положения данного подхода были показаны на примерах словарных статей Акафист и энтропия.

В. Ю. Апресян и А. Д. Шмелев (Москва) в сообщении «Семантика и прагматика *последнего* и *предпоследнего*» показали особенности системы значений данных слов, какие факторы помогают смысловой интерпретации сочетания с *последний* и как можно упорядочить разные случаи употребления. Докладчики определили объекты, которые бывают *последними* в зависимости от типа последовательности: статические последовательности с фиксированным порядком

(*последняя буква в слове*), определяемым наблюдателем (*последний вагон*) и создающиеся (*выступать последним*). Среди динамических последовательностей отмечены следующие: с исчезающими друг за другом (*последнее яблоко*), с появляющимися (*последний фильм режиссера*) и сменяющимися друг друга (*последняя версия компьютерной программы*) объектами, а также события и мероприятия (*последнее землетрясение, последний семинар*) и отрезки времени (*последний год, последняя минута*). В заключение были рассмотрены соответствующие синонимы и переводные аналоги в английском языке.

В докладе П. В. Петрухина (Москва) рассматривались «Типы сочетаний глагола *быти* с причастиями в древнерусских памятниках» (Болеславъ же бѣ Киевѣ сѣдя — ПВЛ). Докладчик предложил трактовать подобные конструкции как аналитическую форму (вспомогательный глагол + прич. наст. вр.). Был представлен материал, показывающий, что перифрастические конструкции и аналогичные им (псевдоперифразы, пассив, конструкции с *пребыти/пребывати* + прич. наст. вр.) представляют сложность для толкования, так как для них характерна полисемия и отсутствие формального единства; также были рассмотрены причины, затрудняющие интерпретацию (ср. две трактовки конструкций с обстоятельством места *Си бѣша въ пещерѣ моляще Бога* — ЖФП: 1) они молились Богу в пещере, 2) они пребывали в пещере, молясь Богу).

Следующие Виноградовские чтения планируется провести в конце января 2017 г.

Исправление в статье «Греческий перфект как стилистический прием» (ВЯ, 2016, № 1)

В № 1 журнала за 2016 г. в статье Ф. А. Елоевой и Д. А. Черноглазова на с. 9 в строке 23 пропущена ссылка на работу [Горбова 2013: 102—103]. Авторы статьи и редакция приносят читателям и лично Е. В. Горбовай извинения за эту опечатку.

Подписано к печати 28.04.2016	Дата выхода в свет 23.06.2016
Формат 70 × 100 ^{1/16} Цифровая печать	Усл. печ. л. 13,0 Усл. кр.-отт. 5,8 тыс.
Уч.-изд. л. 15,5 Бум. л. 5,0	Тираж 435 экз. Зак. 174
Цена свободная	

Учредитель: Российская академия наук

И з д а т е л ь: Российская академия наук. Издательство «Наука»,
117997, Москва, Профсоюзная ул., 90

А д р е с р е д а к ц и и: 119019, Москва, ул. Волхонка, 18/2. Институт русского языка,
телефон (495) 637-25-16

Оригинал-макет подготовлен С. С. Белоусовым

Отпечатано в ППП «Типография “Наука”», 121099, Москва, Шубинский пер., 6